

ВЕК ГЛОБАЛИЗАЦИИ

ISSN 1994–9065

2
2008

ИССЛЕДОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ ПРИ СОДЕЙСТВИИ

РОССИЙСКОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ (РЭА)
РОССИЙСКОГО ФИЛОСОФСКОГО ОБЩЕСТВА (РФО)

Выходит 2 раза в год

Издается с 2008 г.

Шеф-редактор

Л. Е. Гринин

Главный редактор

А. Н. Чумаков

Редакционная коллегия:

Барлыбаев Х. А., Гирусов Э. В., Ивахнюк И. В., Ильин И. В., Калачёв Б. Ф., Калинин П. А., Кацура А. В., Мамедов Н. М., Митрофанова А. В., Мозговой С. А., Попков В. В., Пырин А. Г., Режабек Б. Г., Снакин В. В.

Международный редакционный совет:

Ань Цинянь (*Китай*), Бондаренко Д. М. (*Россия*), Вебер А. Б. (*Россия*), Гэй У. (*США*), Гусейнов А. А. (*Россия*), Данилов-Данильян В. И. (*Россия*), Дафферн Т. (*Великобритания*), Добровольский Г. В. (*Россия*), Ецимович Т. (*Словения*), Израэль Ю. А. (*Россия*), Иноземцев В. Л. (*Россия*), Камуселла Т. (*Польша*), Капица С. П. (*Россия*), Кисс В. С. А. (*Венгрия*), Колбаси Х. (*Иран*), Коротаяв А. В. (*Россия*), Кучуради И. (*Турция*), Лисеев И. К. (*Россия*), Мазур И. И. (*Россия*), Назаретян А. П. (*Россия*), Степин В. С. (*Россия*), Урсул А. Д. (*Россия*), Юдин Б. Г. (*Россия*).

Адрес редакции:

119992, г. Москва, ул. Волхонка, д. 14, к. 102, Президиум РФО.

Тел.: (495) 203-92-98. E-mail: chumakov@iph.ras.ru

УЧРЕДИТЕЛЬ – ИЗДАТЕЛЬСТВО «УЧИТЕЛЬ»

Адрес издательства:

400067, г. Волгоград, ул. Быстрова, 82–53.

Тел.: (8442) 44-85-53, 44-74-56. E-mail: peruch@mail.ru Сайт: www.uchitel-izd.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ

Чешков М. А. Глобальность как базовое понятие глобалистики.....3

Барлыбаев Х. А. Глобализация: вопросы теории и практики 12

Кучуради И. Глобализация свободного рынка с философско-этической точки зрения.....21

МИРОВОЙ КРИЗИС

Хасбулатов Р. И. Глобальный финансовый кризис: причины и последствия30

Гринин Л. Е. Нежеланное дитя глобализации. Заметки о кризисе46

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Добровольский Г. В. Деградация почв – угроза глобального экологического кризиса54

Гирусов Э. В. Энергетика человечества в глобальном измерении.....66

Алешковский И. А., Ионцев В. А. Тенденции международной миграции в глобализирующемся мире.....77

ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Чумаков А. Н. Современный мир: на пороге фундаментальных трансформаций88

Дёжжин В. В., Снакин В. В., Попова Л. В. Восстановительное природопользование – основа устойчивого развития.....95

Калачёв Б. Ф. Движение наркогенов: из Космоса на Землю и вновь во Вселенную.....114

РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

Кацура А. В. «Всемирная отзывчивость», или русский путь к глобализму (продолжение).....129

Василенко В. Н. Триалог о ноосферной природе и судьбе человечества142

ЧЕЛОВЕК И СОВРЕМЕННОСТЬ

Юдин Б. Г. Технонаука, человек, общество: актуальность гуманитарной экспертизы.....146

Маркович Д. Ж. Культура мира, толерантность и межэтнические отношения155

ГЛОБАЛЬНАЯ ПЕРСОНА

Кантор К. М. Учение Маркса: универсализм и глобализм164

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ, ОБРАЗОВАНИЕ

Факультет глобальных процессов МГУ им. М. В. Ломоносова172

Малюкова О. В., Пырин А. Г. Философско-методологические исследования глобалистики182

Ярошук Н. З. Ответ на вызовы современности.....191

Красиков В. И. Гуманизм versus глобализации насилия193

РЕЦЕНЗИИ, АННОТАЦИИ, РЕФЕРАТЫ

К итогам обсуждения журнала «Век глобализации»195

Наши авторы206

Contents.....207

ТЕОРИЯ

ГЛОБАЛЬНОСТЬ КАК БАЗОВОЕ ПОНЯТИЕ ГЛОБАЛИСТИКИ

М. А. Чешков

Если в современном массовом сознании глобализация видится чуть ли не апокалипсисом (для чего есть немало оснований), то в научном сознании сложилось устойчивое представление об этом феномене как естественно-исторической закономерности, преломляемой в различных идеологемах и стратегиях. Чтобы понять этот сверхсложный феномен, надо вкратце характеризовать процесс становления глобалистики¹ и особенно ту познавательную ситуацию, которая сложилась в этой области социогуманитарного знания на рубеже XX–XXI вв.

Познавательная ситуация

Чем более выявлялась многомерная и противоречивая природа глобализации, ее проявлений и последствий, тем более в научном сознании ощущалась потребность выразить этот феномен в *едином, одном обобщающем понятии*, многосоставном и многоуровневом, способном характеризовать полярные стороны и варианты этого феномена. Без решения этой сверхзадачи невозможно дальнейшее формирование глобалистики и как особой области/направления научного сознания, и как эффективного инструмента воздействия на общественную практику. Возникает вопрос: готова ли глобалистика, и в первую очередь отечественная, в ее нынешнем состоянии к решению подобной ключевой для ее будущности проблемы?

Несомненно, что в последние два десятилетия в глобалистике (и отечественной, и зарубежной) сложились существенные предпосылки для решения этой сверхзадачи. К их числу относятся: расширение круга частно-научных дисциплин, изучающих так называемые мировые и глобальные проблемы (World and Global Studies); соединение знания философского и научного в этой проблематике; выработка специальных понятий (типа «глокальность» Р. Робертсона); видение предмета как единство глобальных проблем и процессов интеграции и фрагментации мирового сообщества (А. Чумаков) и, наконец, инвентаризация тем и проблем глобалистики².

Выработав эти свои предпосылки, глобалистика, однако, не преодолела ряда внутренних проблем. Так, не определен метод, адекватный потребностям этого

¹ Подробнее об этом см. в работах отечественных авторов (Э. Арабоглы, А. Бестужев-Лада, В. Лейбин, И. Фролов, А. Чумаков и др.).

² См.: Глобалистика. Энциклопедия / гл. ред. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. – М.: Радуга, 2003.

вида научного знания; остается открытым понимание предмета (от мирового сообщества до человечества в целом); преобладающее широкое видение предмета ориентирует глобалистику на статус «знания обо всем», «теории всего»; открытым остается и вопрос о характере этого научного знания (фундаментальное? прикладное?); междисциплинарность глобалистики выглядит скорее многодисциплинарностью и не переведена в плоскость теоретического обобщения.

Эти изъяны свидетельствуют о том, что за последние два-три десятилетия глобалистика росла скорее вширь, нежели вглубь (предмет; метод), а значит, и решение сверхзадачи (поиск обобщающего понятия) хотя и необходимо, и возможно, но далеко не гарантировано. Тем не менее, усилия в этом направлении могут стать продуктивными: надо «играть на повышение», чтобы определить контуры будущего отечественной глобалистики.

Опираясь на работы Клуба ученых «Глобальный мир» (2000–2003 гг.)³, мы предпринимаем такую попытку, формулируя понятие «глобальность» как единое обобщающее понятие, охватывающее разные уровни абстракции и открытое эмпирической реальности. Предлагаемое здесь понятие есть науковедческая конструкция, опирающаяся на методологию научного познания. Она организована как ряд последовательных «шагов», включающих определения: предмета (шаг I); основных параметров (шаг II); набора категорий (шаг III); состава и структуры глобалистики (шаг IV). В заключении вкратце рассмотрим положение глобалистики в современном совокупном знании и в истории мировых культурных систем.

Итак, шаг I: **предмет**.

Говоря о предмете, необходимо указать на его природу⁴ и вычленив его же из контекста. Вряд ли предмет адекватно определим в терминах эмпирических генерализаций (типа «мировое сообщество»). Скорее он предполагает философские понятия высокого уровня абстракции, но характеризующие наш предмет не прямо, а косвенно, опосредованно. Характеристика предмета требует построения логической цепочки такого рода: *человеческий универсум – миробытие – глобальность*.

Исходное понятие (человеческий универсум) остается за рамками нашей проблематики, как и выражающие его теоретические конструкции. Примем лишь его понимание как некоей интегральной общности, конституируемой взаимосоотнесенностью трех начал – социального, природного и субъектно-деятельностного – в их интегральном единстве⁵. Понятие «миробытие» характеризует одну из ряда пространственно-временных форм жизнедеятельности человека (индивидуальной, групповой, страновой, региональной). Глобальность же имеет своим предметом одно из *специфических* измерений миробытия, а именно: отношений, связей, взаимодействий между различными и разнородными компонентами миробытия. Итак, миробытие характеризует *контекст*, где предмет глобальности есть специфический «текст». Эта логическая цепочка означает, что предмет понятия *глобальность* имеет антропологическую (интегральную) природу, заданную человеческим универсумом, но задаваемую не прямо, а косвенно, опосредованно «мировым бытием».

³ И в первую очередь Э. Азроянца, А. Вебера, А. Косолапова, Э. Кочетова, А. Чумакова и других участников Клуба ученых «Глобальный мир» (1999–2003).

⁴ О «сущности» см. ниже (шаг II).

⁵ Подробнее см.: Чешков, М. А. Глобальный контекст постсоветской России. Очерки теории и методологии мирочелостности. – М., 1999. – С. 32–34.

Такое видение природы предмета связывает его *органически* с человеческим универсумом, делая это понятие (предмет глобальности) *антропологическим (то есть интегральным)* в его природе, избегая его обычной и привычной социологизации. С другой стороны, предмет (понятие «глобальность») сохраняет свою специфичность и не растворяется ни в контексте (миробытие), ни в человеческом универсуме (как это часто практикуется в гуманитарных дискурсах). Подчеркнем, что данное определение природы предмета, ее, так сказать, очеловечивание, есть лишь первое приближение к проблеме предметности, понимание которой углубляется по мере разворачивания нашей конструкции.

Итак, шаг II: **основные параметры.**

Отдельные параметры (измерения) рассматриваются далее в единстве познавательной логики (понятие «глобальность») и логики его реального референта (феномен глобализации), то есть в единстве этой пары (глобальность – глобализация). Речь идет о двух параметрах – гносеологическом и онтологическом. Оба эти параметра предстают в таком виде, как они свойственны высшей форме глобализации (рубеж XX–XXI вв.), что несет опасность, признаем, искажения исторической логики и глобализации, и глобальности. Эту опасность мы постараемся устранить (см. шаг III).

Мы начинаем с характеристики гносеологического параметра, ибо вся наша конструкция строится на примате познавательной логики. *Гносеологический* параметр характеризуется как совокупность *базовых антиномий* – соединения и разделения; универсализации и партикуляризации; конвергенции и дивергенции. Данные антиномические пары выражают противоположные по вектору процессы, разворачивающиеся между качественно различными компонентами миробытия (см. шаг I). Эти же антиномии открывают путь к познанию *онтологического* параметра – совокупности тех же пар «начал», формирующих видение предмета: то, что в прежнем представлении о предмете выглядело как описание реальности (глобализации), здесь определено как новое понимание той же предметной реальности, ибо здесь эти пары «начал» равноположены (как составные базовых антиномий), что позволяет характеризовать структуру глобализации и онтологическое измерение понятия «глобальность» как *принципиально аморфные*.

Структурная аморфность онтологического параметра определяет специфику отношений, конкретизирующих данный параметр. Сущность глобалистских отношений заключается, на наш взгляд, в том, что это есть отношения *различий* (экономических, политических, культурных), а не отношения *неравенства*. Это «качество» – неравенство – однако присуще глобальным отношениям, но оно вторично в том смысле, что задается капиталистическими сегментами миробытия и поэтому производно от таковых. Определяя подобным образом сущность глобалистских отношений (см. работы В. Иноземцева), мы в определенной мере «реабилитируем» глобализацию, снимая с нее необоснованные обвинения, вытекающие из отождествления глобализации с капитализмом (см. критику этого тождества у П. Бэроша).

Антиномичность гносеологического параметра и аморфность онтологического измерения (здесь – структуры) задают облик третьего параметра – субъектности

или субъекта, который, в свою очередь, воздействует на оба первых измерения. Уточним. Если субъектность есть параметр глобальности, то субъект есть носитель (персонификатор) данного параметра и его реального референта (глобализации). Обладая антропологической (интегральной) природой (см. шаг I), субъект глобальности/глобализации должен быть описан уже в терминах не антропологических, но социо/культурно/антропологических. Реальный референт субъекта предстает (учитывая характеристику двух предшествующих параметров) как совокупность разнородных и разноуровневых социопрофессиональных и социо-культурных групп и общностей или, короче, как разнородное *множество*, весьма далекое, как мы видим, от некоей единой/одной глобальной элиты (в духе идей Р. Миллса). Этот облик субъекта (носителя) задан двумя другими параметрами, но, в свою очередь, их не только воспроизводит, но и трансформирует или, точнее говоря, *творит* эти параметры глобальности/глобализации, задавая тем самым *амбивалентность* онтологического параметра (в отличие от его же структурной аморфности). Поэтому данный параметр имеет ключевое значение для понимания и глобальности, и глобализации.

Важным компонентом субъекта выступает индивид с его родовыми (общечеловеческими) свойствами, то есть в его не абстрактной всеобщности, но *конкретной всеобщности*. Такой индивид противостоит и массовизации, и индивидуализации, связанным соответственно с «началами» универсализации и партикуляризации в их различных вариантах. Признание индивида в его конкретной всеобщности в качестве компонента субъекта означает, что таковой становится *беспредельным* или *безмерным* в своем составе.

В итоге глобализация через своего субъекта, с одной стороны, делает *каждого индивида* ответственным за работу данного механизма, а с другой – через нивелирующую универсализацию и партикуляризацию лишает индивида такой ответственности. Индивид оказывается в ситуации *фундаментальной бифуркации*, где открыты пути к его очеловечиванию и расчеловечиванию. Таким образом, глобальность несет в себе, а глобализация реализует ситуацию *предельного выбора*, стоящего перед человеком и человеческим универсумом. Глобализация тем самым ставит пределы сама себе, давая шанс на преодоление этой предельности, шанс, однако, сопряженный с очень высокими рисками.

Активная (более того – творящая) роль субъекта выражается в его способности формировать так называемые *эмерджентные* виды глобализации, то есть виды, не подготовленные предшествующим историческим опытом. Примеры таких видов глобализации можно видеть в Китае после культурной революции, Сингапуре последних десятилетий XX в., ОАЭ рубежа XX–XXI вв. Активность субъекта проявляется и в его способности осуществлять отбор и выбор различных альтернатив и вариантов различных альтернатив⁶. Альтернативность глобализации не сводится к выбору социально или культурно взаимоисключающих вариантов. По большому счету, альтернативность заключается в способности субъекта «работать» на очеловечивание или расчеловечивание индивида в его родовой (общечеловеческой) всеобщности («интегральности»). Вариантность видится в сознании

⁶ Мы не говорим о комбинациях, ибо таковые выходят за пределы глобальности/глобализации, поскольку отражают отношения субъекта с его «средой».

и деятельности субъекта по реализации интересов и идентичности разных порядков – то ли универсальных, то ли партикуляристских, способностей осознать опасность ложных вариантов глобализации, «переводить» тупиковые варианты в продуктивные (опыт Китая), что, кстати, предполагает усвоение субъектом научного знания о глобализации.

Параметр «субъектность» кажется наиболее загадочным компонентом глобальности, ибо через него данная конструкция выглядит общностью, построенной по принципу *совмещения несовместимого*, этого идеального объекта современной – постнеклассической (по В. Степину) науки. Как особый параметр («субъектность») имеет ключевое значение в конструкте «глобальность», ибо в этом пункте познавательная логика выходит к логике исторической (альтернативы и варианты глобализации) и в связи с этим «выходом» возникает необходимость формализовать знание предшествующих «шагов».

Итак, шаг III: **категориальное знание.**

Строго говоря, знание этого рода намечено уже в пределах шага I, но здесь оно получает полноту и законченность, столь необходимые глобалистике. Набор категорий требует знания философского, общенаучного и частно/конкретно-научного. Категории образуют вертикальную иерархию, отдельные уровни которой различаются по предмету, силе абстракции (убывающей) и силе конкретизации (возрастающей). Некоторые уровни разделены на ступени, где категории имеют разные предметы, но общий уровень абстракции/конкретизации. Категории образуют единую *вертикальную иерархию*, целостность которой обеспечена тем, что каждая категория воспроизводит (модифицируя) в себе категории предшествующего уровня:

– на уровне I находится исходная и, в принципе, «сквозная» категория *«общение»*, выражающая витальную потребность человека – индивида, совокупностей и целого (универсум);

– на уровне II размещены категории «начал», образующих базовые антиномии глобальности – соединения и разделения, универсализации и партикуляризации, конвергенции и дивергенции;

– на уровне III категории распределены по ступеням – архетип и генотип (ступень 1), типы и подтипы (ступень 2) и формы (ступень 3).

Категория *«архетип»* характеризует глобальность как *синкрет* базовых антиномий, а категория *«генотип»* выражает единство тех же базовых антиномий, но уже артикулированных⁷; *типы* различаются по способу соотносительности двух пар базовых антиномий⁸ как первичные и вторичные. Соответственно различаются типы – *архаический, исторический* и – условно – *постисторический*. В первом из них антиномические «начала» не расчленены (синкрет) и поэтому не соподчинены; во втором – историческом – типе первична пара антиномий соединения и универсализации и вторична (производна от первой) пара разделения и партикуляризации; в третьем – постисторическом – типе обе пары артикулированы и производны (вторичны), но не по отношению друг к другу, а по отношению к глобальности как целому.

⁷ Оставаясь в рамках аморфной структуры (см. шаг II).

⁸ Оставляя в стороне пару «конвергенция – дивергенция» в силу ее производности от двух первых пар.

Типы глобальности соответствуют историческим реалиям глобализации трех эпох: от неолита до так называемого Осевого времени; от Осевого времени до конца XX в.; от рубежа XX–XXI вв. до, видимо, середины XXI в. Каждый из этих трех типов разделяется на подтипы: скажем, тип исторический включает реалии глобализации от Осевого времени до XVI в. (первый подтип) и от XVI в. до конца XX в. (второй подтип).

Постисторический тип глобальности знаменует особую историческую эпоху – глобализации «по преимуществу» (*par excellence*), открывающей, возможно, новый цикл в истории этого феномена, новый виток его спирали. Этот тип нередко принимают за «смерть глобализации» в силу присущей ему глубокой и острой противоречивости, но, на наш взгляд, скорее в силу осмысления этого феномена через призму или либеральной идеологии, или идеологии антиглобалистской.

Основанием для такого пессимистического представления служит исторический полиморфизм в его крайнем, предельном виде, свойственном современной глобализации. Категория «форм» (экономических, политических, социальных, культурных и пр.), конкретизирующая исторические типы и призванная выразить это многообразие, здесь хотя полезна, но недостаточна. Заметим, что этот исторический полиморфизм порожден не столько множеством различий, сколько их равноположенностью, то есть *взаимной нередуцируемостью*, в чем и видится уникальность данного случая исторического полиморфизма.

«Формы» нередуцируемы постольку, поскольку каждая из них, ориентируясь на свое историческое время, воспроизводит себя по принципу *подобия* или *аналогии* своему историческому оригиналу. В плане структурном они воспроизводятся в гегелевско-марксистской терминологии как формы *превращенные*, то есть лишённые прежней исторической или стадийной заданности. Основная же причина подобной уникальности исторического полиморфизма глобализации видится в деятельности и сознании его субъекта. К этой причине надо добавить в качестве предпосылок такого полиморфизма структурную аморфность и амбивалентность (задаваемую субъектом) онтологических оснований глобальности.

Исторический полиморфизм глобализации, проявляющийся в рождении и умножении форм, подобных и/или превращенных, есть особенность не только глобализации, но и ее контекста – миробытия. Таковое имеет специфический – пульсирующий (условно) – хронотоп, в котором разные времена и пространства существуют в их взаимопроникновении и взаимообратимости⁹. Таким образом, исторический полиморфизм, присущий постисторическому типу глобальности и современной глобализации, отражает и резонирует с особенностями миробытия и – косвенно – с нынешним состоянием человеческого универсума¹⁰.

Переход к постисторическому типу глобальности/глобализации влечет за собой изменения генотипа, сложившегося в XVI–XX вв. Он становится все более институционально артикулированным, хотя и сохраняет структурную аморфность и амбивалентность (в силу деятельности субъекта). Тем самым глобализация и теря-

⁹ Подробнее см.: Чешков, М. А. Глобальный контекст постсоветской России. Очерки теории и методологии мироцелостности. – М.: МОНФ, 1999. – С. 47–50.

¹⁰ В этом пункте характеристика понятия «глобальность» как бы сигнализирует о необходимости теоретического освоения такого объекта, как человечество.

ет свою системную оргформу, и в то же время обновляет ее. Другими словами, современная глобализация оказывается на развилке – или обновление своей системности, или переход к иной, несистемной организации типа *мозаичности*. Как видим, глобализация подходит ныне к критическому моменту своей истории, моменту тем более очевидному, что он сопровождается хаотизацией (рост избыточного или дисфункционального много/разнообразия в виде так называемых подобиий, превращенных форм, ложных [по К. Ясперсу] ходов истории). В этой ситуации становится очевидна ограниченность методологии осмысления глобальности в силу явной релятивизации системного подхода. Выход глобалистской конструкции к контексту означает возвращение понятия «глобальность» к своему начальному пункту (шаг I), а значит, и завершение всей теоретико-конструкторской работы.

В такой ситуации кажется уместным характеризовать вкратце роль глобализации в эволюции миробития. Глобализация играет роль механизма, посредством которого происходит смена макроисторических типов миробития: от синкрета – к конгломерату; от конгломерата – к системе; и ныне, как можно предполагать с большой вероятностью, от системности – к общности мозаичности, то есть образовании разнородном по составу (ср. конгломерат), но взаимосвязанном (ср. системность). Хотя глобализация и особенно ее субъект играют важную роль в этих трансформациях, но все же вряд ли верно видеть в глобализации причину, генератор этих трансформаций, глубинные основания которых лежат даже не в самой глобализации и не в ее контексте, но в человеческом универсуме.

Шаг III в конструировании понятия «глобальность» оказался неожиданно полезным, углубив *историческое измерение* глобализации¹¹, которое в нашей схеме не выводится из нынешнего состояния данного феномена и не выглядит простой преемственностью его прежних форм. Анализ этого параметра (историчность) позволяет установить *границы полезности* нашего базового понятия.

Ограниченность (релятивизация) системного подхода, выход к эмпирике, возврат к исходному пункту конструкции «глобальность» – все это свидетельствует о том, что рождается необходимость и возможность для характеристики глобалистики как особого «случая» научного знания. Более того, понятие «глобальность», формулируемое в шагах I–III, предстает как *ядро* глобалистики.

Шаг IV: глобалистика как научное знание.

В качестве ядра глобалистики наше базовое понятие призвано выполнять три функции: *методологическую, интегрирующую и организующую*. Первая функция заключается в том, что в ядре вырабатываются установки и нормы, приемлемые для частных дисциплин в качестве их общей методологии; реализация второй функции означает, что эти нормы/установки осваиваются, точнее, интериоризируются частными дисциплинами; третья функция сводится к реорганизации глобалистики в целом из многодисциплинарного конгломерата в комплексное меж/наддисциплинарное научное знание.

¹¹ В отечественной, да и, пожалуй, мировой глобалистике истории глобализации уделяется сравнительно мало внимания, что в некоторой степени компенсируется поворотом к глобальной истории, в том числе в отечественных исследованиях. Правда, при этом понятие «глобальность» вновь становится жертвой семантической лихорадки, приобретая тотальную масштабность и значимость.

Выполнение этих функций есть процесс двусторонний, то есть он разворачивается по мере того, как ядро выполняет свои функции и как отдельные дисциплины взаимодействуют с ядром и друг с другом. В настоящее время понятие «глобальность», предлагаемое в качестве ядра глобалистики, может быть носителем методологического знания, но в гораздо меньшей мере оно способно интегрировать и реорганизовать научное знание по глобальной проблематике. Нынешняя познавательная ситуация в этой области знания такова (см. выше), что формирование глобалистики (отечественной в первую очередь) идет скорее по пути расширения круга частно-научных дисциплин, изучающих глобальную проблематику, нежели по пути разработки своего теоретико-методологического инструментария (проблемы метода, предмета, категорий, статуса). Иными словами, отечественной глобалистике предстоит развиваться скорее *экстенсивно*, нежели *интенсивно*.

Если это положение сохранится в обозримом будущем, то отечественная глобалистика будет складываться в порядке преимущественно *адаптации к реальности*, в порядке реакции на те или иные запросы реальности. В этой перспективе глобалистика окажется в таком состоянии, где *общая проблематика* будет осваиваться *разными дисциплинами*. Иначе говоря, глобалистика рисуется как совокупность разных дисциплин, имеющих лишь общий «лейбл» или, по-другому, глобалистика сформируется как *множество разных наук*. В другой перспективе глобалистика складывается как – условно – *семья наук*, где общий предмет имеет разные дисциплинарные версии; в этой же перспективе подобное состояние обозначается термином «меганаука», которая, однако, требует дополнительного пояснения в плане соотношения общего, корневого понятия и его версий.

В заключение изложим вкратце то, что намечалось сделать на заключительных «шагах» конструирования понятия «глобальность». Закрепление адаптивной (условно) траектории и наличие разных вариантов таковой определяются некоторыми фундаментальными особенностями, свойственными глобалистике вообще. В них отражены отношения глобалистики с другими секторами научного знания, совокупным знанием и типами мировой культуры.

Сравнение рождения глобалистики с опытом европейской науки Нового времени показывает, что если классическая наука складывалась по принципу *от дифференциации к интеграции* научного знания, то современная глобалистика складывается в обратном порядке – *от интеграции к дифференциации* научного знания.

Если европейская классическая наука формировалась в контексте совокупного знания с дифференцированными и автономными формами сознания/знания, то глобалистика становится в таком совокупном знании, где ни одна из его форм не обладает самодостаточностью и консолидируется постольку, поскольку вырабатывает способности к диалогу и кооперации с наибольшим числом различных компонентов совокупного знания – от философии и теологии, от образного до обыденного сознания¹².

Наконец, современное совокупное знание переживает ныне глубокий когнитивно-культурный сдвиг – от рационального сознания к сознанию *условно-*

¹² Подробнее см.: Чешков, М. А. Глобальное видение и новая наука. – М.: ИМЭМО РАН, 1998.

пострациональному. Этот сдвиг симметричен и обратен по вектору сдвига от сознания мифологического к рационалистическому и научному. Однако пострациональное сознание и соответствующий ему тип культуры лишь подобны тому, что называется мифоритуальной культурой, отличаясь от таковой дифференцированностью и одновременно связанностью его компонент (ср. мозаичную общность миробытия).

Если первая из этих особенностей рождения глобалистики припятствует ее самоопределению по отношению к другим видам научного знания, а вторая релятивизирует бытие глобалистики (и науки вообще) в совокупном знании, то третья делает глобалистику компонентом современного подобию мифоритуального сознания. Во всяком случае, понять, «что есть глобалистика», возможно, лишь разместив этот предмет в трех зеркалах: науки, совокупного знания и истории культуры. Такой триптих не уведит, надеемся, понятие «глобальность» и феномен глобалистики в Зазеркалье, но позволяет увидеть и глубину базового понятия (глобальность), и многозначное разнообразие реальности осмысливаемого феномена (глобализация). Подчеркнем значимость науковедческого подхода к глобализации: ведь в силу воздействия научного знания на общественное сознание и практику глобализация будет таковой, какой ее рисует глобалистика¹³.

¹³ Это предположение пусть и преувеличенное, но все же небезосновательное.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Х. А. Барлыбаев

Разработка феномена глобализации имеет небольшую историю, если считать со времени постановки глобальных проблем, – всего около трех десятков лет. Термин «глобализация» имеет возраст менее двадцати лет. Поэтому пока объективно трудно ожидать наличия завершенной, целостной и системной научной картины данного явления. Это положение объяснимо, если иметь в виду, что многие фундаментальные философские и социологические понятия, изучающиеся столетиями, такие как *демократия, цивилизация, государство, культура* и т. п., обладают определенным основополагающим категориальным аппаратом, но до сих пор являются дискуссионными и спорными, и дискуссиям не видно конца. Очевидно, исследования проблем глобализации также первоначально должны дать общепринятые узловые категории, прежде всего – определение данного понятия, название изучающей его науки, основные характеристики глобализации как общественного явления, глубоко, последовательно и системно раскрывающие его содержание со всех сторон.

Последним словом в системном и всестороннем раскрытии содержания современных глобализационных процессов и явлений, очевидно, можно считать публикацию в России под названием «Глобалистика» двух объемистых изданий: Энциклопедии и Энциклопедического словаря¹. Сам факт представления содержания данного научного направления в виде энциклопедии с указанным названием «узаконивает» данное название. В этих изданиях утверждается: «Глобалистика – междисциплинарная область научных исследований, направленных на выявление сущности, тенденций и причин процессов *глобализации*, порождаемых ею глобальных проблем и поиск путей утверждения позитивных и преодоления негативных для человека и биосферы последствий этих процессов. В более широком смысле термин употребляется для обозначения совокупности научных, философских, культурологических и прикладных исследований различных аспектов глобализации и глобальных проблем, включая полученные результаты таких исследований, а также практическую деятельность по их реализации в экономической, социальной и политической сферах, как на уровне отдельных государств, так и в международном масштабе»². Примерно такое же определение глобалистике дают и другие авторы. Из приведенного и других определений видно, что глобалистика пока не представляется специфической отраслью науки. Она выступает в качестве междисциплинарного направления научных исследований, подобного синергетике, экологии, логистике, концепции устойчивого развития и т. п. Как научное на-

¹ Глобалистика: Энциклопедия / гл. ред. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. – М.: Радуга, 2003; Глобалистика: Международный междисциплинарный энциклопедический словарь / гл. ред. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. – М.; СПб.; Н.-Й.: ИЦ «Елима»; ИД «Питер», 2006.

² Глобалистика: Энциклопедия. – С. 199.

правление глобалистика в настоящее время имеет определенный комплекс понятийного аппарата, логику и принципы исследования своего объекта и предмета.

Вместе с тем в данной сфере (содержании и структуре понятийного аппарата, логике и принципах анализа, определении характера предмета и объекта исследования глобалистики) еще немало вопросов, требующих своего раскрытия, уточнения и углубленного изучения. Не случайно профессор В. А. Дергачев подчеркивает: «Глобалистика выступает как аналитическая дисциплина пока еще с размытыми контурами своего предмета исследования»³. Примечательно, что в зарубежной научной литературе термин «глобалистика» и, следовательно, обобщенное определение данного научного направления как такового отсутствуют. То, что это направление активно разрабатывается в России, свидетельствует о пионерной роли российской философии в этой области научных исследований.

Представляется, что в раскрытии сущности, содержания, структуры, определении методологических принципов исследования глобализации, а также практических аспектов ее регулирования и управления еще много неопределенностей и «белых пятен». Среди ученых существует разногласие в определении понятия «глобализация». В упомянутых энциклопедиях данное понятие освещено несколькими авторами. Они раскрывают содержание глобализации с разных сторон и с различных позиций. По-видимому, составители энциклопедий, предоставляя слово авторам, выступающим с разных позиций и подходов, осознанно осуществили такой шаг в соответствии с объективно достигнутым уровнем познаний о глобализации, когда общепринятых глубоких представлений пока еще нет, а существующие в известной мере правомерно освещают ту или иную грань феномена глобализации и претендуют на равные права истинности. Представляется, что как в данных определениях, так и во многих других источниках демонстрируется поверхностный, суженный и фрагментарный подход к исследованию такого сложного, многогранного и глубинного явления, каковым выступает глобализация. Очевидна необходимость придания исследованиям данного феномена углубленного, расширенного и системного характера. Попытки реализации указанных положений в своих работах осуществлял и предлагал вниманию научной общественности автор настоящей статьи⁴. В них нет претензий на «истину в последней инстанции», но есть уверенность в новизне и продуктивности предпринятых подходов к решению поставленных задач.

В последней трети XX столетия человечество обнаружило себя в неизвестной доселе ситуации: тотальной глобализации всех происходящих в нем и с ним процессов. То есть в унификации и единении самых различных аспектов жизнедеятельности людей – их мировосприятия и мировоззрения, потребностей и трудовых навыков, политики и экономики, социальной жизни и производства, науки и образования, культуры и искусства, религии и языка, государственности и образа жизни, экологии и демографии, спорта и преступности и т. д. Глобализация охватывает практически все сферы жизнедеятельности людей на земном шаре, и соответственно ее проявления в каждой из этих сфер должны изучаться всеми научными направлениями, которые специализируются в соответствующей сфере человеческой жизни и деятельности. Это обстоятельство придает научному направлению по изучению глобализации – глобалистике – широкий междисциплинарный, многоотраслевой и разнонаправленный характер. Исходя из изложенного, представля-

³ Дергачев, В. А. Глобалистика: учебное пособие. – М.: Юнити-Дана, 2005. – С. 6, 43.

⁴ Барлыбаев, Х. А. Общая теория глобализации и устойчивого развития. – М.: Издание Государственной думы, 2003; Он же. Человек. Глобализация. Устойчивое развитие. – М.: Изд-во РАГС, 2007.

ется целесообразным дать следующее развернутое определение современным глобализационным процессам: «Глобализация есть многомерный, объективный процесс становления глобальной общности людей в масштабе всего человечества в единстве с природной сферой планеты Земля, замещения локальных, изолированных форм и норм жизнедеятельности людей общемировыми, формирования единого образа, взаимодействия и взаимообусловленности различных сторон жизни отдельных континентов, стран, народов и людей в рамках единого мира, в условиях распространения принципов свободы личности, а также открытости и устранения барьеров на пути к установлению материальных, интеллектуальных, духовных, этических, эстетических и иных форм общения между людьми»⁵. Такое расширенное определение глобализации обусловливается широкомасштабным, многоуровневым, разнонаправленным характером самого этого явления, его сложной структурой и содержанием.

Для обеспечения *углубленного* подхода к изучению глобализации представляется целесообразным поставить в центр исследования данного явления проблематику *человеческой природы*. Логически исходным пунктом этого могут выступать место и роль заложенного в человеческой природе неотвратимого и неизбывного стремления к взаимному *общению*, которое служит катализатором многих явлений и процессов, происходящих с человеком: зарождению у него сознания, языка, письменности и всех иных форм межличностной коммуникации, включая нынешние гигантские средства транспорта, связи, информации, а также Интернет и иные средства взаимного общения; формированию многоуровневых форм социальной жизни людей – различных жанров искусства, литературы, многообразных исторических типов человеческих сообществ и т. п. Даже религиозное чувство человека исходит из его внутренней жажды потребности в общении с всемогущим священным созданием, каковым он представляет себе Всевышнего. Применительно к вопросу о движущих силах и факторах глобализации вышеизложенное позволяет утверждать: «Внутренняя природа человека, предрасположенная к общению с окружающим миром, выступает первоосновой развития глобализации, предпосылки которой поэтому закладываются с момента, когда начинается человеческое общение между первобытными людьми. По мере движения социогенеза контакты и взаимосвязи между людьми расширяются по нарастающей: от первобытной колонии, стада, племени, рода к более крупным сообществам и государственным образованиям; затем от общения внутри государств к межгосударственным отношениям, а в последующем и к глобальному единству всего человечества»⁶.

Для обеспечения адекватного *расширенного* подхода к исследованию *глобализационных* процессов представляется целесообразным выделить все взаимосвязанные в единую систему сферы и направления глобализации. Критерием выделения этих сфер и направлений может служить структура человеческой природы. При этом каждому параметру природы человека соответствует определенная сфера и направление глобализации. Наглядно такая взаимосвязь может быть представлена в виде таблицы (см. табл. на с. 15).

Из таблицы видно, как в разных сферах жизнедеятельности людей различные параметры человеческой природы тесно переплетены с характером глобализационных процессов, а также мерами по преодолению неустойчивости и переходу к ус-

⁵ Барлыбаев, Х. А. Общая теория глобализации и устойчивого развития. – С. 24.

⁶ Он же. Человек. Глобализация. Устойчивое развитие. – С. 130.

тойчивому развитию. При этом различные стороны человеческой природы обуславливают проявление соответствующих сфер и направлений глобализации и принятие мер по переходу на рельсы устойчивого развития. Следовательно, глубинной и исходной основой, изначальной движущей силой глобализационных процессов выступает являющаяся внутренним ядром человеческой природы предрасположенность человека к общению с другими людьми, то, что человек является социальным существом, нацеленным на формирование разного рода человеческих общностей. Без общения с себе подобным человек не стал бы и не может быть человеком.

**Периодическая таблица системы
«человек – глобализация – устойчивое развитие»**

№ п/п	Параметры человеческой природы	Сферы и направления глобализации	Меры по переходу к устойчивому развитию
1	2	3	4
1	Мировосприятие и мировоззрение человека	Мировоззренческая глобализация	Перестройка мировосприятия и мировоззрения людей
2	Материальные потребности человека	Глобализация потребностей	Рационализация потребностей
3	Труд как фактор формирования человека	Профессионально-трудова глобализация	Экологизация трудовой деятельности людей
4	Социальная сущность человека	Социальная глобализация	Социальные преобразования
5	Язык как средство общения человека	Языковая глобализация	Развитие многоязычия
6	Информация – ресурс общения людей	Информационная глобализация	Развитие информационной безопасности
7	Транспорт – арена человеческого общения и коммуникаций	Глобализация транспортной системы	Развитие логистики. Рационализация транспортной сферы и коммуникаций
8	Экономика – основа человеческой жизни	Экономическая глобализация	Переустройство и экологизация экономики
9	Природа – источник жизнеобеспечения человека	Экологическая глобализация	Чрезвычайные меры по охране окружающей среды
10	Потребность в сексе и продолжении рода	Демографическая глобализация	Регулирование демографических процессов
11	Потребность человека в вероисповедании	Религиозная глобализация	Усиление и реализация конструктивной роли религии
12	Интеллектуальное развитие человека	Образовательная глобализация	Развитие опережающего образования
13	Духовная жизнь человека	Глобализация культуры	Конструктивное взаимодействие культур

Окончание табл.

1	2	3	4
14	Интеллектуализация и технологизация человеческой жизни	Научная и научно-техническая глобализация	Развитие опережающей науки и техники
15	Образ жизни человека	Глобализация образа жизни	Перестройка образа жизни людей
16	Человек как политическое существо	Политическая глобализация	Реформа политических систем
17	Нечеловеческое в человеке	Криминальная глобализация	Всемирная борьба против преступности
18	Физическое совершенствование человека	Спортивная глобализация	Физкультура и спорт как средства выживания людей

Проявляясь в жизнедеятельности миллиардов людей многих тысяч поколений, живших на Земле с начала появления первобытных людей, предрасположенность к общению способствует поступательному и последовательному формированию различных человеческих общностей: первобытного стада, рода, племени, различных форм семьи, древних протогосударственных образований, этнических групп, народностей, наций, религиозных конфессий, современных национальных государств, разнообразных партий, ассоциаций, объединений, компаний, корпораций, общественных организаций и т. п. Закономерным следствием этой тенденции в современных условиях являются набирающие силу глобализационные процессы, ведущие в конечном счете к образованию единой всемирной семьи человечества. Одновременно с этим в процессе общения люди имеют возможность совместно вырабатывать и реализовывать необходимые направления перехода к устойчивому развитию. Тенденция формирования всемирной общности людей захватывает все сферы их жизнедеятельности. Поэтому во всех этих сферах действуют глобализационные процессы и во всех из них существует необходимость принятия мер по переходу на рельсы устойчивого развития.

Сферы и направления глобализации выступают не сами по себе, не фрагментарно и изолированно друг от друга, а в тесном взаимном переплетении, как правило, однонаправленно, как единый процесс, являются хотя и разнородными, но органически взаимосвязанными и взаимодействующими атрибутами жизни человечества как глобальной общности в единстве с природной средой планеты Земля. В отдельности каждый из указанных факторов, сфер и направлений можно рассматривать лишь теоретически ввиду их относительной самостоятельности, значимости и специфики участия в процессе глобализации жизнедеятельности человечества.

Известно, что жизнедеятельность человека представляет собой единое действие различных его атрибутов – мировоззрения, удовлетворения материальных и иных потребностей, трудоспособности и осуществления трудовой деятельности, общения с другими посредством языка, приобщения к культуре и искусству, соблюдения религиозных обрядов и т. д. Подобно этому развитие человечества в целом осуществляется через симбиоз указанных выше разнородных сфер и направлений глобализации, в каждой из которых происходят специфические, взаимосвязанные глобализационные процессы. Эти сферы и направления не равноценны, разнородны и находятся в определенной иерархии, субординации по отношению друг к

другу. Таким образом человечество в единстве с окружающей средой на планете выступает как целостная общность, глобальная система.

То, что первыми в структуре направлений и сфер глобализации названы мировосприятие человека, его знания об окружающем мире и о себе в нем, обусловлено тем, что в причинно-следственной связи материального и идеального в жизни человека примат принадлежит материальному, но человека превращает в человека идеальное, характеризует его как человека то, что он есть мыслящее животное. Поэтому, раз возникнув на базе материальных процессов, мысль человека начинает играть исключительно активную роль, оказывая на них решающее обратное влияние. В глобализационных процессах, присущих человечеству как сообществу «человеков», решающую роль играют сознание, мировосприятие, мысль, разум человека. Поэтому структуру сфер и направлений глобализации логично рассматривать, начиная с мировосприятия человека, его знаний об окружающем мире и своего места в нем. Ядро рассматриваемой общности составляют разнообразные потребности человека, выступающие как движущая сила всей жизни каждого человека и всех людей вместе взятых, и тем самым всех осуществляемых человечеством процессов, в том числе глобализационных. Потребности удовлетворяются через трудовую деятельность, использование орудий труда, средств и способов производства материальных благ.

Трудовая деятельность разветвляется в многогранную экономическую сферу с потреблением, производством, торговлей, денежным обращением, финансово-кредитными отношениями и т. д., где свои социальные и глобализационные функции претворяют в жизнь наука, средства связи, информации, транспорт, коммуникации и иные инфраструктурные элементы. Экономика, производство материальных благ, бытие человека составляют базис, основу установления языкового, письменного и иных форм общения между людьми, развития их мировосприятия, религиозных представлений, культурного обогащения и т. д. Эти сферы в свою очередь составляют «ткань» формирования соответствующего образа жизни людей, их жизненных ценностей, норм функционирования общества, его институтов, становления государственности, политических отношений и т. д. А эти сферы и направления в свою очередь дают «выход» на конкретные процессы: рост народонаселения, хозяйственное освоение человеком всей территории земного шара, решение обостряющихся экологических проблем, борьбу с преступностью, развитие физкультуры и спорта и т. д.

Взаимосвязи указанных атрибутов человеческой природы и глобализационных процессов с проблемами перехода к *устойчивому развитию* определяются тем, что меры к такому переходу диктуются неустойчивым или устойчивым состоянием соответствующих параметров человеческой природы и задачами преодоления неустойчивости и обеспечения необходимой устойчивости в соответствующей сфере и направлении глобализации⁷. На первый взгляд положения концепции устойчивого развития кажутся утопичными, недостижимыми при сегодняшнем состоянии человечества. Однако она, будучи концепцией долженствования, не предрекает и не обещает райской жизни на Земле. Данная концепция нацеливает людей только на то, чтобы они не создавали для себя на планете адскую жизнь. Подобно курсу по борьбе с курением, алкоголизмом и наркоманией, она всего лишь пре-

⁷ Более подробно о содержании концепции устойчивого развития см.: Барлыбаев, Х. А. Человек. Глобализация. Устойчивое развитие. – С. 162–169.

дупреждает людей о катастрофических последствиях нынешнего образа их жизни на планете, призывает их отказаться от такой жизни, дает ориентиры развития, выполняет роль своего рода «правил движения» и «системы дорожных знаков» для человечества. Один из знаков показывает поворот над «пропастью» – антропогенной катастрофой, ведущей к самоуничтожению цивилизации. Признать или не признавать эти правила, реагировать или нет на указанный знак, поехать дальше по нормальной дороге истории или сорваться в адскую пропасть – является проблемой самого человечества, а не следствием утопичного характера идеи устойчивого развития, ее нежизнеспособности или неэффективности.

Надо признать, первоначально встреченная мировой общественностью с энтузиазмом, концепция ныне находится «в подвешенном состоянии». В структуре ООН имеется специальная Комиссия по устойчивому развитию, которая проводит периодические мероприятия в русле положений концепции. Во многих странах, кроме России, созданы официальные органы по устойчивому развитию, разработаны и утверждены государственные стратегии по переходу к устойчивому развитию. Таким образом, концепция устойчивого развития мировым сообществом пока не отвергается. Однако происходит ее постепенное предание забвению, молчаливое игнорирование государствами рекомендаций, разработанных на конференциях ООН по окружающей среде и устойчивому развитию. Концепция находится в информационной блокаде, подвергается не слишком острой критике с разных сторон. Отдельные авторы на Западе считают, что она является вариантом социалистической доктрины. Некоторые представители развивающихся стран и России полагают, что концепция выступает средством усыпления общественного мнения и закрепления существующей тенденции в мировом развитии, «...пытается примирить непримиримое: сохранить по возможности цивилизацию потребления и решить задачу сохранения природы в рамках традиционной экономической системы, в рамках цивилизации, уничтожающей природу», ратуют за придание «понятию “устойчивого развития” его первоначального смысла»⁸. Непонятно, какой еще смысл есть у концепции устойчивого развития, кроме первоначального.

Критики концепции устойчивого развития искаженно представляют ее действительное содержание, не учитывают, что ни у кого в мире нет иных альтернативных вариантов и сценариев развития нынешней цивилизации и обеспечения выживания человечества. Самое главное – критики не критикуют того положения, что нынче в мире не выполняются даже минимальные требования этой концепции. Сами авторы вышеприведенной цитаты, критикующие данную концепцию, признают, что обязательства развитых стран, в соответствии с решениями Конференции ООН по окружающей среде и развитию 1992 г. в Рио-де-Жанейро обязанных ежегодно отчислять 0,7 % своего ВВП на охрану окружающей среды и помощь слаборазвитым странам, не выполняются и что эти отчисления в самые лучшие годы составляли всего 0,3 %. Странной выглядит «логика» этих авторов, когда они утверждают: «Не может не бросаться в глаза резкий контраст между реальными тенденциями экономического развития и декларациями устойчивого развития»⁹. Если есть резкий контраст между реальностью и декларацией, а реальность катастрофична, значит, нужно ругать реальность, а не декларацию, выполнять ее предписания, стремиться к тому, к чему она призывает, чтобы выправить негативную реальность и избежать

⁸ Акимова, Т. А., Хаскин, В. В. Экономика Природы и Человека. – М.: Экономика, 2006. – С. 15, 283.

⁹ Там же. – С. 15.

катастрофы. Как писал Р. Гамзатов, если конь споткнулся, не ругай коня – ругай дорогу. О том, что за истекшие годы не выполнен ни один пункт «Повестки дня на XXI в.», принятой на «Рио-92», мало кто упоминает и анализирует.

Взаимосвязи между параметрами человеческой природы, концепцией устойчивого развития и глобализацией определяются тем, что последняя многолика и многогранна, и эти ее качества можно разграничить на две группы: конструктивные и деструктивные. Эти два качества глобализации непосредственно или через опосредствования по-разному (конструктивно или деструктивно) влияют на человека. С другой стороны, сами эти качества глобализации обуславливаются разнообразными свойствами человеческой природы, которые тоже могут быть сгруппированы, с одной стороны, как позитивные, а с другой – как негативные. Соответственно, стратегия устойчивого развития призвана постепенно устранять деструктивные начала глобализации и негативные свойства человеческой природы при одновременном наращивании конструктивных сторон глобализации и позитивных свойств человека. Схематично указанные положения иллюстрируются в приведенной выше таблице.

Расширительно-системное толкование глобализации позволяет преодолевать бессистемность, непоследовательность и фрагментарность подходов к данному сложнейшему явлению, обеспечить взаимосвязанный и целостный охват всех теоретических и практических проблем, порожденных ею. Известно, что среди проблем и в международных отношениях, и во внутренней жизни государств подавляющее большинство занимают производственно-экономические, социально-политические, финансовые, демографические и иные (преимущественно утилитарно-практические) вопросы. На окраине общественного внимания оказываются мировоззренческие, гуманистические, морально-этические, нравственные, интеллектуальные и духовные задачи. Следствием этого, очевидно, являются моральный кризис и деградация, наблюдаемые в разных частях света и у различных групп населения. Еле заметные разговоры о «диалоге культур» результатов не дают. Среди разнообразных причин и факторов этого явления, несомненно, имеет место и то, в каком виде представляются глобализационные процессы, поскольку они влияют на все стороны жизни людей. Хотя сегодня по поводу и без него много говорится о глобализации, однако и в научных исследованиях, и в практических речах по этому вопросу отсутствуют или занимают незначительное место мировоззренческие, морально-нравственные и интеллектуальные аспекты. Такое положение выступает причиной нерешенности множества проблем общественного развития. Для нашей страны можно заметить, например, что отмеченное на одном из интервью Президентом России отсутствие у партии «Единая Россия» полноценной, «устойчивой идеологии», без сомнения, обусловлено отсутствием философского обоснования этой идеологии, невниманием к философским и научным исследованиям современных общественных явлений.

Преодоление изложенных обстоятельств, переход к системно-расширительному исследованию глобализационных процессов может способствовать нахождению теоретических основ решения множества сложных задач по устранению и недопущению кризисных явлений, стоящих ныне перед мировым сообществом, каждым государством, народом и человеком. Главным вопросом, стоящим перед исследователем места человека и человечества в контексте концепций глобализации и устойчивого развития, является: как долго осталось человечеству находиться в потоке универсальной эволюции? Столько, сколько позволено ему быть в

этом потоке естественным ходом развития универсального мира? Или он превратится в прах и улетучится из этого потока путем самоуничтожения подобно тому, как наркоман или алкоголик раньше времени превращают себя в прах в результате неспособности одолеть свои пристрастия и слабости? Имеющихся исследований данной проблематики вполне достаточно для однозначного, не вызывающего никакого сомнения ответа на данный вопрос: при тенденции продолжения нынешнего образа жизни человечеству в скором времени не останется места в потоке универсальной эволюции. Следовательно, единственным способом избегания такой перспективы является **изменение** нынешнего **образа жизни**. Против изменения образа жизни возражают те, которые в этой жизни благоденствуют, а будущее человечества их не волнует. При слове «экология» за пистолет хватается тот, кто не желает менять свой нынешний образ жизни, хочет бесконечно как можно более полно и изысканно наполнять свой желудок и окружать себя роскошью. К сожалению, необходимости изменения нынешнего образа жизнедеятельности человечества не признают не только подобные безответственные люди, но и наделенные своими народами большой ответственностью интеллектуалы, деловые люди, политики, лидеры государств.

Получение ответа на поставленные выше вопросы предполагает постановку следующего вопроса: если неизбежна необходимость изменения нынешнего образа жизни человечества, то как его изменить? Пока у мирового сообщества нет другой конструктивной идеи, кроме концепции устойчивого развития, которая могла бы дать ответ на данный вопрос. К сожалению, в силу различных обстоятельств данная концепция пока мировым сообществом не реализуется. Нет никакого сомнения в том, что ее под этим же или каким-либо иным названием, но в основном с тем же самым содержанием человечество будет вынуждено в конце концов взять на вооружение. Следующий вопрос заключается в том, когда это произойдет. Последний вопрос может звучать так: не слишком ли поздно это произошло?!

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ СВОБОДНОГО РЫНКА С ФИЛОСОФСКО-ЭТИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

И. Кучуради

«Мы знаем, как сильно изменился мир [с момента учреждения Организации Объединенных Наций]. С 1950 г. мировой экспорт возрос в десять раз, даже с учетом инфляции последовательно увеличиваясь быстрее, чем мировой ВВП. Иностранные инвестиции росли еще стремительнее; прибыль от продаж транснациональных компаний превышает мировой экспорт, а сделки между предприятиями крупных корпораций сейчас составляют расширяющийся сектор мировой торговли. С 1973 г., когда рухнул режим стабильного обменного курса, ежедневные вливания иностранного капитала возросли с 15 млрд долларов до 1,5 трлн долларов. В результате недавнего слияния транснациональных телекоммуникационных компаний появилось предприятие, рыночная стоимость которого превышает ВВП почти половины всех стран-участниц Организации Объединенных Наций, хотя корпорация занимает лишь четвертое место в списке самых дорогостоящих компаний мира. Сегодня срочно отправленные делегаты Генеральной Ассамблеи (главы государств и правительств) могут пересечь Атлантический океан менее чем за четыре часа – и при желании в то же время полноценно руководить государственными делами с помощью Интернета или по телефону. Это и есть мир глобализации – новая реальность и новые возможности общения для экономических субъектов и деловой активности по всему миру», – говорит Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций Кофи Аннан в начале документа, названного «Мы, люди», который он подготовил к Саммиту тысячелетия.

Это – глобализация свободного рынка, основанного на частной собственности на национальном уровне, глобализация, которую некоторые считают само собой разумеющейся и искренне приветствуют, а другие отвергают.

Без сомнения, глобализация может коснуться чего угодно, даже защиты прав человека. Однако где наиболее реальна глобализация, так это рынок и передача информации – информации, полученной из вторых рук, и достоверной, и искаженной, удовлетворяющей целям ее отправителей.

Чтобы оценить текущую ситуацию, то есть глобализацию свободного рынка как итогового результата политики развития, которую начали проводить после учреждения Организации Объединенных Наций, мы должны сначала объяснить, в результате чего сложилась такая ситуация, то есть рассмотреть события, произошедшие за последние 55 лет, сквозь призму философско-этического знания.

В данной статье я попытаюсь, конечно, лишь очень кратко и в самых общих чертах охарактеризовать те *интеллектуальные трансформации (intellectual developments)*, которые лежали в основе и во многом определяли выбор решений и действий на протяжении последних 55 лет и которые привели к глобализации свободного рынка; иными словами, необходимо сказать о стратегиях, которым следова-

ли, чтобы улучшить условия жизни во всем мире, несмотря на проблемы, которые такие методы создавали и продолжают создавать. Эти методы в значительной степени используют и сегодня, принимая решения и реализуя практику, считая их при этом самими собой разумеющимися.

* * *

55 лет назад, после Второй мировой войны, когда небольшая группа стран решила объединить свои усилия, чтобы «избавить грядущие поколения от бедствий войны... вновь утвердить веру в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности, в равноправие мужчин и женщин и равенство прав больших и малых наций, и создать условия, при которых могут соблюдаться справедливость и уважение к обязательствам, вытекающим из договоров и других источников международного права, и содействовать социальному прогрессу и улучшению условий жизни при большей свободе»¹, первое, что они решили сделать, – подготовить Всеобщую декларацию прав человека.

Что же случилось за последние 55 лет? Много событий – предсказуемых и непредвиденных. Государств или наций, объявивших о решении работать на благо целей Организации Объединенных Наций, стало теперь 189 – больших и малых государств, равных официально, но не фактически.

Мировой войны не произошло, но в разных частях мира вспыхнули маленькие войны, повлекшие за собой миллионы смертей.

Многие страны предпринимают все более активные усилия по защите прав человека (на национальном уровне и с помощью международных институтов), хотя вопиющие нарушения прав даже на жизнь и личную безопасность совершаются государственными чиновниками и террористами во всем мире. Более миллиарда человек живут в неприемлемых условиях бедности² (по словам Кофи Аннана, почти половина населения в мире все еще вынуждена обходиться менее чем 2 долларами в день. Около 1,2 млрд человек... пытаются выжить менее чем на 1 доллар). Эту бедность главы государств и правительств, собравшихся на Международном саммите по проблемам социального развития, проведенном в марте 1995 в Копенгагене, обязались «искоренить во всем мире путем решительных национальных действий и международного сотрудничества, что является этической, социальной, политической и экономической обязанностью человечества»³. Это обязательство они слово в слово повторили несколько месяцев назад на международном саммите в Женеве⁴ и в *Декларации Тысячелетия*⁵, хотя уже и не слово в слово.

Что же стало результатом усилий всех этих лет? Чего мы достигли и в чем не смогли преуспеть?

Насколько я могу судить, самым существенным интеллектуальным достижением в этой сфере стало то, что мировая общественность осознала и приняла тот факт, что права человека *необходимо защищать*. Это достижение небольшой группы людей, которые все эти годы честно боролись за права человека и количество которых в мире сейчас увеличивается. Однако на практике решающую роль по-прежнему часто играют другие определяющие факторы (например, интересы).

¹ Устав Организации Объединенных Наций.

² Проект Декларации саммита в Копенгагене.

³ Там же. – П. 2 обязательств.

⁴ Неопубликованный Итоговый документ Женевского саммита. – П. 2 обязательств.

⁵ Декларация Тысячелетия. – П. 11.

Благодаря этому, а также ввиду возникших потребностей появляются все новые международные соглашения по вопросам прав человека, однако в большинстве случаев они основаны на малоизученных идеях и концепциях. Проводятся международные встречи – мировые конференции, встречи на высшем уровне и т. д., – на которых зачастую обозначают проблемы, с которыми мы сталкиваемся, но не ставят вопрос о том, в результате чего возникли эти глобальные проблемы, то есть *не задаются вопросом о методах, использовавшихся при решении возникавших ранее проблем* – методах, которые часто вместо того, чтобы решить существующие, приводили к созданию новых проблем.

В документе о роли Организации Объединенных Наций в XXI в., подготовленном Генеральным секретарем ООН для Ассамблеи Тысячелетия, мы находим точную оценку тех конкретных проблем, с которыми сталкиваемся в настоящее время. Очень важны и многие из предложенных в этом документе конкретных изменений и решений (например, необходимость пересмотра состава Совета Безопасности и списания долгов бедным странам), равно как и большинство обязательств глав государств и правительств, изложенных в *Декларации Тысячелетия*.

Однако, как мне кажется, что-то мы упустили. А именно: мы не уделяем должного внимания идеям, лежащим в основе этих проблем, то есть не уделяем должного внимания тому, *как возникли эти проблемы, в результате каких решений*.

* * *

Первое, что сделали учредители Организации Объединенных Наций после провозглашения *Всемирной декларации прав человека*, – предложили идеал, выраженный словом «развитие», как *конкретный* метод борьбы с бедностью и обеспечения общественного прогресса; идеал, который был объявлен главной целью национальной политики почти во всех государствах мира и на котором основано разделение стран мира на развитые и развивающиеся.

Поскольку критериями для такого разделения стран послужили высокий национальный доход и индустриализация, в странах, которые попали в категорию «развивающихся», увеличение национального дохода и индустриализация стали главной задачей национальной политики, в то время как в большинстве промышленно развитых стран усилия, направленные на «дальнейшее развитие» или «прогресс», превратились в смертельную борьбу или гонку за увеличение промышленного производства – гонку, которой они подчинили все остальное.

Опыт прошлых 55 лет – то есть определенные факты или «глобальные проблемы», которые возникли в результате этой политики развития как в «развитых», так и в «развивающихся» странах, – позволяет нам проследить, каким образом идея развития, являющаяся главной целью национальной и международной политики (и, без сомнения, не одна она), шаг за шагом привела нас к сегодняшней ситуации.

В большинстве так называемых развитых стран борьба за рост промышленного производства и технологический прогресс привела к бесконтрольному использованию природных ресурсов, которые во многих районах были практически исчерпаны, к загрязнению, угрозе ядерной катастрофы и т. д., а кроме того, к различным непредвиденным социальным проблемам.

С другой стороны, во многих развивающихся странах, или странах третьего мира, политика развития хотя и вызвала небольшой рост национального дохода, если судить только по цифрам, но помимо этого привела к усилению социальной

несправедливости, то есть неравномерному распределению *проблем и тягот* среди разных социальных групп в этих странах, а также к обострению различных политических конфликтов в большинстве из них.

Подобная политика развития усугубила не только социальную, но и мировую несправедливость. Эта политика, которая осуществлялась, то есть финансировалась, в значительной степени за счет «иностранный экономической помощи» или, как ее позже называли, «помощи в целях развития», то есть займов, выданных развитыми странами с надеждой на политические выгоды, не только увеличила разрыв между богатыми и бедными в этих странах, но (за исключением нескольких государств) и между небольшой группой богатых и большинством бедных стран.

Долги последних достигли такого уровня, что кажется абсолютно невероятным, если вообще возможным, что эти страны станут способными их вернуть. Беспристрастный (или рациональный – в значении, используемом в экономической науке) анализ показывает, что большинство развивающихся стран, если не случится какое-то чудо, обречены навсегда остаться развивающимися в общепринятом смысле этого слова.

В документе ЮНЕСКО, написанном в 1982 г., то есть спустя 36 лет со дня учреждения Организации Объединенных Наций, мы читаем: «В странах третьего мира значительная часть населения зачастую не пользуется благами прогресса, а города – как правило, по крайней мере, что касается определенных категорий – подобны островам современности, отрезанным от районов, расположенных вдали от промышленных центров»⁶. В документе Копенгагенского саммита, то есть спустя пятьдесят лет после учреждения ООН, мы читаем: «а) во многих обществах, как в развитых, так и в развивающихся странах, разрыв между богатыми и бедными увеличился. Кроме того, несмотря на то, что некоторые развивающиеся страны быстро набирают силу, разрыв между развитыми и большинством развивающихся стран, особенно наименее развитыми государствами, вырос; б) более миллиарда людей в мире живут в крайней бедности, большинство из них голодает каждый день»⁷. И в неизданном заключительном документе Женевского саммита, то есть через пять лет после саммита в Копенгагене и спустя 55 лет после учреждения Организации Объединенных Наций, мы также читаем: «Несмотря на определенные успехи, в некоторых ключевых областях значительного прогресса не наблюдается, а в других очевиден *регресс* (курсив мой. – И. К.). Как отмечено в одном из ключевых пунктов аналитического доклада Генерального секретаря, одним из главных результатов развития со времени саммита в Копенгагене является то, что неравенство внутри стран и между государствами продолжает расти»⁸. Это заявление было сделано несколько месяцев назад.

Таким образом, итоги «развития», которое было введено и принято как наиболее подходящий и многообещающий путь, то есть путь, который казался *естественным* и которому упорно следовали, стремясь искоренить социальную и мировую несправедливость и избавиться от бедности, другими словами, итоги развития как главной цели национальной политики, основанной на «иностранный экономической помощи» или «помощи в целях развития», которую богатые страны оказывают бедным странам, не соответствуют ожиданиям его разработчиков. Хотя некоторые люди получили возможность жить на «островах современности», вместе с

⁶ Проект Среднесрочного плана 1984–1989 гг. – П. 19.

⁷ Проект Декларации саммита в Копенгагене. – П. 16а и б.

⁸ Неопубликованный Итоговый документ Женевского саммита. – П. 1.

ростом населения в этих странах выросло и число тех, кто лишен средств, чтобы удовлетворить даже самые насущные потребности.

Тупик, к которому пришла политика развития во всем мире в 1970-х гг., и *главным образом* глобальные проблемы, которые встали перед промышленно развитыми странами (например, загрязнение), то есть последствия постоянного технологического прогресса в развитых странах, заставили людей там говорить о необходимости разработать «новую концепцию развития» или «добавить культурную составляющую развития». Таким образом, была введена идея «культурного развития».

В основном под «культурным развитием» люди в западных промышленно развитых странах понимали многочисленные возможности «участвовать в культурных процессах» и получить «доступ» к деятельности, которая, как утверждают, позволяет развивать людям их потенциальные возможности, например к художественной, научной, философской деятельности.

Мы должны иметь в виду, что *эта* потребность в «доступе и участии в культуре» возникла у людей промышленно развитых стран. Они считали, что здесь кроется выход из тупика, в который их завела индустриализация.

Еще одной важной причиной того, что «культура» заняла одно из самых важных мест среди мировых тем, стало то, что люди и особенно интеллигенция многочисленных развивающихся стран (или стран третьего мира), не принадлежащих к так называемой западной или европейской культуре и получившие независимость всего несколько десятилетий назад, начали противиться «колонизации умов». В результате этого возник вопрос о «культурной самобытности». Тем самым они придали импульс «культурному развитию», однако воспринимали его главным образом как возможность развивать (то есть установить специфику и восстановить) «их собственную» культуру, которая, как они считают, была подавлена или забыта под влиянием западной культуры в период колонизации. Они попытались установить специфику культуры – то есть мировоззрение, концепцию человека и систему ценностей – культуры, которая им принадлежит и которую они хотели бы оставить в своем исключительном ведении.

Тем временем к дискуссии присоединились представители третьей категории стран – стран, находящихся «в процессе модернизации», то есть самостоятельно вступивших на этот путь. Они считали и в целом продолжают считать, что «культурное развитие» – это возрождение или восстановление их культуры (то есть мировоззрения, концепции человека и системы ценностей) в том виде, в котором она находилась до контакта с Западом.

То, что в последние десятилетия произошло в различных странах «в процессе модернизации», является реакцией на «западную культуру», реакцией, которая подвела отдельные группы к поиску своей «культурной самобытности» или своих *собственных* «ценностей». Но поскольку в сложившихся условиях установить эти характеристики было невозможно, они обратились к прошлому. При этом они попытались обозначить, а затем возродить то, что, по их мнению, составляет их культурную специфику, то есть мировоззрение, концепцию человека и систему ценностей (ценностные суждения), доминировавших в каждой из этих групп до предпринятых ими усилий по индустриализации или контактов с «западной культурой», на которую они отреагировали таким образом. Как показывает постепенное распространение фундаментализма в некоторых из таких стран по всему миру, такое возрождение уже произошло.

Отстаивая позиции, фундаменталисты оправдывают свои действия, ссылаясь на свободу мысли, совести и религии, а также на так называемое «уважение к культурным особенностям», или «право на самобытность». Другими словами, они оправдывают свои действия, пользуясь распространенными лозунгами, например о «праве на культуру» или «культурные права», которые появились в *промышленно развитых странах*, решающих *свои* проблемы, весьма отличающиеся от проблем развивающихся стран. Постмодернизм помог их распространению.

Вот куда к концу XX в. привело поощрение «культурного развития», понимаемого как поощрение культурной самобытности: оно имело свои последствия, из которых самым поразительным оказалось распространение фундаментализма, завоевавшего позиции во многих частях света.

Мы не совсем осознаем, что взяли за основу отдельный особый случай, идею (в смысле немецкого *Vorstellung*), смутное представление о желаемом положении дел, которое наблюдали во второй половине XX в. в странах «развитого» и богатого Запада (при этом интерпретировали его сомнительным образом, оставив лишь несколько компонентов), и создали на его базе идеал, достижение которого должно стать целью для остальных, «еще не развитых» стран.

Развитие стало для нас «идеей фикс». В результате мы продолжаем изменять и множить *эпитеты к развитию* – мы говорим об экономическом, социальном, культурном, местном, уверенном, стабильном развитии в интересах людей, *а также* о равном уважении ко всем культурам, но даже не думаем об *изменении* главной цели нашей национальной и международной политики. Мы считаем эту цель само собой разумеющейся, поскольку имеем дело с глобализацией свободного рынка, являющегося одновременно одним из ее последствий.

В качестве доказательства этого факта приведем следующие слова глав государств и правительств, участвовавших в саммите в Копенгагене, озаглавленные «Принципы и цели»: «Мы, главы стран и правительств, придерживаемся политического, экономического, этического и духовного видения социального *развития* (курсив мой. – И. К.), основанного на человеческом достоинстве, правах человека, равенстве, мире, демократии, взаимной ответственности и сотрудничестве, а также на полном *уважении к различным этническим и этическим ценностям и культурному наследию народов*»⁹. Я боюсь, что главы этих государств и правительств не до конца осознают, что они придерживаются идей, которые, если взглянуть на каждую отдельно, в действительности могут оказаться (и зачастую бывают) несовместимыми (например, признание полигамии и уважение человеческого достоинства; признание кровной мести и право на жизнь).

* * *

Кроме хорошо придуманного, но проблематичного в осуществлении поощрения культурной самобытности (мультикультурализма), сейчас среди *методов* решения глобальных проблем, с которыми мы столкнулись, и защиты прав человека рассматривают также демократизацию, свободный от приватизации рынок и его глобализацию. В последнее десятилетие XX в. они стали девизом мирового сообщества, а также послужили условием для увеличения «помощи в целях развития» развивающимся странам.

Здесь я оставляю без внимания проблемы прав человека, вызванные развитием так называемой демократизации, и ограничусь лишь несколькими словами об ос-

⁹ Проект Декларации саммита в Копенгагене. – П. 25.

нованном на приватизации свободном рынке и его последствиях для защиты прав человека. Возможно, что-то мы можем почерпнуть из сомнительной и рискованной идеи развития как главной цели национальной и международной политики после Второй мировой войны.

Вот почему вопреки повторяющимся заявлениям о провале политики развития, направленной на сокращение разрыва между богатыми и бедными в странах и между государствами, а также вопреки самым последним выводам об «очевидном регрессе» в деле преодоления этого разрыва я позволю себе повторить то, что на протяжении последних 15 лет¹⁰ часто говорила о свободном от приватизации рынке и его глобализации, чтобы еще раз высказаться по поводу их последствий для защиты прав человека и связать все это с заявлениями, сделанными в документе Женевского саммита.

Простите за резкость: я не только не вижу никакой потенциальной или реальной связи между правами человека и свободным рынком; я чувствую, что надежда на то, что основанный на частной собственности и приватизации свободный рынок и его глобализация будут способствовать защите прав человека в небогатых странах, приведет нас к очередному потенциальному тупику.

Если упростить, требование свободного рынка, в принципе, сводится к тому, чтобы правительство не вмешивалось в экономическую деятельность людей, чтобы правительство оставило их в покое. В этом случае порядок социально-экономических отношений, то есть их организацию и динамику, будет определять спонтанный открытый процесс, в ходе которого люди смогут не только улучшить защиту своих интересов, но и будут вынуждены защищать интересы других людей.

Требование такого невмешательства вытекает из своего рода основных прав человека – так называемых фундаментальных свобод. Боюсь, что связь свободного рынка с правами человека была основана на мало исследованной концепции «фундаментальных прав». Главным образом это произошло потому, что виды прав человека разграничены недостаточно четко. Это проявляется в намерении защищать экономическую свободу как основное право и делать это так, как можно защищать только основные права: например, предполагается, что методы защиты так называемого «права на свободу мысли и выражения» также могут использоваться для защиты того, что понимается под «экономической свободой» человека¹¹.

Если рассматривать эту «свободу» таким образом, то она представляет собой требование невмешательства со стороны государства в дела людей не только когда они реализуют индивидуальные возможности личности, как того требуют некоторые права человека, но и тогда, когда они защищают свои собственные интересы, которые неизбежно сталкиваются с интересами других индивидуумов, а часто и с другими правами человека.

Следовательно, вопрос о введении «свободного» рынка в небогатых странах подразумевает не только то, что будет отстранено правительство, которое ограни-

¹⁰ См. в: Kuçuradi, I. *Cultural Morals and Global Morality in the Light of Ethics* // WASCO'88. *The World Community in Post-Industrial Society*. – Seoul, 1989. – P. 176–185; Idem. *The Idea of Development. Its Past and Present* // *The Idea of Development Between Its Past and Its Future*. – Ankara, 1993; Idem. *Goals and Traps in the Ways out of the Current Stalemate* // *Future Beyond Poverty – Ways and Means out of the Current Stalemate*. – Turku, 1997. – P. 88–89 etc.

¹¹ По поводу моей классификации прав человека см. статью: Idem. *Philosophy and Human Rights* // *Philosophical Foundation of Human Rights*. – Ankara, 1982. – P. 47–52.

чивает экономические права личными или групповыми интересами, но и то, что будет отброшена *возможность* сделать основные права определяющими факторами в организации и динамике национальных и международных экономических отношений. Именно такую тенденцию мы сейчас и наблюдаем; сторонники частной инициативы и экономической глобализации называют происходящее «минимизацией государства».

Развитие свободного рынка, сопровождающееся внешними долгами не только в бедных странах, но и в так называемых развивающихся странах среднего дохода (то есть странах, которые взяли заем на «развитие» и которые в состоянии выплачивать только проценты, иногда взяв новый заем) «повредило их социальным усилиям»¹². «Возросшие ограничения, включая те финансовые и политические обязательства, которые легли на правительство, привели к сокращению программ и активности государства»¹³. «В некоторых странах принцип всеобщего бесплатного предоставления услуг, таких как здравоохранение, образование и водоснабжение, был заменен практикой потребительских выплат, приватизации и более целевого предоставления социальных услуг»¹⁴. «Обстановка внутри государства все больше изменяется под воздействием глобальных факторов и сил, находящихся вне контроля отдельных правительств. Все еще сохраняются серьезные препятствия для социального развития, многие из них были обозначены на саммите. К ним относятся: хронический голод; недоедание; проблемы незаконного распространения наркотиков; организованная преступность; коррупция; оккупация иностранными войсками; вооруженные конфликты; этническая, религиозная и другая ненависть; ксенофобия; эндемические, передающиеся и хронические заболевания»¹⁵. Все это мы находим в Женевском документе. Одни заявления касаются старых проблем, другие – новых.

Вот куда идея развития, введенная 50 лет назад «с целью способствовать социальному прогрессу и повышению уровня жизни», а также заблуждение относительно свободы и свобод привели нас в конце XX в. Нам необходимо пересмотреть оба этих аспекта, поскольку мы должны пересмотреть *интеллектуальные основания* наших решений и действий в целом.

Разрешите привести вам еще один аргумент в пользу моего последнего утверждения: одной из причин распространения фундаментализма также можно назвать *заблуждение относительно свобод*, которое лежит в основе представлений о том, что свободный рынок и его глобализация являются выходом из сегодняшнего тупикового состояния бедности. Фундаментализм использует в своих интересах так называемую свободу мысли, религии, убеждений и выражения, а также активно продвигаемое «уважение к этническим и религиозным ценностям и к культурному наследию народа», и пропагандирует некоторые мировые взгляды и нормы, в сущности, противоречащие правам человека.

* * *

В настоящий момент растущее уважение к культурной самобытности и продвижение свободного рынка и его глобализации, которое берет свои истоки в авантюрной идее развития как главной цели национальной и международной по-

¹² Неопубликованный Итоговый документ Женевского саммита. – П. 41.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. – П. 36.

¹⁵ Там же.

литики, обнаруживает две ловушки для прав человека – ловушки, на которые, если не брать в расчет попытки их идеологического осмысления, до сих пор мало обращали внимание.

Я говорю «до сих пор», поскольку в Женевском документе мы читаем: «Сейчас признается, что эффективный контролируемый государственный сектор имеет жизненное значение для гарантированного предоставления социальных услуг»¹⁶, и «растущая взаимозависимость государств, в результате которой экономические кризисы стали преодолевать национальные границы, а также усилившееся неравенство выявляют слабые стороны организации международных и национальных институтов и социально-экономической политики и придают большую важность их усилению путем соответствующих реформ»¹⁷.

Внимательное исследование интеллектуальных достижений за последние 55 лет позволяет увидеть, что нам нужны не соответствующие реформы в *тех рамках*, которых мы придерживаемся по сегодняшний день, а революция.

Результатом этой революции, о чем я постоянно говорю с конца 1980-х гг., должна стать замена «развития» (с каким бы детерминативом оно не использовалось) в качестве главной цели национальной и международной политики на защиту тщательно сформулированных и четко понимаемых прав человека. При этом мы должны честно попытаться сделать все возможное, чтобы выработать и решительно, шаг за шагом, предпринять все необходимые действия (некоторые из них мы можем найти в *Декларации Тысячелетия*) для их реализации в современных национальных и мировых условиях, хорошо осознавая тот факт, что многие обратимые и необратимые проблемы, с которыми мы сталкиваемся, есть результат *наших* решений и действий¹⁸.

Опрос Тысячелетия, который проводила Ассоциация исследовательских компаний Gallup International среди 57 тысяч человек взрослого населения в 60 странах в 1999 г., показал, что «большинство людей по всему миру считают защиту прав человека самой важной задачей Организации Объединенных Наций», а значит, самой важной задачей человечества в XXI в. Если рассматривать вопрос с философско-этической точки зрения, глобализация свободного рынка оказалась ловушкой в плане защиты прав человека. Вот почему я бы хотела закончить вопросом, ответ на который внесет вклад в разработку нашей революционной стратегии: возможно ли еще избежать ловушки, которую нам поставила глобализация свободного рынка, или мы уже в нее попали?

¹⁶ Неопубликованный Итоговый документ Женевского саммита. – П. 43.

¹⁷ Там же. – Предложение относительно дальнейших проектов в области социального развития 2.

¹⁸ Одним из таких шагов является списание долгов, то, о чем спорят в настоящее время и о чем я говорю с начала 1990 г. См.: Kuçuradi, I. Goals and Traps in the Ways out of the Current Stalemate of Poverty // Future Beyond Poverty – Ways and Means out of the Cultural Stalemate. – Note 10.

МИРОВОЙ КРИЗИС

ГЛОБАЛЬНЫЙ ФИНАНСОВЫЙ КРИЗИС: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Р. И. Хасбулатов

Причины кризиса

Общими причинами бушующего финансового кризиса, на мой взгляд, являются:

- Цикличность динамики мировой и национальных экономик развитых стран и усиление синхронизации этих процессов в основных центрах мировой экономики (в «Великой триаде»).

- Глобализация мировой экономики и мировых финансов на общем фоне роста политической нестабильности и угроз вооруженных конфликтов в разных регионах мира – это усиливает неустойчивость мировой экономики и глобальное движение потоков капитала.

- Специфическое воздействие высоких цен на нефть на движение ссудного капитала, «отрыв» ценообразования на этот продукт от «классического» формирования цены и «давление» огромных массивов «свободных денег» на мировые финансовые центры, создание «мыльных пузырей» и соответственно необычайный рост масштабов фиктивного капитала.

- Формирование процессов, ведущих к уничтожению конкуренции в сфере крупного финансового капитала, рост глобального монополизма, подавляющего конкуренцию.

- Снижение эффективности и качества менеджмента в США, ЕС и Японии, неоправданные риски, допускаемые им в погоне за сверхприбылями.

- Кризис Бреттон-Вудских финансовых учреждений, созданных еще в конце Второй мировой войны для регулирования мировой финансовой системы, отсутствие адекватных современной обстановке наднациональных институтов регулирования движения финансовых потоков.

- Неадекватность методологической базы (либерально-монетарные подходы), находящейся в основе современной финансово-экономической политики большинства стран мира (развитых и переходных экономик).

Отметим и то обстоятельство, что во всей сфере общественно-экономической глобализации она наиболее мощно вторглась в область международных финансов, создавая обстановку крайней неустойчивости не только самой финансовой системы, но и общей глобальной экономической системы.

Признаки «болезни» стали обнаруживаться в Америке еще в 2007 г. в ряде секторов финансово-банковской системы. Но общие причины финансового кризиса, несомненно, таятся прежде всего в циклическом движении национальной

и мировой экономики. Время от времени национальные финансово-экономические системы нуждаются в «очищении» (это касается рыночной экономики), перестройке агентов рынка, переходе на другие инструменты регулирования, новых технологиях. Это – устоявшаяся закономерность развития, по крайней мере, с XIX в. Предыдущий мировой деловой цикл завершился сильнейшим кризисом в 2001–2002 гг. Новый цикл начался с конца 2002 г., а если иметь в виду, что длительность циклов в послевоенные десятилетия составила в среднем временной отрезок в 8–10 лет, то очевидно, что мировая экономика находится в преддверии очередного циклического кризиса. И ныне бушующий финансовый кризис – это своего рода вступление мировой экономики в активную фазу, в собственно кризис в сфере реального производства. То обстоятельство, что он начался в области финансового сектора мировой экономики, – это, на наш взгляд, вполне объяснимое явление, связанное с множеством факторов, в том числе и в сферах изменений в области конкуренции, ценообразования на нефть, структуризации финансовых рынков и т. д. Все это играет в последнее десятилетие исключительное значение в плане деформации как естественного протекания цикла, так и с точки зрения общего движения мировых финансовых потоков капитала.

Особо важное значение во всех этих причинах имеет нефть и ценообразование на этот продукт. В результате динамичного роста экономики в основных центрах развитого сегмента мировой экономической системы (Северная Америка – Западная Европа – Япония), а также Китая, Индии и некоторых других быстро растущих экономик потребности нефти, обеспечивающей их рост, непрерывно возрастали. Это обстоятельство являлось постоянным фактором для спекулятивного повышения цен на жидкое топливо. Использовались разные мотивы для взвинчивания цен (постоянная нестабильность на Ближнем Востоке, где проходят международные коммуникации по доставке нефти в развитые регионы, партизанские рейды в Нигерии на нефтепромыслы, циклоны на юге Америки, в Мексиканском заливе, повышенные потребности китайской экономики и пр.), и все это служило поводом для повышения цен на нефть. В результате себестоимость барреля нефти «оторвалась» от ценообразования на нефть, соответственно прибыль нефтяных компаний составляет, по разным расчетам, от 250 до 450 %. И что знаменательно, произошел полный подрыв свободного ценообразования и соответственно конкурентной основы в этом секторе мирового хозяйства. В результате произошло следующее: с одной стороны, нефтяные компании и аккумулирующие их средства финансовые институты стали обладателями громадных массивов «свободных денег»; с другой стороны, эти «легкие деньги» перетекают в другие, прибыльные сферы хозяйства, в том числе в индивидуальное жилищное строительство, формируя повышенный спрос в периоды повышательной фазы в динамике цикла и, наоборот, оказывая отрицательное воздействие в стадии стагнации движения цикла. С третьей стороны, колоссальные прибыли порождают различного рода «финансовые пирамиды» и «финансовые пузыри», разрушают устойчивость отдельных звеньев финансовой системы, развращают менеджмент огромными дивидендами (даже за плохое управление). Все это подрывает принципы конкурентных механизмов в целом в бизнесе. Формирование крупных массивов «свободных денег» в свою очередь порождает мощную инфляционную тенденцию глобального масштаба, которая распространяется по всему миру. Обесценивание ведущих мировых валют – это устойчивая тенденция последних десятилетий, в решающей

степени связанная с неолиберально-монетарными доктринами, проповедующими всеислие денег и денежного успеха в деятельности человека, маниакальной устремленностью современного бизнеса исключительно к наживе любой ценой при игнорировании общественных целей и морально-этических ценностей, свойственных западным обществам вплоть до 80-х гг. XX в. Отсюда, между прочим, и появление другой тенденции – снижение общего уровня менеджмента повсюду в мире, его деинтеллектуализация, увлечение чрезмерно рискованными финансовыми и иными деловыми операциями, на которые легко идут менеджеры, рассчитывая на получение быстрых и легких сверхприбылей.

Все эти процессы, среди которых особо важное значение принадлежит деформациям в ценообразовании и подавлению конкуренции как в нефтяном секторе, так и сопряженным с ним сферах, гигантские денежные массивы, которыми стали самовластно распоряжаться узкие круги финансово-промышленных групп, инфляция и неустойчивость цен на энергоносители, их «отрыв» от ценообразующих факторов вместе с глобальной политической нестабильностью ведут к подрыву мировой финансовой системы и ее отдельных звеньев. А это в свою очередь оказывает и прямое, и косвенное влияние на экономики стран в силу тесной взаимосвязанности различных звеньев мировой экономики и финансов. Указанные особенности динамики современного глобального делового цикла оказали свое влияние на специфическое развертывание мирового финансового кризиса, в том числе на систему американской ипотеки.

Почему кризис разразился в системе американской ипотеки?

Индивидуальное жилищное строительство в Америке занимает особо важное значение – и как сектор экономики, и как существенная часть всей социальной политики государства. На волне достаточно устойчивого развития на протяжении последних лет (впрочем, как и в предыдущие два десятилетия) правительство проводило целенаправленную экономическую политику в этой области, обеспечивая граждан страны сравнительно легким доступом к банковским кредитам через систему ипотечных банков. Такая политика – важнейшая составляющая всей социальной политики американского государства, направленная на обеспечение высокого уровня жизни населения страны. В высказываниях российских аналитиков, для которых бедность населения – привычное состояние, так же как и крайняя неэффективность социальной политики государства, преобладают легковесные суждения относительно того, что это была «неправильная» политика.

По их мнению, якобы «непродуманные действия» ипотечных банков Америки, связанные с обеспечением «легких денег», когда чуть ли не любой неимущий мог получить кредит с целью приобрести индивидуальный дом или квартиру, и послужили причиной обвала. На самом деле эта ипотечная политика была (и является при всех спадах и депрессиях) и продуманной, и ответственной; она, как мы отмечали выше, – составная часть всей американской социально-экономической политики, преследующей среди прочих задачу сокращения разрыва между богатыми и бедными стратами, делая доступными ипотечные займы для любого работающего человека в Америке.

Главные причины развернувшегося кризиса находятся в иной плоскости – в области общего ухудшения воспроизводственных условий, в «затухании» темпов роста экономики, в спекулятивном движении больших массивов капитала и фор-

мировании «мыльных пузырей», буквально выколачивающих колоссальные прибыли на биржевых спекуляциях ценными бумагами. И, по моему глубокому убеждению, в исчерпанности самой модели экономической политики, основанной на неолиберально-монетарной идеологии. Отсюда – неадекватность политики новым условиям развития современного капитализма в его основных центрах (США – ЕС – Япония).

Кризисные проявления стали заметными еще в 2007 г., постепенно расширяясь со второй половины года, вторгаясь в «пограничные» (к ипотечной системе) финансово-банковские отношения. «Затухание» темпов экономического роста – это общий индикатор, складывающийся как следствие множества переплетающихся своего рода «мини-факторов», в том числе все более участвовавших случаев нарушения бизнес-этики менеджерами в промышленной и банковской сфере. Это небезобидные «эпизоды», поскольку они формируют мощные импульсы в поведенческих действиях основного массива агентов свободного рынка – клиентов, подрывая их доверие. Падение доверия людей к финансовым институтам – это смертный приговор. Это и стало происходить в системе американской ипотеки. Отсюда – кризис платежей, проблема ликвидности и соответственно банкротство действующих в сфере ипотеки банковских и иных инвестиционных институтов. Гибель гигантских «Fannie Mae» и «Freddie Mac» стала потрясением для всего американского общества. Достаточно отметить, что суммарные активы этих двух ипотечных банков составляли около 6 трлн долларов (ВВП России – чуть более 1,2 трлн долларов), чтобы представить масштабы бедствия от их банкротства, если бы не государственное вмешательство.

Скорее всего, неожиданным для американцев был второй удар кризиса, который, вторгнувшись в инвестиционные банки, сокрушил такие столпы финансово-банковской системы, как знаменитые «Lehman Brothers» (существует около 160 лет) и «Merrill Lynch» (более 100 лет), входившие в первую пятерку ведущих инвестиционных банков США. Их акции обесценились, вызвав возмущение во всей мировой финансовой системе (в силу колоссальных масштабов деятельности по всему миру).

Правительство США и его финансовый сектор были вынуждены занять активную позицию, тем более в условиях приближающихся (ноябрь 2008 г.) президентских выборов. Кандидаты от республиканцев (Маккей) и демократов (Обама) неистово клялись, что только приход именно Маккея или Обамы в Белый дом может положить конец кризису.

Надо признать, действия американского правительства были достаточно энергичными. Так, «Lehman Brothers» был частично национализирован, – спасая от неминуемого банкротства, ФРС США (Центральный банк) предоставила ему многомиллиардные кредиты, притом что его страховые гарантии перешли под государственный контроль.

Но кризис есть кризис, у него своя динамика. Через несколько дней он обрушил третий сокрушительный удар – на этот раз по крупнейшей в мире инвестиционной группе «American International Group (AIG) Investments». Компании, входящие в эту группу, управляли активами на сумму более 753 млрд долларов по всему миру (более чем в 60 странах).

Кроме того, они контролировали кредиты и ипотечные займы на общую сумму более чем в 300 млрд долларов. Банкротство этого супергиганта в мировой финансовой системе (как и в случае с «Фэнни» и «Фрэдди») могло бы обрушить ее до основания. Этого американское государство не могло допустить. Поэтому и эта

«группа» также была частично национализирована по такой же схеме, как «Fannie» и «Freddie». Затем настала очередь банкротств инвестиционных банков, которым также был брошен «спасательный круг» государством. По сути, все они также подверглись национализации. На грани банкротства оказались два прославленных банковских кита Америки – «Morgan Stanley» и «Goldman Sachs»; оба обратились с просьбой в ФРС об изменении их статуса – ныне они перестали быть инвестиционными банками, превратившись в обычные. Соответственно, ФРС поручило Федеральному резервному банку Нью-Йорка расширить кредитную поддержку этим двум банкам. Мощный и тоже, казалось, вечный, банк «Washington Mutual» начал срочные переговоры о своей продаже (на его депозитах хранятся средства частных вкладчиков на сумму свыше 300 млрд долларов). *Этот банк стал 13-м американским банком, обанкротившимся в ходе нынешнего финансового кризиса. Крах этого банка стал одним из самых крупных банкротств в банковской сфере за всю историю США. Он был в ускоренном порядке взят под контроль федеральных властей, а его многочисленные подразделения приобретены группой банка «JP Morgan Chase». «JP Morgan Chase» в результате поглощения сети «Washington mutual» становится крупнейшим сберегательным банком США с объемом депозитов в 900 млрд долларов и 5400 отделениями.* Таким образом, идет параллельный процесс – укрепление монополистического капитала, альянс государства и крупных частных корпораций.

Президент Буш признал, что вся экономика США находится под угрозой и необходимо спасти финансовую систему страны, а не отдельные корпорации и банки. Являясь сторонником «свободного предпринимательства в нормальных условиях», президент Буш признает, что сложившиеся в Америке условия не являются «ординарными», поэтому он не может пустить разрушительные процессы на «самотек», поскольку они спровоцируют глубокую и длительную рецессию. Это означало бы серьезный удар по благосостоянию американских граждан. *«Если бы можно было сделать так, чтобы все безответственные компании Уолл-стрит могли обанкротиться, не оказав влияния на ваши семьи, я бы сделал это. Меры по спасению, которые мы принимаем, направлены не на Уолл-стрит, а на те улицы, где вы живете»,* – заявил президент, обосновывая «План Полсона» («План-700»).

Крупные финансисты, чувствуя себя уверенно, также включились в борьбу за преодоление кризиса. Так, один из богатейших людей современной Америки Уоррен Баффет через принадлежащую ему компанию «Berkshire Hathaway» заключил сделку о покупке привилегированных акций «Goldman Sachs» на 5 млрд долларов, что значительно улучшило положение этого находящегося в затруднительной ситуации банковского гиганта. Это, конечно, также играет на стабилизацию финансово-банковской системы. Баффет также стал скупать акции промышленного гиганта «General Electric» на сумму в 3 млрд долларов, попавшего в затруднительное положение из-за финансового кризиса. Индексы, в том числе Доу-Джонс, пережили самое глубокое падение после террористических актов 11 сентября 2001 г. Затруднения такой знаковой корпорации, какой является «General Electric», иллюстрируют, что финансовый кризис перерастает в общий экономический. В Америке происходит резкое снижение потребительского спроса, многие американцы вынуждены вводить для себя жесткий режим экономии, сокращать приобретение товаров длительного пользования. Автомобильные корпорации, например, бьют тревогу по поводу падения объемов продаж индивидуальных домов, квартир, машин, других товаров длительного пользования повсюду в мире.

При этом следует отметить, что современную мировую финансовую систему с достаточной условностью можно называть «системой». Она состоит из разнородных подсистем, главными звеньями которой являются крупнейшие частные финансовые группы, банки, финансовые секторы промышленных, торговых и иных корпораций, действующие (и очень часто) в разнонаправленных векторах, вызывающих возмущения в системе. Финансовые спекулянты, ворочающие десятками миллиардов долларов, действуют исключительно по мотивам получения немедленной прибыли, перебрасывая гигантские ресурсы из одного финансового центра в другой, из отрасли (сферы) в отрасль, нанося могучие удары по условному равновесию самой системы, подводя ее к краю гибели. Так формируются «финансовые пузыри», когда цены на акции в десятки раз превышают реальную их стоимость. Рецессия в реальном секторе экономики развитых стран мира становится реальностью. Это, несомненно, отразится на ценах на нефть, что с неизбежностью затронет экономику России, ее модернизационные планы и социальные цели общества.

Великая депрессия 1929–1933 гг. породила кейнсианство

Приведем поучительные исторические параллели. Как известно, Великая депрессия 1929–1933 гг. положила начало концу классической либеральной экономической теории, проповедующей невмешательство государства в экономическую жизнь, и обозначила формирование мощной теоретико-методологической альтернативы – кейнсианства. Оно стало базой для экономической политики Запада, вплоть до кризиса 70-х гг., когда на смену снова «вернулись» неолиберальные подходы.

Ключевой тезис Дж. М. Кейнса состоял в утверждении о *принципиальной невозможности современного капитализма развиваться без государственного регулирования*. Современный мировой финансовый кризис еще раз подтвердил этот ключевой тезис знаменитого экономиста.

Разумеется, хозяйственная практика всегда идет впереди экономической теории. Глубокий упадок в промышленном производстве, разрушение банковской системы, банкротство корпораций, банков, торговых фирм и т. д. – все это привело к неизбежным попыткам американского государства в 30-е гг. оказать более существенное влияние на экономические процессы. Тем самым разрушались традиционные для развитых стран представления о роли государства в экономике, способах и формах его экономического вмешательства, что противоречило принципам классического либерализма, доминировавшего, по крайней мере, последние 200 лет в Западной Европе и Америке. Хотя, следует отметить, в ходе Первой мировой войны все ее основные участники, и особенно Германия, основательно преуспели в развитии процессов государственного вмешательства в экономику, когда стали укрепляться *прямые функции в области государственного регулирования национальных хозяйств, расширился госсектор в народном хозяйстве страны*. Но в послевоенные годы эта внезапно пробудившаяся экономическая функция оказалась постепенно свернутой, и, как представлялось, снова восторжествовал принцип традиционной либеральной экономики – и в США, и в Западной Европе.

Разрушительный кризис, начавшийся в США в начале 1929 г. (в странах Западной Европы он обозначился несколько раньше – во второй половине 1928 г.), а также приход к президентской власти Франклина Делано Рузвельта качественно

изменили отношение государства к экономике. Следует сказать и то, что в те годы в экономической и даже политической жизни Америки доминировали представители крупных корпораций, которые открыто вмешивались в вопросы государственной политики, процветали протекционизм, коррупция, а правительство, как отмечала пресса тех времен, погрязло в склоках, связанных с патронажем разных групп бизнеса. Обстановку тех времен охарактеризовал сам президент Рузвельт следующим образом: *«Правительство, которым управляют деньги, так же опасно, как и правительство, состоящее из преступников».*

В такой обстановке Рузвельт предложил стране свой знаменитый «Новый курс», предполагающий решительный контроль государства над деятельностью большого бизнеса, его переориентацию на решение национальных задач и вывод экономики страны из глубокого кризиса. Эти задачи диктовали необходимость активного государственного регулирования макроэкономических процессов. А как травила «свободная пресса» Америки Рузвельта, обвиняя его в приверженности к коммунизму! Конечно, мощные американские корпорации, в течение двух столетий развивающиеся в духе доктрины *Laisses faire, то есть абсолютного либерализма*, отвергали любую форму вмешательства в экономику, хотя сами были не в состоянии справиться с наступившим разрушительным кризисом. К счастью для Америки той эпохи, президент Рузвельт сумел преодолеть яростное сопротивление больших корпораций, привычный догматизм элитарных слоев общества и вывести страну из кризиса.

Суть рузвельтовской модели состояла в следующем: во-первых, отделить экономику (большие корпорации) от политики с точки зрения воздействия на нее корпоративных интересов; во-вторых, дать импульсы для развития смешанной экономики; в-третьих, обеспечить социальный характер государства. Это и является сутью и содержанием кейнсианства. Великий экономист XX в. Дж. М. Кейнс был основателем этого направления экономической мысли, «параллельной» классической. Она стала методологической базой экономической политики капиталистических стран 30–70-х гг.

Кейнсианство возвращается?

Первое десятилетие XXI столетия – это, конечно, не времена Великой депрессии, не послевоенные десятилетия – совершенно иные условия экономического развития по сравнению с ними. Но похоже на то, что при всей своей огромной мощи частные финансово-экономические корпорации не в состоянии самостоятельно справиться с проблемами глубоких спадов и депрессий, угрожающих самой современной капиталистической системе, без опоры на силу государства и его властно-регулирующие возможности. Кейнс оказался прав: снова необходима активизация экономической функции государства, без чего невозможны не только общее развитие страны, не говоря уже о выводе экономики и финансов из кризисного состояния, но и сохранение существующей системы. В условиях, когда процессы глобализации вторгаются прежде всего в финансовую подсистему мировой экономики, регулирование финансово-хозяйственных процессов через традиционное понимание «рынка» (когда предполагается конкуренция) становится иллюзорным. Здесь правят бал могучие финансовые, промышленные и иные корпоративные группы, контролирующие, как в случае с «AIG», активы в триллионы долларов, а конкуренция отходит на второй план – не она определяет их прибыли. Традиционная конкуренция действует уже лишь в секторах среднего и мелкого

предпринимательства. Но даже «крупные» оказываются бессильными при несовершенном менеджменте. А в этой сфере в Америке обнаруживается много проблем – качество и эффективность менеджмента, как мы отмечали выше, резко снизились, причем это происходило параллельно тому, как возрастали доходы менеджеров в последнее десятилетие. Правительство Америки, озабоченное состоянием менеджмента, инициировало принятие закона «Сарбэйнс-Оксли» в 2002 г., после банкротства крупной нефтяной корпорации «Энрон». Закон усилил возможности государства и акционеров осуществлять контроль над операциями менеджмента. Но существенных позитивных изменений в этой области не произошло. Непрерывное снижение налогов на корпорации, что происходит в последние двадцать лет по мере развертывания неконсервативной волны, способствовало «возвращению» образов «праздного класса» Торстейна Веблена в американскую деловую жизнь. Менеджмент крупных корпораций как в Америке, так и в Европе, да и других странах, тем более в России, все чаще оказывается подвержен коррупции и разного рода мошенническим операциям. Это является не случайностью, а, скорее, закономерным отражением доминирующих в современных капиталистических обществах идей подчинения человеческой личности одному всецельному, хотя и Идолу, – власти Денег. Это откровенно развращает современное общество, делает его уязвимым в нашем беспокойном мире, в том числе в той жестокой борьбе, которая развязана *альтернативными глобальными силами по всему периметру евроатлантической цивилизации.*

Крупные финансовые игроки, исходя из только им понятных соображений, все чаще идут на необоснованные риски, легко манипулируют десятками и сотнями миллиардов долларов, «перебрасывают» их из одной сферы в другую, порою искусственно порождая предпосылки потрясений на финансовых рынках и банкротств. Все это перестает быть «частным делом бизнеса», приобретая опасные для общества масштабы, нанося сокрушительные удары по равновесию всей мировой финансовой системы. Вполне очевидно и то, что данные процессы противоречат самому понятию «рынок», он все более «размывается» вне рыночным поведением самих агентов рынка. Соответственно формируется заметная тенденция к «нейтрализации» рынка как механизма аккумуляции и распределения финансовых ресурсов. Это, в частности, проявляется в сильнейшей деформации движения ссудного капитала по международным каналам.

Еще один показательный момент, который бросается в глаза, когда мы анализируем действия правительства США, пытающегося блокировать кризис, и реакцию большого бизнеса на эти действия. Американское правительство, традиционно ориентирующееся на либерально-монетарную идеологию в экономической политике, как было показано выше, вынуждено в своих практических шагах отказаться от этой традиции в пользу кейнсианской методологии и, в частности, осуществить национализацию целой группы финансовых компаний. Ежедневно происходит частичная или полная национализация банков – и в Америке, и в Европе, и в Азии. При этом крайне интересно, что в очередь за такой национализацией выстроились очень многие американские банки.

Против такой политики выступает часть общества: традиционалисты-неоконсерваторы из Республиканской партии, сегмент научно-экспертного сообщества Америки, не затронутая кризисом часть предпринимателей. В частности, отвергая «План Полсона», профессор Принстонского университета Пол Кругман обвиняет правительство в том, что оно «стремится решить не только

проблему ликвидности, но и явно переплачивать в пользу крупных банков и их собственников, выбрасывая деньги налогоплательщиков». С ним солидарен профессор Чикагского университета Луиджи Зингалес. Последний в статье «Почему Полсон не прав» ставит вопрос: «Хотим ли мы жить в мире, где доходы частные, а убытки распределены на всех?»

Возможно, и эти суждения оказали свое влияние на американский Конгресс, который 29 сентября отказался утвердить «План Полсона», что вызвало новый виток кризиса, обрушив индексы биржи на Уолл-стрит, в том числе Доу-Джонс и Макдак. Но здесь причины сложнее – для многих конгрессменов-республиканцев принятие антикризисного плана было ничем иным, как утверждением «американского варианта социализма». Один из республиканцев, член палаты представителей, так и сказал: «Большевицкая революция обещала народу России хлеб и свободу, но дала лишь хлеб. Сейчас, когда перед народом Америки стоит тот же выбор, мы выбираем свободу!» Проголосовав «против», конгрессмены объявили для себя 3-дневные каникулы в честь еврейского Нового года. В такой обстановке президент Буш решился на крайнюю меру – он «распечатал» стабилизационный фонд США (Exchange Stabilization Fund, ESF) объемом 51 млрд долларов, созданный еще в период Великой депрессии 1929–1934 гг. Однако 2 октября Сенат утвердил представленный Белым домом план спасения финансовой системы США в ходе драматического голосования. Через несколько дней Палата представителей, вернувшись к этому вопросу, также проголосовала за предложенный «План-700», или «План Полсона».

Все эти события, разворачивающиеся на наших глазах, подтверждают, что современный рынок (а в более общем плане – современный капитализм) – это далеко «не саморегулирующаяся система», он не в состоянии функционировать сам по себе, без активного государственного вмешательства. Это ключевая идея Дж. М. Кейнса, которая разводила его с либеральными теориями. Кризис возродил попытки теоретического осмысления не только происходящих событий, но и старый «великий спор» относительно судеб современной капиталистической системы: может ли она существовать без активного государственного вмешательства? Современные неоконсерваторы, к которым относится и сам президент Буш, полагают, что «вынужденный государственный дирижизм» – это временное явление, которое пройдет, когда завершится кризис. Противоположная точка зрения, которой придерживается значительная часть научно-экспертного сообщества и политической элиты (это современные реалисты-неокейнсианцы), достаточно твердо исходит из мнения исчерпанности позитивного потенциала крупного капитала как «саморегулирующейся системы». Она исходит из идеи невозможности нормального развития современной экономической системы без активного государственного экономического вмешательства, причем в направлении достижения большей социальной справедливости.

Правительство разработало обширный план спасения всей финансовой системы – это так называемый «План Полсона» (по имени министра финансов Генри Полсона). В соответствии с ним оно запросило Конгресс выделить для этих целей 700 млрд долларов. В результате тяжелых дискуссий (и первоначального отклонения Нижней палатой), внесения в «план» существенных изменений он был одобрен. Правительство Буша получило карт-бланш на реорганизацию всей финансово-банковской системы страны – через массивное государственное вмешательство. Это означает не что иное, как *триумфальное возвращение кейнсианства*,

дискредитированное в 70–80-е гг., когда его заменила либерально-монетарная доктрина как методология экономической политики развитых стран мира. Таким образом, конкретно речь идет о двух взаимосвязанных явлениях-процессах.

Первый. Официальный конец неолиберально-монетарной идеологии в экономической политике США (и других стран).

Второй. Хотя само имя Кейнса не произносится, но содержательная часть всех антикризисных мер соответствует его известным рекомендациям в части использования потенциала государства как экономической силы, решительно вторгающейся в экономику «свободного рынка».

Отметим, что все эти действия, сохранив от разрушения финансовую систему могущественной Америки, не уберегли ее от наступающей рецессии в целом в экономике страны. Экономический рост прекратился, трудности испытывают ведущие промышленные компании. Они отражаются на населении, в частности, стала расти безработица.

Глобализация финансового кризиса и ответные меры государств

Процесс банкротств финансово-банковских институтов быстро перекинулся из Америки на другие страны и континенты, прежде всего в Европу – слишком велика степень «переплетения» экономики и финансов в современном глобальном мире, их взаимозависимость и взаимосвязь. Это заставило правительства ведущих европейских и других государств приступить к консолидации своих усилий. Центральные банки «Великой триады» – Северной Америки, ЕС и Японии – 18 сентября 2008 г. выступили с заявлением о том, что они намерены осуществить масштабную долларовую интервенцию (с целью решить проблему ликвидности банков) на общую сумму в 247 млрд долларов.

Председательствующий в ЕС президент Франции Н. Саркози, экстренно собрав в Париже глав всех ведущих стран (Великобритании, Германии и Италии) – своего рода «антикризисный саммит», – предложил план стабилизации европейского финансового рынка. Этот план предусматривал создание общеевропейского фонда на сумму около 300 млрд евро, средства из которого могли быть использованы для помощи проблемным европейским финансовым компаниям. Европейские эксперты проводили параллели между этим «Планом Саркози» и «Планом Полсона». Однако «План Саркози» (поддерживаемый итальянским премьером Берлускони) был отклонен германским канцлером Меркель и британским премьером Гордоном. Первоначально крупные европейские державы считали возможным преодолеть кризис самостоятельно. И только мощные его удары, когда он стал сотрясать все здание системы, заставили страны ЕС перейти к реальному объединению усилий.

11–12 октября на саммите министров финансов G-7 в Вашингтоне был принят другой план, который предусматривает 5 пунктов:

- Необходимо использовать все имеющиеся средства, чтобы поддержать системно важные финансовые институты, не допуская их банкротств.
- Обеспечить принятие всех необходимых мер для разблокирования кредитных и денежных рынков, гарантировать свободный доступ банков и других финансовых институтов к ликвидности и финансированию.
- Обеспечить банкам возможность привлекать капитал как из частных, так и из государственных источников в достаточных количествах для восстановления доверия и возобновления ими кредитования бизнеса и частных лиц.

- Обеспечить надежность национальных программ по страхованию вкладов через систему государственных гарантий.
- Принять дополнительные меры для возобновления деятельности вторичных рынков ипотечных и других ценных бумаг.

Эти общие принципы, которые, однако, выходят далеко за пределы Бреттон-Вудских соглашений, означают переход всей финансовой системы на качественно другой вектор развития. Это реально подтвердилось, когда было раскрыто содержание решений на указанном саммите G-7. В частности, министрами финансов «семерки» были приняты конкретные решения, свидетельствующие о глубоком переустройстве всей мировой финансовой архитектуры. В чем суть этих изменений? Назовем следующие 3 пункта.

Первое. Федеральная резервная система США (ФРС), Европейский Центральный банк (ЕЦБ), Банк Англии, Центральный банк Швейцарии объявили о снятии всех (любых!) ограничений на предоставление ликвидности в долларах США национальным банковским системам до 30 апреля 2009 г. Спустя несколько часов после этого решения к нему присоединился Банк Японии.

Второе. Все пять перечисленных выше банков немедленно объявили о первых аукционах без ограничений (по суммам): 14 октября на срок до 7 дней проводит кредитный залоговый аукцион Банк Англии; 15 октября на тот же срок – банки Швейцарии и Японии; ЕЦБ в тот же день, 15 октября, начинает программу еженедельных аукционов. Все 5 банков объявили дополнительные аукционы на сроки 28 и 84 дня; процентные ставки будут фиксированными.

Третье. Европейский Центральный Банк (ЕЦБ) сообщил, что он принял решение проводить аукционы, на которых будет осуществляться неограниченное предложение долларов (для «снятия» проблемы ликвидности), по крайней мере, до января 2009 г. Если традиционная денежная политика ЕЦБ и других членов «семерки» строилась на ограничении предложения ликвидности, отныне единственным инструментом регулирования рефинансирования в долларах становятся фиксированные предаукционные ставки процента центральных банков. Это исключительно важное новшество.

Таким образом, все эти решения мировых финансовых властей переводят глобальную финансовую систему в принципиально иное качество. Главным инструментом регулирования провозглашается отныне не рынок, не его частные агенты, а государства и решения их финансовых властей. Это, как было сказано выше, свидетельство отказа от неолиберальной доктрины как методологической базы проводившейся на протяжении последних трех десятилетий финансово-экономической политики.

Одновременно с этими решениями страны ЕС приняли и свои национальные планы спасения финансовых систем, сконцентрировав для этого огромные финансовые ресурсы: Великобритания – 980 млрд долларов; Германия – 643 млрд; Франция – 540 млрд; Италия – 200 млрд; Испания – 150 млрд; Швеция – 120 млрд долларов. Естественно, страны ЕС испытывают не меньшие трудности в экономическом развитии, чем США. Их рост также приостановился. Соответственно возрастают масштабы социальных проблем. Их предполагается решать уже не через все сильный рынок, а через государственную политику стимулирования.

Кризис Бреттон-Вудских учреждений и необходимость наднациональных институтов глобального регулирования

Малоэффективные попытки 14 центральных банков наиболее развитых стран мира объединить свои усилия для предотвращения более серьезной угрозы краха мировой финансовой системы показывают, что нужны какие-то иные, более мощные усилия, причем качественно иного свойства – для *создания международной (наднациональной) системы регулирования глобальных финансово-экономических процессов*. Надо признать, что Бреттон-Вудские институты, созданные для этой цели, бессильны в современных условиях, и необходимо начать немедленные консультации для поиска новых международных механизмов регулирования с четко выраженным *наднациональным элементом*. В противном случае мировая финансовая система разлетится в клочья, взрывая мировую экономику.

Кризис существующих механизмов национального и международного регулирования в достаточной отчетливой форме проявился в ходе Азиатского кризиса 1997 г., когда от «услуг» МВФ отказалась целая группа азиатских стран, в частности Малайзия, которая, кстати, первой вышла из состояния кризиса. Но в те времена на эту важнейшую сторону проблемы в мировых финансовых кругах и научно-экспертном сообществе не обратили должного внимания.

Проблема осложнена тем обстоятельством, что фактически не существует наднациональных *механизмов регулирования* движения глобальных финансовых потоков.

Отметим при этом и то, что в глубоком кризисе находятся Бреттон-Вудские финансовые учреждения (Международный валютный фонд, Всемирный банк), призванные регулировать глобальные финансовые процессы. МВФ так и не «пришел в себя» после поражений в ходе Азиатского кризиса 1997–1998 гг. Резко сузилась сфера деятельности Всемирного банка, руководство которого, вопреки уставным обязанностям, сравнительно недавно объявило о том, что его главными функциями становится «борьба с бедностью в слаборазвитых странах на рыночной основе» (2003 г.). Отсюда – его деградация. Бедность в мире стремительно расширяется, а в связи с наступлением мирового продовольственного кризиса она становится критической. В глубоком и затяжном кризисе находится ВТО. Она никак не может завершить начавшийся в Дохе (Катар, 2001 г.) очередной раунд всемирных торговых переговоров, имевший целью снять торговые барьеры между странами. Неразрешимые противоречия между богатыми странами Запада и группой развивающихся стран («группа двадцати» во главе с Бразилией) сделали невозможным позитивное завершение раунда ВТО. Но при этом интересно, что первоначально развитые страны обвиняли развивающиеся в том, что последние оказывают «чрезмерную государственную поддержку сельскому хозяйству», и требовали сокращения этой поддержки. Но сами развитые страны оказывают своим фермерам государственную помощь в размере 300 млрд долларов ежегодно.

Таким образом, существующие международные регулирующие институты фактически нейтрализованы, они нуждаются не просто в глубоком реформировании, а в замене их на реальные *наднациональные институты*, которые могли бы действовать эффективно, адекватно современным условиям, осуществляя глобальное торгово-экономическое и финансовое регулирование.

Это еще один урок современного мирового финансового потрясения, которое, разумеется, далеко не завершено и, скорее всего, преподаст немало ценных уро-

ков. Надо только уметь их извлекать. С этим в отечественной экономической политике (как, впрочем, и в других странах) дело обстоит непросто. В частности, начавшаяся в развитых экономиках мира *рецессия* обрушивает цены на нефть – со 150 долларов в июне до 70 долларов в октябре (за 1 баррель). По-видимому, в скором времени эта цена упадет ниже 50 долларов. Это, несомненно, окажет сильное воздействие на ситуацию в России.

Российский вариант государственно-монополистического капитализма

В первый период «горячей фазы» американского финансового кризиса, когда обанкротились «Фрэдди» и «Макки», российские специалисты-аналитики (экономисты) с изумлением наблюдали за тем, как руководители финансово-экономического блока правительства чуть ли не с пренебрежением высказывались в плане того, что «Россию американский кризис не заденет, у нас устойчивая экономика, большие золотовалютные резервы (600 млрд долларов), стабильная финансовая система» и т. д. Вскоре, однако, пришло отрезвление – понимание серьезности ситуации. К тому же общая финансовая обстановка в стране была не особенно радужной. Беспокойство ощущалось в действиях банкиров, непрерывном ужесточении кредитных линий, свертывании инвестиционных программ. А проблема с ликвидностью становилась напряженной. Нерезиденты еще с мая 2008 г. плавно выводили свои активы из России.

Ситуацию буквально взорвала 5-дневная российско-грузинская война на фоне начавшихся в Пекине Олимпийских игр (в начале августа) – вот когда начался бурный отток иностранного капитала из страны. По данным «Forbes», к середине сентября объем оттока составил свыше 20 млрд долларов (по официальным данным, эта величина составила около 5 млрд долларов). С учетом того обстоятельства, что финансовые рынки России все еще весьма слабы, а деньги, находящиеся в сфере их оборота, незначительны, вывод 20 млрд долларов – это очень большой денежный объем, отток которого имел три принципиальных значения.

Во-первых, этот отток подрывал позиции российских банков и в целом банковской системы, мгновенно усилил кризис доверия к банкам, в том числе уже со стороны российских клиентов.

Во-вторых, в условиях политической и финансово-экономической неопределенности, созданной не столько самой новой Кавказской войной, сколько ее последствиями (осложнениями с Западом), российская банковская система показала свою откровенную слабость и уязвимость.

В-третьих, особую нервозность обстановке придавала огромная внешняя задолженность российских банков и компаний (в том числе государственных) на сумму в почти 500 млрд долларов (эта сумма почти эквивалентна сумме всего государственного резервного фонда).

В условиях взорвавшейся глобальной политической ситуации (в связи с российско-грузинской войной) российские должники стали чувствовать себя крайне «неуютно» по вопросам, связанным с этими огромными внешними долгами. Это привносило дополнительное смятение в банковские круги, стимулируя их панические действия. Естественно, ускорился и процесс изъятия гражданами своих вкладов, все острее становилась проблема ликвидности.

На этом фоне и произошли *обвал фондового рынка, бегство иностранного капитала*, обесценивание акций практически всех крупных корпораций и банков,

растерянность в деловых (и неделовых) кругах. Далее мы видели лихорадочную деятельность высоких должностных лиц, финансовых властей, приведение в движение огромного массива ликвидных средств в качестве «подушки» для смягчения возможного более тяжелого удара со стороны мировой финансовой системы, находящейся в тисках кризиса.

В целом ответная реакция правительства была достаточно адекватной. В частности, три самых крупных банка России – «Сбербанк», ВТБ и «Газпромбанк» – получили 1,5 трлн р. на поддержание банковской системы страны. Эта «тройка» должна обеспечить в течение 3-х месяцев предоставление ликвидных средств другим банкам, которые нуждаются в такой наличности. (Другая задача – приоритетное кредитование малых и средних предприятий.) Помимо этого, Министерство финансов предложило банкам дополнительно 900 млрд р. (через аукционы), также на 3 месяца, для обеспечения ликвидности банковской системы (в общей сложности 75 млрд долларов). В целом, как я подсчитал, на антикризисные меры правительство выделило свыше 6 трлн р. Это огромные деньги, и то обстоятельство, что даже в условиях не столько кризиса, сколько предкризиса они оказались в распоряжении государства, безусловно, оказало позитивное воздействие на состояние общей банковской системы и предотвратило ее реальное обрушение. В самом конце сентября премьер Владимир Путин объявил еще об одной важной акции, предпринятой для стабилизации банковской системы, – предоставлении «Внешэкономбанку» 50 млрд долларов для обеспечения погашения иностранной задолженности российских банков. Это, несомненно, также увеличивает «запас прочности» последних в условиях продолжающегося мирового финансового кризиса, который, безусловно, затрагивает финансы и экономику России. Для вкладчиков гарантированы 100 % обеспечения их вложений до 700 тыс. р.

В то же время имеется удивительное сходство мер, принимаемых американским и российским правительствами. По признанию аналитиков и политических сил в самой Америке, «План Полсона» направлен на обеспечение интересов собственников банковских учреждений, хотя он в какой-то мере обеспечивает и интересы «среднего класса» – небогатых вкладчиков. «План Путина», как это показывает его анализ, также направлен на обеспечение интересов избранных банкиров и крупных акционеров.

В предыдущие десятилетия в отечественной экономической науке такую систему было принято называть «государственно-монополистическим капитализмом», а я сам написал десятки работ на эту тему. Не являемся ли мы очевидцами формирования специфического российского варианта государственно-монополистического капитализма?

Государственно-монополистический капитализм (ГМК) – это, кратко говоря, альянс государства и крупных корпораций с целью обеспечения условий воспроизводства самой системы и прибыльного (или, скорее, сверхприбыльного) функционирования монополизированного сектора экономики и финансов. Политика правящих кругов страны полностью подчинена этой общей стратегической задаче.

Рассмотрим всего лишь один аспект этой проблемы – влияние государства на обеспечение сверхдоходами частных и государственных компаний, действующих в добыче и переработке нефти, через ценообразование. При поддержке государства эти компании непрерывно вбрасывают в общество и пропагандируют совершенно ложную концепцию относительно «жесткой зависимости» внутренних и ми-

ровых цен на «жидкое топливо». Но профессиональные экономисты хорошо знают, что эта «жесткость» действует исключительно для стран-импортеров нефти, но никак не для экспортеров. Однако государство и нефтяные корпорации цинично вводят в заблуждение общество, игнорируя азбучные истины экономической теории, если последняя не соответствует интересам правящих и деловых кругов.

Результаты – просто трагические, на огромных просторах Российской Федерации более чем в 10 раз сокращены авиаперевозки людей и грузов по сравнению со временами социализма. Цинизм доведен до таких беспредельных высот (как и стоимость авиабилетов), что перелеты внутри России из города в город обходятся намного дороже, чем перелеты на аналогичные расстояния на международных авиарейсах иностранных компаний, и прежде всего из-за чрезмерной дороговизны авиационного топлива (превышающего цены в Европе, Америке или Азии). Авиакомпании разоряются, из-за низких доходов они покупают изношенные машины; отсюда – частые воздушные трагедии и гибель пассажиров.

Монополю высокие цены на керосин, бензин, солянку и прочие компоненты создали огромное число проблем для сельского хозяйства – растениеводства, животноводства (мясо-молочной отрасли). В деревнях Подмосковья (в маленьких магазинчиках) или даже в богатейшем Краснодарском крае капуста, морковь, фрукты и овощи не местного производства, а завезенные из Израиля и Турции. Оказывается, из-за чрезмерно высокой себестоимости (как следствие сверхвысоких цен на топливо) выгоднее ввозить эту аграрную продукцию из дальних стран. То же самое относится к мясо-молочной продукции, а свежее молоко из российской торговли вообще исчезло уже давно, с периода перехода от социализма к капитализму. Цены на продовольствие в московских магазинах превышают цены в Нью-Йорке (сам проверял недавно). Такой вот специфический капитализм действует в современной России. Это и есть *государственно-монополистический капитализм в его специфическом российском варианте*.

Поэтому глубокий экономический кризис в России вполне вероятен, и вряд ли «перенасыщение банков» ликвидными средствами может более или менее серьезно в долгосрочном плане обезопасить экономику и финансы страны от негативных последствий мирового финансового и экономического кризиса (если он приобретет длительный характер). Российская экономика сильнейшим образом связана с мировой экономикой не только через поставки больших объемов нефти и газа на мировой рынок. В Россию поступают все возрастающие объемы продовольствия, поскольку отечественное сельское хозяйство разрушено и находится в лучшем случае в режиме стагнации. Все сложное технологическое оборудование и комплектующие: машины, инструменты и станки – по всему многочисленному перечню современных изделий доставляются в Россию из развитых западных стран; не создана элементная база. Сельскохозяйственная техника, машины по переработке аграрной и животноводческой продукции, энергетическое и электроэнергетическое оборудование, трактора, грузовые машины, подвижный состав для железной дороги, самолеты, весь набор электроники и многое-многое другое – все это импортируется из множества стран мира в Россию.

Экономика в целом характеризуется крайней степенью разбалансированности, когда для ее нормального функционирования импортируются целые звенья производств. Таким образом, импорт приобрел жизненно важное значение для функционирования российской экономики и продовольственного обеспечения

населения. Соответственно, говорить об экономической самостоятельности России не приходится.

На наш взгляд, бушующий в мире современный финансовый кризис – это всего лишь прелюдия к вступлению в более мощный экономический кризис. Он во многом определяется циклическим развитием и национальной, и мировой экономики. Рецессия стала реальностью. Прежний деловой цикл в мировой экономике начался после преодоления мирового кризиса 2001–2002 гг. Если учитывать, что продолжительность динамики циклов в послевоенные десятилетия длилась 8–10 лет, финансовый кризис конца 2007–2008 гг. можно рассматривать как прелюдию к более мощному кризису уже в сфере собственно производства и торговли. Отсюда – вступление мировой экономики (ее развитого сегмента) в фазу *длительного замедления роста, рецессии и стагнации*. Это неизбежно снизит потребности в жидком топливе в США, Японии и Западной Европе, что скажется на снижении ценового фактора, несмотря на сохраняющуюся потребность в нем со стороны Китая и Индии.

Россия окажется в центре будущего мирового экономического кризиса в силу чрезмерной зависимости от нефтегазового фактора, а также от импорта, возможности которого значительно сузятся. Следствием станет стагнация производства, падение темпов роста, ухудшение положения трудящихся слоев (производственных рабочих и инженеров, служащих, крестьянства).

Ясно одно – спады, стагнации производства и тем более кризисы в западных странах самым сильнейшим образом влияют на российскую экономику. Полностью освободиться от влияния иностранного рынка – это не может быть успешной целью ни для одной страны мира, да и вряд ли такая цель позитивна в современных условиях. Умелое использование процессов международного разделения труда, когда страна производит то, что определяется ее естественными преимуществами, – вот тот путь, который является наиболее рациональным для обществ, достигших успехов и процветания.

НЕЖЕЛАННОЕ ДИТЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ. ЗАМЕТКИ О КРИЗИСЕ

Л. Е. Гринин

Глобальный кризис, о возможности которого говорили некоторые экономисты, разрастается. О том, какие размеры он примет, когда падение индексов достигнет дна, насколько сильной будет рецессия и когда начнется новый подъем, остается только гадать. Не исключено даже, что по экономическим показателям не только отдельные страны, но весь мир окажется отброшенным на несколько лет назад¹. Тем не менее, некоторые предположения о природе и значении данного кризиса уже можно высказать. Правда, каждый кризис так же, как и каждая революция, крупный социальный перелом, всегда имеет множество причин. При этом каждое поколение находит все новые. Вовсе не случайно не стихают споры о причинах Великой депрессии, революции 1917 г., Великой французской революции XVIII в., промышленного переворота в Англии и т. д. Естественно также, что уже существует много предположений о том, почему начался нынешний кризис и каковы будут его последствия. Многие из этих предположений в большей или меньшей степени обоснованы, в частности, что он порожден циклическим характером экономических процессов (см. статью Р. И. Хасбулатова в настоящем номере)². Это вполне понятно: ни подъем, ни рецессия не могут идти вечно, а техническое и технологическое развитие способны ускорять рост экономики до масштабов, когда ее спад становится неизбежным. Однако почему тогда уже много десятилетий такая цикличность не вела к столь серьезным последствиям? Почему нынешний кризис становится самым масштабным с 30-х гг. прошлого века? Ответ заключается в том, что способы, которыми до сих удавалось избегать потрясений, больше не работают так эффективно, как раньше. Но почему? Экономисты утратили квалификацию или появились новые факторы, на которые прежние меры не действуют?

В течение десятков лет правительствам и экономистам удавалось все более изощренными и тонкими мерами смягчать последствия кризисов, стимулируя экономический рост в тех или иных сферах. Лауреаты Нобелевских премий по экономике изобретали новые, все более доходные финансовые инструменты. Похоже,

¹ В период Великой депрессии ВВП некоторых стран оказался ниже довоенного 1913 г., например в США многие показатели были на уровне 1905–1906 гг.

² Я не исключаю, что, помимо обычной цикличности, к кризису добавились также изменения (укорачивание) фаз кондратьевских циклов, как предполагают некоторые исследователи. Правда, сами кондратьевские циклы по-прежнему остаются довольно загадочным и спорным явлением. В то же время для меня очевидно, что кризис порожден действием и гораздо более длительных производственных циклов (см. о них подробнее: Гринин, Л. Е. Производственные революции и периодизация истории // Вестник Российской академии наук. – 2007. – Т. 77. – № 4. – С. 309–315; Grinin, L. E. Production Revolutions and Periodization of History: A Comparative and Theoretic-mathematical Approach // Social Evolution & History. – 2007. – № 6[2]. – P. 11–55).

возникла уверенность, что с помощью правильных мер можно купировать негативные последствия. Возможно, это было одной из причин, почему кризисным последствиям конца 2007 г. не придали того значения, которого они заслуживали, как ранее не сделали должных выводов из уроков кризисов 1997–1998 и других годов, которые обрушивались на периферийные страны (азиатские, Россию, Мексику, Аргентину и др.) и выступали как предвестники более масштабных потрясений. Ведь это были кризисы в странах с плохим управлением, недостаточной развитостью демократии, слабостью экономики и экономической науки; в странах, где не достигли такого искусства манипулировать экономикой.

Таким образом, хотя причин современного кризиса множество и все они в той или иной степени заслуживают самого пристального внимания, необходимо констатировать: появились какие-то новые фундаментальные причины. И эти новые причины, несомненно, лежат в росте глобализации, в процветании за счет развития глобальных процессов в мировой экономике большого числа государств и целых регионов, в успехах, которые сделали в последнее время многие страны, в том числе развивающиеся и среднеразвитые³. Иными словами, кризис – это оборотная сторона такого глобального процветания, образно говоря, нежеланное дитя глобализации.

Современная динамика мира, необъятная во всем своем многообразии, тем не менее, позволяет выделить контуры общечеловеческих тенденций развития и сформулировать в общем виде некие парадигмы этого развития. В ряде своих работ я писал о том, что можно условно назвать важнейшим или даже **основным противоречием современной эпохи**. Я формулировал его как *противоречие между тягой к мировой и региональной интеграции и национальным эгоизмом, между общепланетарными судьбами человечества и корпоративно-национальной ограниченностью*. Ведь экономика все больше становится мировой, а использование ресурсов, законы и нормы, принятие решений остаются во многом частнокорпоративными, партийными или, в лучшем случае, национально-корпоративными. И это глобальное противоречие, уже сегодня очень и очень заметное, завтра будет угадываться едва ли не в каждом аспекте жизни⁴. То, что кризис на этот раз начался в наиболее мощной стране мира – США, что он генерируется особенностями экономики США, позволяет констатировать, что это также одно из зримых проявлений указанного основного противоречия современной эпохи: между всемирными интересами и узконационально-корпоративными интересами. В частности, прежние приоритеты и прежние основы мирового экономического порядка, опирающиеся на выгодные США основания (включающие господство доллара, преобладание США в важнейших мировых экономических и финансовых институтах), подвергаются все большей критике и все большему сомнению, а значит, рано или поздно они начнут трансформироваться в новый порядок. Такая трансформация и составит в ближайшем будущем коллизии взаимоотношений между национальными

³ Естественно, что выгоды от экономической глобализации в равной степени получали далеко не все, а некоторые страны страдали от нее (см. об этом: Гринин, Л. Е. Глобализация и процессы трансформации национального суверенитета // Век глобализации. – 2008. – № 1. – С. 86–97). Однако было бы неразумно отрицать, что для многих бедных стран, таких, например, как Индия, глобализация в последние годы обернулась возможностью бурного экономического роста. И в целом в последнее десятилетие рост экономики в развивающихся и среднеразвитых странах был выше, чем в развитых, что следует напрямую связывать с процессами глобализации.

⁴ См., например: Гринин, Л. Е. Производительные силы и исторический процесс. – М.: КомКнига, 2006. – С. 180–181; Он же. Политический срез исторического процесса. – М.: КомКнига/URSS. – С. 150.

интересами США, с одной стороны; и общемировыми, а равно между групповыми и национальными интересами различных стран – с другой⁵.

Таким образом, в последние два десятилетия, хотя и очень неравномерно, но экономическая глобализация стала влиять на развитие многих стран (разве быстрый рост, например, китайской экономики не основан на мощнейшем экспорте товаров и притоке иностранного капитала?). Следовательно, также очень неравномерно (и несправедливо) глобализация бьет мировым кризисом по очень многим, если не по всем, странам.

Одна из проблем, которые требуют специального исследования, невозможного в рамках настоящего эссе, заключается в вопросе: в чем сходства и в чем отличия современного кризиса от кризисов прошлого, особенно от Великой депрессии? Сходств, конечно, немало. С одной стороны, это связано с тем обстоятельством, что в любых экономических кризисах есть некие общие системно-структурные свойства, связанные с нарушением оптимальных пропорций между компонентами системы. С другой – с тем, что сама глобализация началась довольно давно, и кризис 1920–1930-х гг. тоже был глобальным⁶. Одно из самых интересных сходств между этими депрессиями заключается в том, что первичной причиной кризиса 1929 г. послужил стремительный рост биржевых спекуляций на Нью-Йоркской и других биржах. По некоторым данным, всего за пять лет – с 1925 по 1929 гг. – стоимость акций Нью-Йоркской фондовой биржи увеличилась более чем в три раза (что явно превышало общий экономический рост). А затем в начале 1930-х гг. падение курса акций от точки наивысшего подъема составило 4,5 раза (что тоже превышало глубину падения реальной экономики). Кстати сказать, некоторые ограничения, введенные после Великой депрессии, в частности на запрет банкам участвовать в игре на бирже, были отменены или ослаблены совсем недавно, и, как показала жизнь, напрасно.

Но не менее важно обнаружить различия. Одно из самых главных, на мой взгляд, отличий сегодняшнего кризиса от его предшественника заключается в небывалой «дружности» его протекания в разных странах (кризис 1929–1933 гг. не сразу затронул некоторые страны, например, Англию и Францию), а другое – в том, что мало стран, тем более значительных, не пострадают от него. Между тем нелишним будет отметить, что именно в годы мирового кризиса СССР совершал индустриализацию и демонстрировал громадные темпы роста. Фактически мировой кризис 20–30-х гг. XX в. не просто обозначил возможность принципиально разных экономических моделей развития, но государственная модель получила как будто даже преимущество перед либерально-рыночной, что выражалось в экономических и политических успехах СССР, Германии, Италии и Японии. Также показательна сегодняшняя активность правительств и быстрота проведения международных совещаний, хотя и в 1930-е гг. такие переговоры проводились, в част-

⁵ Напомню, что в своей статье в предыдущем номере я писал: «Но, как нам кажется, именно в таком противостоянии США и других стран, выражающих определенное коллективное мнение, возможно, и коренится в будущем основная интрига изменения мира, а также трансформация содержания принципов международных отношений» (Гринин, Л. Е. Глобализация и процессы трансформации национального суверенитета. – С. 93).

⁶ Он затронул почти все промышленные страны (за исключением СССР) и даже многие аграрные государства, втянутые в мировой рынок. Но стоит учитывать, что в этот период многие регионы были еще очень отсталыми и находились вне мирового хозяйства, поэтому влияние кризиса на них оказалось не столь заметным или вовсе слабым.

ности, по немецким репарациям и военным европейским долгам, но президент США Э. Гувер долго сопротивлялся тому, чтобы пойти в этом отношении на какие-либо уступки. Вспомним также, насколько непохоже вели себя разные страны в этот период, выбираясь из кризиса совершенно разными способами. Именно в период кризиса или под его воздействием начинается активная подготовка к войне или прямая агрессия (так, в частности, действовала Япония на Дальнем Востоке в отношении Китая в 1931 г.), а Германия и та же Япония выходят в 1933 г. из Лиги Наций, показывая, что они не намерены считаться с мнением мирового сообщества. Я уже не говорю о том, что число политически независимых стран в период Великой депрессии было в несколько раз меньше, чем сегодня, а основная часть населения планеты находилась в колониальной или полуколониальной зависимости. Одно из отличий сегодняшнего кризиса от кризиса 75-летней давности в том, что тогда основной экономический рост шел в небольшой группе передовых стран, а сегодня подъем опирается на рост в большом количестве развивающихся стран и стран среднего уровня, включая наиболее населенные страны мира – Китай и Индию. Не случайно сегодняшний прогноз на 2009 г. для развитых стран предвещает рецессию, а для многих развивающихся – только замедление роста. Одним словом, сегодняшняя глобализация имеет коренные отличия от тех процессов глобализации, которые наблюдались в конце XIX – первой половине XX в., поскольку ту глобализацию уместно было бы окрестить имперской и колониальной.

Нельзя не отметить, что такого масштаба кризисы ведут к существенным или даже коренным изменениям в геополитической картине мира, что и наблюдалось в результате Великой депрессии, когда тоталитарные страны начали резко усиливать свои позиции, а демократические – ослабили их. Поэтому можно безошибочно предсказать, что те или иные изменения геополитической ситуации в результате сегодняшнего кризиса произойдут, хотя они, по-видимому, будут пока не столь резкими, как в 1930-е гг.

Рассмотрим теперь некоторые моменты, позволяющие говорить о том, что именно процессы глобализации определяют специфику современного кризиса. Все согласны с тем, что небывалые по масштабам финансовые пирамиды, «пузыри», спекуляции, «финансовая пена» (по образному выражению одного комментатора) создали очень неустойчивую ситуацию в экономике США и многих других стран, а это так или иначе действует на ситуацию в остальном мире. Однако необходимо обязательно отметить, что подобные процессы опираются не только на старые финансовые технологии, но и на новые, связанные в том числе и с дополнительными возможностями концентрации капиталов, многоуровневым перестрахованием рисков, ускоренной, почти конвейерной выдачей кредитов, применением компьютерных программ для расчета игры на бирже, управления чужими средствами и т. д. и т. п.⁷ Я считаю принципиально важным подчеркнуть, что фактически произошел отрыв финансовых технологий, гигантски усиленных новыми информационно-компьютерными технологиями, от реального сектора. Торговля последние десятилетия также развивалась гораздо быстрее, чем реальный сектор, значение которого сокращается. В России особенно наглядно заметно, что рост ВВП происходит прежде всего за счет непромышленного сектора (в лучшем слу-

⁷ Под финансовой деятельностью я имею в виду сложный симбиоз биржевых, банковских, кредитных, страховых и других видов бизнеса.

чае – строительства), что делает нашу экономику неустойчивой (неудивительно, что в ноябре 2008 г. промышленное производство в России заметно сократилось). И это тоже оборотная сторона глобализации, неуклонно ведущей к той или иной (выгодной или не очень) специализации и однобокости национальных экономик. Кроме того, мы видим, что экономическая глобализация намного опережает развитие международного права и политическую глобализацию (в частности, США не желают никаких международных ограничений для себя, в то время как их воздействие на остальной мир и его экономику поистине колоссально, а мировые политические органы стали бессильными). Во многом это естественный ход событий, но такой «двойной отрыв»: финансовых технологий от реального сектора и экономической глобализации от правовых и политических ее аспектов – неизбежно должен вести к тем или иным кризисам, которые только и могут заставить ведущих политических акторов изменить позиции и начать искать новые инструменты регулирования и решения общих проблем.

В этой связи стоит провести некоторые исторические аналогии подобного отрыва финансовых технологий от производственных. Уже само появление золотой и серебряной монеты, стандарты которых (в отличие от веса слитков) должны были гарантировать правительства, становилось источником различных кризисов, связанных с порчей монеты. Россиянам особенно известен так называемый «медный бунт» в XVII в. при Алексее Михайловиче. Знаменитый Генрих VIII в первой половине XVI в. в Англии также активно занимался порчей монеты, чем вызвал громадную инфляцию. В отношении нарушения пропорций между финансовыми и производственными технологиями, возможно, даже имеют место циклические процессы, которые проистекают от того, что, с одной стороны, нехватка денежных символов (символов обмена) сдерживает рост производства, с другой – их избыток может пагубно влиять на него. Нехватка драгоценных металлов в XV в., как известно, была одной из причин поиска новых путей на Восток. Затем в XVI в. усовершенствованные способы добычи серебра в Америке вкупе с ростом финансового сектора в Европе (особенно в Нидерландах и Италии) вызвали знаменитую революцию цен в Европе и Передней Азии. Рост торговли, производства, государственных расходов в XVII и XVIII вв. требовал развития кредита и более удобных систем расчетов. Это (вместе с развитием полиграфической промышленности) способствовало внедрению в оборот бумажных денег и других ценных бумаг, что в XVIII–XX вв. нередко вело к отрыву денежного сектора от реального, неоднократно вызывало кризисы, особенно масштабные в результате действий революционных правительств. Кроме того, одним из важнейших финансовых инструментов была система государственного долга, ставшая для ряда экономик постоянной формой существования, а также формой финансовой интеграции разных стран. В XX в. стало ясно, что национальное производство невозможно без участия государства, без манипуляций с печатным станком, воздействия на экономику ЦБ и учетных ставок. В результате инфляция стала постоянным спутником экономик, а в умеренных дозах инфляция рассматривается как необходимая смазка экономики. Но в конечном счете обществу все же удавалось выработать определенные правила и рекомендации, с помощью которых финансовые инструменты можно было поставить под более строгий контроль.

Что в указанном аспекте происходит сегодня в мировой экономике? Сегодня финансовые корпорации стали поистине гигантскими, в некоторых из них рабо-

тают по всему миру десятки и даже сотни тысяч высококвалифицированных финансистов, что представляет собой совершенно новое явление, подобное возникновению гигантских монополий в конце XIX и начале XX вв. Росту этих громадных финансовых корпораций способствовало появление новых финансовых технологий и увеличение объемов спекулятивного капитала. И все это привело к тому, что именно последний стал своего рода авангардом экономической глобализации, одновременно и стимулируя подъемы в местах, куда он перетекает, и вызывая кризисы в слабых национальных экономиках при его резких оттоках. Сказанное укрепляет в уверенности, что без должной меры регулирования, без развития правовой базы, при надежде только на то, что рынок все отрегулирует сам, весь мир по-прежнему будет оставаться заложником жадности, неправомερных действий, эгоизма небольшой группы спекулянтов и финансистов. Необходимые как важный элемент экономики, они, становясь главными и неуправляемыми, способны ввергнуть мир в хаос. Следовательно, можно ожидать, что начнут выработываться более жесткие правила и появляться какие-то договоренности или органы, ставящие интересы международных спекулянтов под контроль (в таком контроле всегда есть и плюсы, и минусы, но, похоже, сегодня плюсов все-таки будет больше). Говорят об этом довольно давно, но, возможно, в результате настоящего кризиса международных спекулянтов все же удастся обуздать. Как отмечал несколько лет назад редактор журнала «Америкэн проспект» Р. Каттнер, «ставки просто-напросто чересчур высоки, чтобы позволять спекулятивному капиталу и колебаниям валютных курсов определять судьбу реальной экономики»⁸.

Как было сказано, уже столетия «экономические агенты» глобализации идут как бы впереди «политико-правовых». Несложно напомнить, что знаменитые Ост-индские компании, в том числе и английская, фактически владевшая почти всей Индией, были частными компаниями, игравшими, по сути, роль важных субъектов тогдашнего геополитического сообщества и обеспечившими колониальную интеграцию Европы и остального мира. Только кризис в виде восстания сипаев в 1857 г. заставил английское правительство всерьез взяться за регулирование социально-политических и правовых отношений в Индии. В XIX и начале XX вв. огромную роль стали играть различные акционерные общества, банки и т. п. Недаром Р. Гильфердинг в своем «Финансовом капитале» (а В. И. Ленин – в «Империализме как высшей стадии...»), уже основываясь на его труде) говорил о господстве банков над промышленностью и о срастании финансового и промышленного капиталов. В первой половине XX в. гигантские корпорации (монополии) во многом создали современную промышленность, резко увеличили объемы международной торговли и ее специализацию. Но именно они во многом были ответственны за разрушительные мировые экономические кризисы. В конечном счете национальные государства лучше или хуже научились регулировать экономическую деятельность в рамках национальных и частью даже наднациональных экономических пространств, с помощью различных тонких регуляторов минимизируя кризисные явления. Бреттон-Вудские соглашения 1944 г. означали создание мировой финансовой системы и регуляцию валютно-финансовых основ в рамках всего мира. Современные ТНК уже многие десятилетия играют роль одного из самых активных «экономических агентов» глобализации. Постепенно деятельность ТНК стала контролиро-

⁸ Цит. по: Капра, Ф. Скрытые связи. – М.: София, 2004. – С. 167.

ваться правительствами лучше (в том числе и за счет наднационального объединения регионов), а сами ТНК также стали более гибкими в своей деятельности.

Однако сегодня тесная связь национальных экономик между собой приводит к очень быстрому и во многом неуправляемому реагированию на локальные кризисы в разных местах планеты. Это подтверждали финансовые кризисы в разных странах последнего десятилетия и в еще большей степени – современный кризис. Одна из главных причин такой неустойчивости коренится в том, что политические институты отстают от экономики, которая давно переросла национальные рамки и требует наднационального планирования, каких-то форм совместного контроля над источниками колебаний финансовых и иных рынков. «Финансовые рынки непредсказуемы и нестабильны по своей природе», – считает Джордж Сорос. И они будут вновь и вновь вызывать кризисы, если не удастся выработать совместные правила, если не взять под контроль мировой спекулятивный капитал. Как в свое время была поставлена под более строгий контроль частная собственность, так теперь надо поставить под более жесткие правила регулирования эти финансовые гигантские потоки. Сам факт созыва «двадцатки» наиболее значимых стран в ноябре 2008 г. в этом плане очень показателен, хотя пока еще конкретных результатов мало. Но уже прошедшая вслед за этой встречей Конференция стран АТР была интересна некоторыми заявлениями, включая и предложения о реформировании МВФ и МБ, которые фактически зависят от США.

В связи с тем, что все очевиднее становится необходимость глобального регулирования финансовых и иных агентов, необходимо отметить, что в результате этого содержание национального суверенитета, по-видимому, будет трансформироваться и далее⁹. В чем-то суверенность усиливается, так как именно в период кризиса растет роль государства (и даже те, кто его хоронил, требуют теперь его помощи). От силы государства, способностей его руководства теперь во многом зависит судьба национальных экономик. Но, с другой стороны, именно мировой кризис более ясно обозначил пределы суверенитета: вашингтонская встреча в ноябре 2008 г. показала, что даже США не могут более действовать без реальной поддержки других стран. Подобно тому, как в трудные времена король созывал представителей, не решаясь сам принять непопулярные меры или просто не зная, что делать, так и сегодня США согласились встречаться с теми, с кем они ранее и не думали советоваться. Если раньше их непродуманные действия во внешнеполитической деятельности вынужденно терпелись, то теперь, когда из-за краха американских корпораций оказались затронутыми самые чувствительные области жизни многих государств, политика США вызывает раздражение и противодействие. Таким образом, начались более активный процесс отказа от однополярной модели мира и движение к новому геополитическому раскладу, которые неизбежно должны сопровождаться поиском новых форм надгосударственного экономического регулирования (хотя это противоречивый и, по-видимому, не столь быстрый процесс).

Завершая это эссе, хотел бы заметить, что неурегулированность на мировом уровне (и одновременно ослабление регуляции на государственном уровне) фи-

⁹ Напомню, что в предыдущем номере была опубликована моя статья на эту тему: Гринин, Л. Е. Глобализация и процессы трансформации национального суверенитета. – С. 86–97.

нансовых спекуляций является лишь видимой частью причин кризиса. В основе кризиса лежит указанное выше противоречие между эгоизмом узконациональных интересов (которые очень часто на деле выражают интересы наиболее мощных групп и корпораций¹⁰) и общемировых интересов. Фактически кризис отражает необходимость (которая реализуется, похоже, не скоро) пересмотра самой идеологии экономической деятельности. Но реальный учет этих интересов потребует очень глубокой перестройки всех институтов и всей идеологии. Вот почему можно говорить о том, что более глубокой основой причин современного кризиса является невозможность эффективно влиять на процессы глобализации, а чтобы хоть как-то влиять на эти процессы, необходима перестройка всего экономического менталитета. Есть несколько очень глубоких причин, которые лежат в основе современного кризиса, они еще более наглядно обозначатся в последующих кризисах. Среди этих фундаментальных причин господство экономики потребления, когда спрос искусственно нагоняется, а рост потребностей и потребления культивируется¹¹. Экономика потребления, наращивания потребления любой ценой в принципе должна быть заменена если не более разумной, то более умеренной. Как это можно сделать практически, пока выглядит достаточно неясно. Но это, вероятно, будет связано с какими-то формами наднационального регулирования, например квотированием темпов экономического роста государств в мировом масштабе¹². Если уменьшить остроту национального соревнования за более высокие темпы роста, неизбежно произойдет некоторый пересмотр приоритетов и в потреблении. При сохранении же экономики потребления опасность системных кризисов будет нарастать.

¹⁰ По принципу «что хорошо для «Дженерал моторз» – хорошо для Америки».

¹¹ Другой важнейшей причиной является общее ускорение изменений и рост их числа, на что еще в 1970 г. обратил внимание Э. Тоффлер (см.: Toffler, A. Future Shock. – N. Y.: Random House, 1970). В настоящем эссе нет возможности говорить об этом. (См. об этом: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В. Социальная макроэволюция. Генезис и трансформации Мир-Системы. – М.: Изд-во ЛКИ / URSS, 2008. – Гл. 2.)

¹² См. об этом: Гринин, Л. Е. Глобализация и процессы трансформации национального суверенитета. – С. 97. О негативных следствиях в мировом масштабе стратегии «развития» во что бы то ни стало и соревнования за более высокие темпы экономического роста см. статью И. Кучуради в этом номере, например с. 23.

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

ДЕГРАДАЦИЯ ПОЧВ – УГРОЗА ГЛОБАЛЬНОГО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО КРИЗИСА

Г. В. Добровольский

В сознании большинства людей и части научного сообщества представление о почве ассоциируется только с сельским хозяйством, главным образом с земледелием. Это представление имеет глубокие корни и отражает многовековой опыт земледелия как основного способа получения продуктов питания.

Но при всей очевидности такой точки зрения на свойства почв она не отражает всей значимости почвы в жизни природы и человека.

Чем дальше развиваются знания о почвах, тем шире раздвигаются горизонты значимости почв в биосфере и жизни человека.

Несколько слов к истории вопроса. История первоначальных знаний о почвах уходит в глубину времени и относится к эпохе мезолита, то есть среднего каменного века – 7–8 тыс. лет до н. э. Именно тогда человек перешел от собирательства природных плодов и охоты на диких зверей к выращиванию продуктов питания путем возделывания земли. Это был великий рубеж в истории человечества, сравнимый с открытием искусственного огня.

В течение нескольких тысячелетий в разных странах мира шло накопление знаний о почвах и их плодородии в процессе совершенствования земледелия. Особенно высокого уровня оно достигло в древних приречных цивилизациях Египта, Месопотамии, Индии и Китая. О них замечательно рассказано в книге русского агронома и ботаника И. Н. Клингена «Среди патриархов земледелия народов Ближнего и Дальнего Востока. Египет, Индия, Цейлон, Китай». Еще более обширные знания о почвах были достигнуты земледельцами и агрономами Древнего Рима. Их сочинения дошли до нас в библиотеке «Классики естествознания» (сочинения Катона, Варрона, Колумеллы, Плиния). Плодородие почвы воспринималось как божественная сила земли, и поклонение Земле отражалось в многочисленных легендах и мифах.

Накопление в полевых опытах знаний о разнообразии почв и их плодородии происходило вплоть до XVIII–XIX вв. в процессе совершенствования земледелия. Наибольшие достижения в этом плане связаны в России в XVIII в. с именем Андрея Тимофеевича Болотова (1738–1833) – основателя отечественной опытной агрономии, а в Западной Европе – с Альбрехтом Тэйером (1752–1828), основателем первой в мире Высшей агрономической школы в Германии и автором трехтомного труда «Основы рационального сельского хозяйства».

В конце XVIII и начале XIX в. могучее влияние на изучение плодородия почв начала оказывать химия, в том числе труды Роберта Бойля (1627–1691), М. В. Ломоносова (1711–1765) и Антуана Лавуазье (1743–1794).

Первые научные экспериментальные исследования плодородия почв с применением методов химии были направлены на выяснение роли почвы в питании сельскохозяйственных растений. Важнейшее значение имело открытие процессов фотосинтеза и корневого минерального питания растений швейцарскими учеными Сенебье (1742–1809) и Соссюром (1767–1845).

Эти исследования привели к становлению в середине XIX в. агрохимии и физиологии растений. Основателями этих наук заслуженно считались немецкий химик Юстус Либих (1803–1873) и французский химик и физиолог Жан Буссенго (1802–1887).

Применение минеральных удобрений на фоне севооборотов с использованием клеверосеяния позволило обеспечить значительное повышение плодородия европейских почв и урожайности сельскохозяйственных растений в XIX и XX вв. И все же опыт земледелия на засушливых землях показывал, что плодородие почв зависит не только от запасов в них элементов минерального питания растений. Ярким примером тому послужил русский чернозем, отличающийся большим запасом питательных веществ, но начавший терять в XIX в. свое плодородие. В связи с этим Вольное экономическое общество России командировало в 70-х гг. XIX в. молодого геолога В. В. Докучаева в черноземные области для выяснения причин потери плодородия черноземами и разработки мер по борьбе с засухами.

Исходяв пешком в 1877–1880 гг. более 10 тыс. верст, проведя полевые наблюдения за разнообразием почв в Южной и Центральной России, собрав и проанализировав тысячи образцов почв, Докучаев пришел к выводу, что причина падения плодородия черноземов лежит в неправильном их использовании в земледелии, в утрате черноземами благоприятных агрофизических свойств, разрушении их сложения и структуры, нарушении водно-воздушного режима. В. В. Докучаев обосновал стройную систему мер по восстановлению плодородия черноземов и благоприятного водного режима степей России.

Одновременно Докучаев сделал выдающееся научное открытие, увидев в почвах особые, как он говорил, «вполне самостоятельные» естественно-исторические природные тела, сформировавшиеся на поверхности земной суши под влиянием многих природных факторов и условий почвообразования и требующие особых методов исследования и хозяйственного использования.

Результаты своих исследований В. В. Докучаев опубликовал в фундаментальном научном труде «Русский чернозем»¹. Этот труд не только заложил основы новой естественно-исторической науки о почвах – генетического почвоведения, но и оказал огромное влияние на составление и развитие целого спектра смежных естественных и гуманитарных наук – современную физическую географию, четвертичную геологию и геоморфологию, геоботанику и почвенную зоологию, минералогию и почвенную микробиологию, гидрогеологию и лесоведение, археологию и др.

¹ Докучаев, В. В. Русский чернозем: отчет Императорскому Вольному экономическому обществу. – СПб.: Имп. Вольное эконом. об-во, 1883.

Разрабатывая методы сельскохозяйственной оценки земель в 80–90-х гг. XIX в. на примере Нижегородской и Полтавской губерний, В. В. Докучаев совместно со своим учеником и последователем Н. М. Сибирцевым обосновал принципиально новый полевой метод картографии почв и составления разномасштабных почвенных карт. Эти методы позволили доказать, что почвы распространены на Земле не случайно, не хаотично, а вполне закономерно и в соответствии с неразрывной связью их генезиса с другими природными факторами – климатом, грунтами, рельефом, растительностью и животным миром, геологической историей страны.

Впервые в истории науки в 1899 г. В. В. Докучаевым была составлена схематическая карта почвенных зон Северного полушария Земли² и в 1900 г. под его редакцией была составлена почвенная карта Европейской части России³ в масштабе 1 : 2 520 000.

Вслед за этими картами последовали мировые почвенные карты и карты отдельных континентов Земли К. Д. Глинки, Д. Г. Виленского, Л. И. Прасолова, И. П. Герасимова, Ч. Келлога.

Особо важное значение имела Почвенная карта мира под редакцией академика Л. И. Прасолова⁴, опубликованная в 1937 г. в Большом советском атласе мира в масштабе 1 : 50 000 000. Она включала обобщение всех известных к тому времени почвенно-картографических материалов и, будучи сопоставленной с мировой картой земледелия, позволила впервые выяснить географию, использование и перспективы освоения почвенных ресурсов мира.

Уже тогда было показано, что эти перспективы не беспредельны, а земледельческое использование почв не должно быть бесконтрольным. В жизни же это обстояло далеко не так.

В 1934 г. в США вследствие широкой и бесконтрольной распашки прерий Центральных равнин возникла сильная воздушная эрозия почв (дефляция), поднявшая в воздух огромные массы пыли, затмившая на некоторое время небо над Вашингтоном и Нью-Йорком. Были разрушены пахотные горизонты почв на площади около 40 млн га. Происшедшее было объявлено национальным бедствием. Президент США Ф. Рузвельт заявил, что «народ, который разрушает свою почву, уничтожает сам себя». В 1935 г. в связи с этим событием была организована Государственная служба охраны почв, а в 1939 г. был принят закон о сохранении почв.

Подобные явления сильных пыльных бурь и ветровой эрозии почв произошли и в Советском Союзе в 60–70-х гг. прошлого века после распашки больших площадей целинных земель на юге Западной Сибири, в северном Казахстане и Поволжье.

Все возрастающая во второй половине XX в. водная и ветровая эрозия почв, вырубка лесов, техногенное загрязнение почв, пресных вод и Мирового океана, промышленные выбросы в атмосферный воздух – все это начало принимать глобальные размеры. Впервые в истории цивилизации производственная деятельность человека начала угрожать сложившемуся балансу природных процессов на планете Земля.

² Докучаев, В. В. Почвенные зоны северного полушария (схема). – 1899.

³ Сибирцев, Н. М., Танфильев, Г. И., Ферхмин, А. О. Почвенная карта Европейской России / под ред. В. В. Докучаева. – М., 1900.

⁴ Прасолов, Л. И. Мировая почвенная карта // Большой советский атлас мира. – М., 1937. – Т. 1. – Л. 40–42.

Понимание опасности глобального экологического кризиса побудило Организацию Объединенных Наций собрать в 1972 г. в Стокгольме специальную сессию, посвященную проблемам охраны окружающей среды и регулированию использования природных ресурсов.

Состоявшийся в 1974 г. в Москве X юбилейный Международный конгресс почвоведов также впервые рассмотрел роль и значение почвенного покрова Земли в функционировании ее биосферы. В 1977 г. в Найроби была созвана Всемирная конференция ООН по опустыниванию и деградации почв. Через пять лет, в 1982 г., Всемирная организация по продовольствию (ФАО) приняла «Всемирную хартию почв», в которой призвала правительства всех стран рассматривать почвенный покров Земли и каждой страны как всемирное достояние человечества.

Казалось бы, научной общественностью делается не так уж мало, чтобы привлечь внимание правительств всех стран к насущным проблемам природопользования, включая и задачи сохранения и рационального использования почв. К сожалению, эффективность этих призывов и реализация предлагаемых действий оказались далеко не соответствующими их важности. Это было признано на второй специальной Конференции ООН по природопользованию и устойчивому развитию в Рио-де-Жанейро в 1992 г. и на Всемирном Саммите по устойчивому развитию в Йоханнесбурге в 2002 г.

Будучи обеспокоены состоянием окружающей среды, ряд международных организаций провели в 80–90-х гг. XX в. анализ состояния природных ресурсов, в том числе почв и земельного фонда мира. Оказалось, что площадь пахотно-пригодных земель на планете Земля составляет 3 млрд 278 млн га, или 22 % всей площади суши. Более того, высоко- и среднепродуктивные почвы (полностью к концу века распаханые и освоенные) составляют всего 9 % площади земной суши (табл. 1).

Таблица 1

Факторы, ограничивающие использование земель в земледелии (SCOPE, 1987)

Фактор	Площадь земель	
	млн га	% общей площади суши
1	2	3
Ледниковые покровы	1440	10
Очень холодные земли	2235	15
Очень сухие земли	2533	17
Очень крутые склоны	2682	18
Очень маломощные почвы	1341	9
Очень влажные почвы	596	4
Очень бедные почвы	745	5
Итого непригодных земель	11622	78
Малопродуктивные почвы	1937	13
Умереннопродуктивные почвы	894	6

Окончание табл. 1

1	2	3
Высокопродуктивные почвы	447	3
Итого пахотнопригодных земель	3278	22
Общая площадь суши Земли	14900	100

Остальные земли по разным климатическим, геологическим и орографическим условиям для земледелия не пригодны.

Современная мировая пашня занимает около 1,5 млрд га. Остающиеся нераспаханные земли представлены преимущественно почвами малопригодными и требующими больших затрат на их освоение – это красноцветные кислые и выщелоченные ферралитные почвы постоянно влажных тропических лесов, а также почвы сухих тропических и субтропических саванн с солонцовыми и засоленными почвами.

В 1990 г. Международный справочно-информационный почвенный центр в Нидерландах совместно с ЮНЕП составили карту антропогенной деградации почв, которая наглядно показала глобальный размер этого крайне опасного процесса. Выяснилось, что разной степени деградации подвержены почти 2 млрд га почв, из них 55,6 % приходится на водную эрозию, 27,9 % – на ветровую (дефляцию), 12,2 % – на засоление, загрязнение, истощение почв, 4,2 % – на механическое переуплотнение и подтопление.

К этим данным следует добавить, что за исторический период человечество уже утратило около 2 млрд га некогда плодородных почв, превратив их в антропогенные пустыни и неудобные земли. А ведь это больше всей суммарной площади мирового земледелия! Потеря плодородных освоенных почв продолжается и в наше время. Ежегодно из сельскохозяйственного использования выбывает около 8 млн га за счет отчуждения на другие хозяйственные нужды и около 7 млн га – в результате различных процессов деградации. Таким образом, каждый год человечество в конце XX в. теряло около 15 млн га продуктивных угодий⁵. А между тем установлено, что процесс деградации почв идет с возрастающей скоростью: во второй половине прошлого века она увеличилась в 30 раз по сравнению со среднеисторической⁶.

Таблица 2

Площадь и степень деградации почв (Global Assessment of Soil)

Типы и степень деградации	Площадь	
	млн га	%
1	2	3
ТИП:		
Смыв и разрушение водной эрозией	1093,7	55,6
Развевание и разрушение ветровой эрозией	548,3	27,9
Химическая деградация (обеднение элементами питания, засоление, загрязнение, закисление)	239,1	12,2

⁵ Романова, Э. П., Куракова, Л. И., Ермаков, Ю. Г. Природные ресурсы мира. – М.: Изд-во МГУ, 1993. – С. 57.

⁶ Розанов, Б. Г., Таргульян, В. О., Орлов, Д. С. Глобальные тенденции изменения почв и почвенного покрова // Почвоведение. – 1989. – № 5.

Окончание табл. 2

1	2	3
Физическая деградация (переуплотнение, заболачивание, просадки)	83,3	4,2
Всего:	1964,4	100
СТЕПЕНЬ:		
слабая	749,0	38,1
умеренная	910,5	46,4
сильная	295,7	15,1
очень сильная	9,3	0,5

Взглянув на мировую карту деградации почв, мы увидим, что наибольшие площади деградированных почв относятся к странам и районам давнего интенсивного земледелия.

Какое значение имеет использование почв для обеспечения человечества продовольствием в наше время, хорошо видно по таблице 3.

Таблица 3

**Продукция земледелия, пастбищного животноводства и морского рыбоводства
(в пересчете на зерновые эквиваленты)⁷**

	Зерно, млн тонн	Удельный вес
Производство зерна в земледелии	1855	77
Продукция пастбищного животноводства (говядина, баранина)	378	16
Продукция морского рыбоводства	172	7
Всего:	2405	100

Следовательно, более 90 % продуктов питания современное человечество получает в результате использования плодородия почв в земледелии и животноводстве. Между тем, как уже было показано, площадь плодородных почв на Земле все сокращается, а население Земли все увеличивается.

По прогнозу ООН, население мира к 2050 г. увеличится на 3,3 млрд человек и достигнет более 9 млрд. Если в течение первой половины XX в. площадь под зерновыми на душу населения сократилась в мире с 0,23 до 0,12 га, то к 2005 г. она составит всего 0,07 га. А это уже критическая величина, компенсировать которую дальнейшим повышением плодородия почв будет очень трудно. Пришла пора понять, что плодородная почва – это конечный природный ресурс, для жизни человека не менее значимый, чем чистый воздух и пресная вода!

⁷ Браун, Л. Р. Покончить с голодом: вызов брошен / Л. Р. Браун, К. Флейвин, Х. Ф. Френч и др. // Состояние мира 2001 г.: доклад Института Worldwatch о развитии по пути к устойчивому обществу. – М.: Весь мир, 2003. – С. 64.

А между тем экологическое значение почвенного покрова в биосфере и жизни человека отнюдь не ограничивается ролью поставщика продуктов питания для людей.

Современное почвоведение рассматривает почвы как многофункциональные природные системы, обеспечивающие циклический характер воспроизводства жизни на земной суше⁸.

Таблица 4

⁸ Ковда, В. А. Роль и функции почвенного покрова в биосфере Земли. – Пушино: Препринт, 1985; Добровольский, Г. В., Никитин, Е. Д. Функции почв в биосфере и экосистемах (экологическое значение почв). – М.: Наука, 1990.

Экологические функции почв, связанные с их физическими свойствами, заключаются прежде всего в особом строении жизненного пространства, в котором обитают мелкие животные, микроорганизмы и функционирует корневая система растений. Почвенное жизнеобитаемое пространство защищено от прямых солнечных лучей и представлено огромным разнообразием разных по размерам и составу «жизненных ниш».

Экологические функции почв, обусловленные их химическими и физико-химическими свойствами, обеспечивают поглотительную способность почв (сорбция минеральных и органических веществ, микроорганизмов), деструкцию и минерализацию органических остатков, ресинтез минерального и органического веществ (гумус, ферменты), возврат элементов питания в доступной форме корням растений.

Информационные функции почв проявляются в способности почв запоминать и сохранять в почвенных новообразованиях условия их формирования в прошлые исторические и геологические эпохи (древние, реликтовые и погребенные почвы). Эти информационные функции почв находят все более широкое использование в археологии и палеогеографии.

Среди интегральных общебиологических функций почв особое значение имеют функции почвы как уникальной среды обитания жизни, связующего звена между геологическим и биологическим круговоротами веществ в наземных биогеоценозах и, конечно, биологическая продуктивность почв, называемая в сельском хозяйстве плодородием.

Почва действительно является совершенно уникальной средой обитания самых разнообразных видов и форм животных, растений и микроорганизмов. По данным известного ученого-генетика Добжанского и русского биолога М. М. Камшилова⁹, число видов сухопутных животных (живущих в почве и на почве) составляет 93 % от всего числа известных видов животных, а виды водных обитателей – только лишь 7 %. Такое же соотношение характерно и для растений – 92 % видов растений представлены наземными и лишь 8 % – водными растениями. Вообще биомасса организмов наземных составляет 99,87 %, а океана – всего 0,13 % от суммарной биомассы планеты¹⁰. Корневая масса растений буквально пронизывает всю массу почвы. Например, общая длина корней всего лишь одного распутившегося растения озимой пшеницы достигает 600 км, а длина корневых волосков – тысячи километров¹¹. Только в одном грамме плодородной почвы насчитывается не один десяток миллиардов клеток микроорганизмов, а общая сухая масса их может достигать 60–65 тонн на гектар. Доля органического углерода в этой биомассе может составлять 50–70 % всего углерода в почве¹². Почва является главной средой обитания беспозвоночных животных и простейших одноклеточных существ: это дождевые черви, многоножки, личинки насеко-

⁹ Dobzansky, T. Genetics and the origin of species. – N. Y.: Columbia Univ. Press, 1953; Камшилов, М. М. Эволюция биосферы. – М.: Наука, 1974. – С. 75.

¹⁰ Базилевич, Н. И., Родин, Л. Е., Розов, Н. Н. Географические аспекты изучения биологической продуктивности // Материалы V съезда географического общества СССР. – Л., 1970.

¹¹ Максимов, Н. А. Краткий курс физиологии растений. – М.: Сельхозгиз, 1958.

¹² Полянская, Л. М., Головченко, А. В., Звягинцев, Д. Г. Микробная биомасса в почвах // Доклады Академии Наук. – 1995. – Т. 344. – № 6.

мых, мелкие клещи, бескрылые насекомые. В тончайших пленках воды, обволакивающих почвенные частицы, снуют коловратки, жгутиконосцы, ползают амебы, извиваются мелкие круглые черви. Разнообразие форм жизни в почвах настолько велико, что выдающийся русский биолог академик М. С. Гиляров назвал почву «основным хранилищем генетического разнообразия жизни на нашей планете» и «экологическим щитом биосферы»¹³.

Такая насыщенность почвы жизнью объясняется гетерогенной структурной организацией почвы как природного тела, которое одновременно состоит из твердой, жидкой и газовой фазы веществ, представляет собой полидисперсную рыхлую массу, состоящую из минеральных, органических и органо-минеральных компонентов¹⁴. Все это создает исключительное разнообразие экологических условий для жизни обитающих в почве организмов. При этом следует иметь в виду, что каждому типу и виду почв свойственны вполне определенные и только для них характерные виды и сообщества растений, животных и микроорганизмов.

Основоположник микрочвоведения Вальтер Кубиена обратил внимание именно на эту особенность почвы как среды обитания и жизнедеятельности почвенных организмов. В микроскопических размерах почва не однородная масса, но целый сложно организованный мир, состоящий из исключительного разнообразия микроэкологических ниш, отмечал В. Кубиена¹⁵.

Если почва действительно является самой насыщенной жизнью средой ее обитания (а в этом уже нет сомнения), то это значит, что без сохранения почв и их разнообразия невозможно сохранить и биологическое разнообразие на Земле, что признается в наше время научной общественностью одной из самых актуальных проблем современности.

Второй важнейшей экологической функцией почв является их роль в качестве связующего геохимического звена биологического и геологического круговорота веществ в наземных экосистемах. Вследствие избирательной сорбции растениями и почвенной биотой биофильных элементов в почве происходит их аккумуляция и удержание от выноса в океан процессами денудации суши. Насколько велик размер удерживаемого в почвах количества биофильных элементов в общем балансе биологического и геологического круговоротов веществ между сушей и океаном, можно судить по многим примерам, в том числе по разной «судьбе» калия и натрия. Оба элемента содержатся в изверженных породах примерно в одинаковых количествах (около 2,5 %), а вот в морской воде, куда поступает весь ионный сток с суши в океан, содержание биофильного калия в 25 раз меньше, чем натрия. Это является следствием «удержания» биофильного калия на всех этапах биогеохимического выветривания массивных пород, почвообразовательного процесса с формированием глинистых минералов и вовлечением калия в состав растений и животных как биофильного элемента¹⁶.

¹³ Гиляров, М. С., Кривоуцкий, Д. А. Жизнь почвы. – М.: Молодая гвардия, 1985.

¹⁴ Добровольский, Г. В., Трофимов, С. Я. Этот удивительно организованный мир // Природа. – 2004. – № 3. – С. 3.

¹⁵ Kubiena, W. L. Micropedology. – Ames (IO): Collegiate Press, 1938.

¹⁶ Соколова, Т. А. Калийное состояние почв, методы его оценки и пути оптимизации. – М.: Изд-во МГУ, 1987.

Важно отметить, что общая масса зольных элементов, вовлекаемых в биологический круговорот и удерживаемых в нем на суше, в несколько раз превышает суммарную величину ионного стока с континентов в океан¹⁷.

Такова регуляторная роль почв и почвенной биоты в соотношении размеров биологического и геологического круговоротов веществ на земной суше.

Третьей важнейшей общеэкологической функцией почв является их биологическая продуктивность. Несмотря на ничтожно малую толщину почвенного покрова Земли (всего 1–1,5 м), представляющего, в сущности, ее тончайшую поверхностную пленку, именно эта пленка и производит почти всю биомассу Земли – 99,8 %. На долю Мирового океана со всей огромной массой его воды приходится всего десятая доля процента биомассы планеты Земля. Да и в отношении продуктов питания для человечества, как уже выше говорилось, плодородие почв обеспечивает более 90 % массы продуктов питания людей.

Как уже было сказано выше, почва является неотъемлемым компонентом всех наземных экосистем (биогеоценозов) и выполняет разнообразные и незаменимые экологические функции, обеспечивающие циклическое воспроизводство растений, животных и микроорганизмов, то есть почвенной биоты.

Почвенный покров Земли – ее педосфера – осуществляет глобальные экологические функции, существенно влияя на формирование и состав грунтовых и поверхностных вод суши, на состав и режим атмосферного воздуха Земли, на процессы выветривания верхних слоев литосферы, то есть на ее гипергенез.

Таблица 5

Глобальные функции почвы

Основные категории и типы глобальных функций почвы			
Литосферные	Атмосферные	Гидросферные	Биосферные
Биохимическое преобразование верхних слоев литосферы	Поглощение и отражение солнечной радиации	Трансформация поверхностных вод в грунтовые	Среда обитания, аккумулятор и источник вещества и энергии для организмов суши
Источник веществ для образования минералов, пород, полезных ископаемых	Фактор влагооборота и газового режима атмосферы	Участие в формировании речного стока	Связующее звено биологического и геологического круговоротов
Защита от ускоренной эрозии и рельефообразующая функция	Источник твердого вещества и микроорганизмов, поступающих в атмосферу	Фактор биологической продуктивности рек и водоемов	Защитный барьер и условие нормального функционирования биосферы
Передача аккумулятивной солнечной энергии в глубокие части литосферы		Сорбционный, защищающий от загрязнений барьер акваторий	Фактор биологической эволюции

¹⁷ Добровольский, В. В. Основы биогеохимии. – М.: Высшая школа, 1998. – С. 44.

Источником грунтовых вод являются атмосферные осадки. Фильтруясь через почвенный покров, они воспринимают зональные и региональные особенности химического и минералогического состава и свойств почв. Поэтому неудивительно, что географические закономерности изменения режима и состава грунтовых вод очень близки к таковым же для географии почв.

Известно, что В. И. Вернадский связывал солевой состав не только грунтовых, но даже и морских вод с биохимическими процессами в почвах. «Мы обычно не учитываем и не представляем себе то огромное значение, которое имеет в жизни и химических реакциях океана почвенный покров суши. Почва и морская вода химически и генетически тесно связаны»¹⁸.

Не меньшее влияние оказывают биохимические процессы в почвах на состав приземных и даже более высоких слоев атмосферного воздуха. Оказалось, что «дыхание почвы» является мощным фактором влияния на состав атмосферного воздуха, в том числе содержание в нем диоксида углерода, метана, закиси азота и других парниковых газов¹⁹.

Все более очевидным становится влияние биохимических почвенных процессов на гипергенез верхних слоев литосферы. Континентальные коры выветривания рассматриваются ныне не только как материнские породы почв, но и как непосредственный результат воздействия почвообразовательных процессов на подстилающие почвы слои горных пород.

Все полнее оправдываются мысли В. И. Вернадского о важной роли почв в истории земной коры и эволюции жизни на Земле. Еще в 1913 г. он писал: «... все яснее становится нам значение почвы в биосфере – не только как субстрата, на котором живет растительный и животный мир, но как области биосферы, где наиболее интенсивно идут разнообразные химические реакции, связанные с живым веществом»²⁰.

В связи с возрастающим загрязнением окружающей среды, особенно во второй половине XX в. (в том числе антропогенным загрязнением промышленными отходами, радиацией), важную роль приобретает вопрос о значении почв. Это лишь часть огромной и разносторонней санитарно-гигиенической и медицинской проблемы современной цивилизации. Мы коснемся лишь некоторых ее сторон, связанных с почвами.

Уже давно было замечено, что существует прямая связь между спецификой химического состава почв в некоторых районах и наличием в них региональных эндемических болезней человека и животных. Например, в Забайкалье, в бассейне реки Уров, распространена болезнь суставов и вообще костной ткани, получившая название «уровской болезни». Причина ее лежит в необычном соотношении содержания кальция, стронция, кремния и других элементов в почвах, водах, растительных и животных продуктах питания. На отгонных пастбищах Дагестана распространен у овец так называемый митоз (болезнь мышц), который связывают с избытком бора в почвах, водах и кормах. Всем известна болезнь щитовидной железы из-за недостатка йода в кислых подзолистых почвах во внутриконтинентальных районах.

¹⁸ Вернадский, В. И. Живое вещество в химии почв / В. И. Вернадский // Избр. соч. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – Т. V. – С. 176.

¹⁹ Кудеяров, В. Н. Вклад почвы в баланс CO₂ атмосферы на территории России // Доклады Академии Наук. – 2000. – Т. 375. – № 2. – С. 275–277.

²⁰ Вернадский, В. И. К вопросу о химическом составе почв // Почвоведение. – 1913. – № 2–3. – С. 1–21.

Обобщив подобные явления, академик А. П. Виноградов выделил особые почвенно-геохимические аномалии и разработал учение о «биогеохимических провинциях». Но дело не только в биогеохимических аномалиях. Известны явления долговременного микробиологического загрязнения почв и связанных с ним таких болезней, как столбняк, сибирская язва, ботулизм. Все шире распространяются аллергические заболевания, вызываемые микроскопическими почвенными грибами²¹.

Особое место по опасности и трудности устранения занимает радиационное загрязнение почв. Огромный вред нанесли в этом деле события на Чернобыльской атомной электростанции и на Южном Урале в районе деятельности предприятия «Маяк». Токсичное загрязнение почв радионуклидами, нефтепродуктами, отходами добычи цветных металлов и соответственно загрязнения тяжелыми металлами, а также ядохимикатами в сельском хозяйстве особенно трудно устранимы, потому что почвы в отличие от водной среды и воздуха не обладают способностью рассеивать элементы «отравы», а, напротив, прочно поглощают их и аккумулируют в своем составе.

Все расширяющееся техногенное загрязнение почв требует организации тщательного почвенно-санитарного мониторинга. Почва и здоровье человека – эта проблема приобретает в наше время все более актуальное значение.

В этом кратком очерке автор стремился показать, насколько велика и незаменима экологическая роль почвы в биосфере и жизни человека и насколько реальна опасность все расширяющегося процесса деградации почвенного покрова мира. Процессы деградации почв не столь заметны, как вырубка лесов, загрязнение воды и воздуха, но от этого они не менее губительны, особенно по своим последствиям, для существования жизни на Земле.

Очень удачно процесс деградации почв назвал «тихим кризисом планеты» руководитель Вашингтонского Института всемирного наблюдения Лестер Браун²². А крупнейший авторитет в области экологии и охраны окружающей среды французский ученый Жан Дорст сказал в своей широко известной книге «До того, как умрет природа»: «Почва – наш самый драгоценный капитал. Жизнь и благополучие всего комплекса наземных биоценозов, естественных и искусственных, зависит в конечном итоге от тонкого слоя, образующего самый верхний покров Земли»²³. Речь идет, естественно, о почве.

И в заключение приведем еще одно свидетельство все более глубокого понимания места и роли почвы в обеспечении благополучия жизни на Земле. Это мысли недавно ушедшего из жизни выдающегося математика и мыслителя академика Н. Н. Моисеева: «Почва, почвенный покров, занимает ключевое место в биоте суши. Не будет преувеличением сказать, что почва – это основа биосферы... Плодородие почвы – это основа благополучия человечества»²⁴.

Отсюда следует, что защита и сохранение почвенного покрова Земли должны стать едва ли не самой острой задачей современной мировой экологической политики.

²¹ Марфенина, О. Е. Антропогенная экология почвенных грибов. – М.: Медицина для всех, 2005.

²² Brown, L. State of the World 1984: A Worldwatch Institute Report on Progress Toward a Sustainable Society. – N. Y.: Norton & Co, 1984.

²³ Дорст, Ж. До того, как умрет природа. – М.: Прогресс, 1968.

²⁴ Моисеев, Н. Н. Экология человечества глазами математика. – М.: Молодая гвардия, 1988. – С. 104.

ЭНЕРГЕТИКА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА В ГЛОБАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ

Э. В. Гирусов

Энергетические проблемы всегда находились в центре повышенного внимания человека, поскольку энергия – это неперенное условие любой деятельности; но особенно большое значение эти проблемы приобретают со времени широкого применения технических устройств, приводимых в движение различными источниками энергии.

Если взять за основу энергетический подход, то можно выделить следующие основные этапы в истории человечества соответственно смене способов получения энергии.

Первый этап – от возникновения человека до эпохи промышленной революции – характеризуется непосредственным использованием естественных источников энергии. Это мускульная сила самого человека, затем прирученных им животных, и несколько позже сюда добавляется использование людьми силы падающей воды и движущихся слоев воздуха.

Данный этап насчитывает многие сотни тысяч лет. Момент опосредованности здесь если и возникает, то он не идет дальше преобразования одного механического движения в другое, являющееся полезным результатом использования источника энергии.

Например, ветер дует в паруса и перемещает судно по водной поверхности. Или поток воды приводит в движение жернова мельницы и заставляет их перемалывать зерно в муку и т. д.

Новая эпоха в применении энергии наступает с того времени, когда совершается преобразование одного вида движения в качественно другое, позволяющее получить гораздо больший полезный результат по сравнению с исходным количеством энергетического импульса. Например, совершается подогрев воды, и энергия перегретого пара приводит в движение шатуны колес транспорта. Здесь возникает промежуточное звено преобразования одного вида движения (химической энергии горения) в другой (термодинамическую энергию пара), и получаемый затем механический процесс (движение маховика и вращение колес) многократно превосходит по количеству производимой работы первоначальный энергетический источник.

Массовое применение подобного вида энергетических устройств позволило получить колоссальный результат не только в производственной сфере, но и во всех аспектах социальной жизни вплоть до радикального преобразования всей системы социальных отношений и возникновения новых общественных классов в странах, вовлеченных в процесс промышленной революции.

Ф. Энгельс образно и точно сказал по этому поводу: «Сила перегретого пара вызвала к жизни новые общественные классы – буржуа и пролетариев».

Промышленная революция обусловила новые темпы развития общества, во много раз превысившие прежние.

Вскоре почти весь мир оказался вовлечен в этот динамичный процесс наращивания технического, научного и социального потенциалов.

Однако самое главное и динамичное в развитии общества началось на следующем, третьем этапе использования энергии, когда в этот процесс оказалось включено новое опосредующее звено, связанное с иным типом **управления** энергетическим потоком.

В середине прошлого столетия управление техникой было в значительной степени передано электронным системам, что позволило существенно повысить скорость использования энергетических процессов – в тысячи и даже сотни миллионов раз. Это породило взрывообразное ускорение управленческих производственных процессов.

Время социальных изменений спрессовалось до предела, что особенно бросается в глаза при сопоставлении временных интервалов развертывания процессов промышленной революции и той, которая получила название научно-технической.

Если промышленная революция продолжалась около трех столетий, то развертывание НТР заняло по времени около 60 лет, породив огромное количество глобальных проблем, возникших на основе явного превышения масштабами человеческой деятельности предельных возможностей биосферы. При этом в первую очередь обозначились пределы тех ресурсов, которые всегда раньше относили к самовоспроизводящимся в биосфере, и поэтому за ними закрепилось название «неисчерпаемых» – запасов пресной воды, атмосферного воздуха, климатической стабильности, биоресурсов и т. д.

Все эти ресурсы прежде всего зависят от экологического состояния биосферы, которое стремительно стало меняться к худшему под техногенным воздействием человека, не привыкшего сколько-нибудь серьезно считаться с пределами биосферы.

Однако среди всех факторов разрушения биосферы, пожалуй, самым опасным и незаметно развивающимся является тот, который порожден **антибиосферной энергетической деятельностью** человека.

Получение энергии в мире непрерывно растет, удваиваясь каждые 5–7 лет. При этом более 80 % современной энергетики является топливной, использующей ископаемое углеводородное топливо. Эта энергетика выбрасывает в окружающую среду огромное количество не только химических отходов, но и физических в виде радиации и отходящего тепла, которое неизбежно вызывает разогрев атмосферы. Именно тепловые отходы оказываются наиболее опасными для биосферы и человека, поскольку их воздействие на ее состояние имеет комплексный и далеко идущий по своим последствиям характер, ибо с изменением теплового режима биосферы резко меняется вся картина протекающих в ней физических и химических процессов.

Особенно чувствительной к повышению температуры оказывается гидросфера, занимающая 3/4 поверхности планеты. Известно, что большая часть запасов пресной воды на планете (около 80 %) находится в ледовой фазе.

Повышение среднегодовой температуры, а оно уже превышает 1 °С, усиливает таяние ледового покрова планеты, а это обуславливает повышение уровня Мирового океана и затопление наиболее густо заселенных прибрежных территорий. Если растают все материковые льды, то уровень океана поднимется на несколько десятков метров.

Возросшая толща воды усилит мощь приливных океанических движений. В связи с этим возрастет их тормозящее воздействие на вращение Земли вокруг оси, и наша планета начнет быстрее приближаться к Солнцу со всеми вытекающими из этого последствиями.

Мы проследили только одно из направлений тех изменений, которые вызываются антропогенным изменением теплового режима планеты. Не будем здесь рассматривать многие остальные последствия, которые носят химический и биохимический характер. Уже и без того ясно, что ни в коем случае нельзя допустить опасной степени термального загрязнения биосферы. Коварство термального загрязнения состоит в том, что оно наименее чувствительно для человека в отличие, например, от химического. Некоторое время повышение температуры в окружающей среде воспринимается даже как комфортное и выгодное, особенно в странах холодной климатической зоны. В частности, в нашей стране ряд ученых и политиков внушали обывателям через средства массовой информации, что глобальное потепление позволит нам сэкономить большое количество топлива, продвинуть растениеводство дальше на север и т. д.

Пусть эти заявления останутся на совести тех, кто их делал, но если отнестись к проблеме потепления достаточно серьезно, то нужно признать, что топливная энергетика исчерпала себя и должна быть заменена новыми источниками энергии, которые во всем их многообразии могут быть названы возобновляемыми.

Топливная энергетика выполнила огромной важности задачу – обеспечила выход значительной части человечества на высокий жизненный уровень, а целый ряд стран, располагающих большими запасами ископаемого топлива, сделала богатыми и очень богатыми. Однако настало время постепенной замены топливной энергетики биосферосовместимыми способами получения энергии. То, что было допустимо для сравнительно небольшого населения планеты в недавнем прошлом, совершенно не годится для населения, превышающего 6 млрд человек и оснащенного современной мощной производственной базой. К тому же население продолжает расти почти на 100 млн человек ежегодно. Данные мониторинга показывают непрерывное снижение содержания свободного кислорода в атмосфере. Над территорией мегаполисов его содержание уже снизилось в среднем на 20 %.

Темпы восстановления кислорода растениями не успевают за темпами роста его потребления, так как зеленая площадь планеты непрерывно сокращается в результате вырубки лесов и расползания городов, поселков, дорог и т. д. По неточным (в сторону занижения) данным, 2/3 лесной поверхности планеты вырублено за последние 300 лет.

Лесопосадочная деятельность слишком слаба, чтобы компенсировать процесс потери лесов. Особенно много леса гибнет в последнее время в результате лесных пожаров, которые участились по целому ряду причин, а это ведет к нарастающему опустыниванию планеты. Иными словами, биосфера кладет предел топливной

энергетике и требует от нас перехода на биосферосовместимую энергетику. Такой является возобновляемая энергетика, в основе которой лежит использование масс воды и воздуха, приводимых в движение потоками солнечной энергии, а также использование перепадов температуры в результате неравномерного разогрева поверхности планеты и, наконец, прямое использование солнечных лучей с помощью фотоэлементов, а также различных концентраторов и накопителей солнечной радиации.

Немалым источником энергии является использование той биомассы, которая накапливается в виде отходов производственной и бытовой деятельности человека.

Топливная энергетика давно рассматривалась как временный этап в истории человечества, но ее пределы было принято связывать с исчерпаемостью запасов минерального топлива в земных недрах, а это считалось далекой перспективой, отстоящей от нашего времени на многие десятки и даже сотни лет, если принимать во внимание запасы каменного угля.

Однако экологический кризис выдвинул на первый план те пределы, которые никогда раньше не принимались во внимание, – условия обеспечения климатической стабильности планеты.

Гляциологи давно подсчитали, что сохранение ледовых и снежных покрытий на нашей планете возможно лишь в том случае, если среднегодовые колебания температуры не будут превышать величины 4 °С. Если амплитуда колебаний температуры выходит за эти пределы в сторону ее повышения, то активизируется необратимый процесс таяния ледяного и снежного покрова в высокогорьях и приполярных зонах.

Видимо, этот процесс уже начался, и есть расчеты, которые показывают, что к середине нынешнего столетия Ледовитый океан полностью освободится ото льда, а ледовый панцирь Антарктиды сильно разрушится по краям, отваливаясь огромными айсбергами в Океан.

Трудно даже в общих чертах предсказать все далеко идущие последствия таких изменений ледовой обстановки на планете. Достаточно сказать, что основная масса устойчивых сезонных движений воздуха, а следовательно, и океанических течений образуется за счет температурного перепада между полярными и экваториальными зонами земного шара. Никто не берется предсказать, как изменятся эти движения, если температурный перепад сильно изменится с исчезновением полярных льдов.

Пусковым механизмом этого опаснейшего процесса является та самая топливная энергетика, которая продолжает расцениваться как одно из основных благ современной цивилизации.

Справедливости ради следует заметить, что предпринимаются попытки предложить различные варианты снижения вредных выбросов, которые дает традиционная энергетика: совершенствуется техника очистки загрязняющих выбросов из труб энергоустановок, улучшается качество топлива путем удаления входящих в него вредных примесей, большие успехи достигнуты в деле перехода на энергосберегающие технологии и т. д. Все это позволило заметно снизить уровень химических загрязнений. Однако каждый следующий процент улавливаемых загрязнений обходится все дороже и, самое главное, остается неустрашимым отходящее тепло.

В каких бы формах ни выступало топливо, используемое для получения энергии, оно всегда повлечет за собой при сжигании такие неизбежные следствия, как загрязнение окружающей среды продуктами неполного сгорания, обеднение атмосферы свободным кислородом, который связывается с углеродом, образуя различные его окислы, и, наконец, разогрев среды за счет высвобождающегося тепла, представляющего собой конечное состояние любого топливного энергетического процесса. Указанные следствия так или иначе характерны не только для процессов химического горения, но и для любых процессов получения энергии путем высвобождения ее из структурных связей земного вещества. Поскольку атомные и термоядерные источники энергии также предполагают широкое использование вещества планеты, то и они не лишены тех недостатков, которые присущи сжиганию минерального топлива. Не будет лишь происходить обеднение атмосферы кислородом и образование двуокси углерода. Зато термическое загрязнение и ухудшение качества окружающей среды примут еще более разнообразные и опасные формы. По-видимому, при решении энергетической проблемы необходимо учитывать ту общую для всего органического мира закономерность, что основным источником энергии в системе биосферы является не та, которая заключена в земном веществе, а мощные потоки энергии, достигающие земной поверхности в виде космических излучений и прежде всего солнечных. За две недели наша планета получает от Солнца такое количество энергии, которое сопоставимо с запасами ее во всех видах минерального топлива земных недр. Практически все виды движений на земной поверхности порождены солнечным излучением в различных формах его преобразования. Можно сказать, что мы живем в океане энергии, которой лишь следует разумно распорядиться.

Растения, использующие в процессе фотосинтеза всего около 1 % от общего количества приходящей солнечной энергии, совершают ежегодно работу, примерно в 10 раз превосходящую совокупный результат человеческой деятельности. Ежегодное воспроизводство растениями органической массы составляет величину порядка 170 млрд т вещества в сухом весе. При этом не происходит не только физического или химического загрязнения окружающей среды, а, напротив, под воздействием организмов она приобретает свойства, все более способствующие прогрессивному развитию органического мира, так как повышается почвенное плодородие, обогащаются кислородом атмосфера и гидросфера, а содержание CO_2 в них регулируется процессом жизнедеятельности на оптимальном уровне. Одновременно в верхних слоях атмосферы образуется озоновый экран, предохраняющий живое от губительных для него коротковолновых космических излучений. Таким образом, живая природа Земли обладает способностью к экологическому самообеспечению, и в этом немалую роль играет то, что органический мир обеспечивает себя энергией таким способом, который во многом противоположен способу обеспечения энергией человеческого общества. В самом деле, растения, с которых начинается трансформация солнечной энергии в живом веществе, преобразуют ее из рассеянного состояния в концентрированное, синтезируя органическое вещество. Люди, напротив, сжигая органическое вещество в различных его формах, переводят сосредоточенную в нем энергию из концентрирован-

ного состояния в рассеянное, добавляя получающееся при этом тепло к тому, которое приходит от Солнца.

Неудивительно, что результат энергетической деятельности людей в отношении воздействия на окружающую среду является иным. Если совокупный результат деятельности живых организмов способствует повышению жизнеспособных свойств окружающей среды, то совокупным результатом деятельности людей является (по крайней мере, являлось до сих пор) снижение жизнеспособности природной среды. Приходится сделать вывод, что человечество на сегодняшний день не обладает способностью экологического самообеспечения, и для того, чтобы такая способность появилась, необходимо самым радикальным образом изменить традиционный способ использования природных ресурсов, и прежде всего в области энергетики. Производственная деятельность людей должна быть согласована с природными круговоротами вещества и энергии таким образом, чтобы не нарушать их структуру, а, напротив, способствовать их сохранению. Только тогда человеческая активность будет обеспечивать жизнеспособное состояние природной среды, то есть обретет способность экологического самообеспечения.

С физической точки зрения важнейшей особенностью жизни является ее способность противостоять росту энтропии за счет хорошо отработанных способов перехватывать и накапливать свободную энергию, приходящую из Космоса к земной поверхности. Благодаря такой негэнтропийной направленности функционирования живые организмы не только обеспечивают свою жизнедеятельность, но совокупным результатом их взаимодействия друг с другом и с окружающей средой является повышение организованности этой среды вплоть до возникновения и поддержания свойств ее жизнеспособности.

Человек как биологическое существо вполне вписывается в эти процессы, но как существо социальное и технически оснащенное он противостоит живой природе, способствуя раскручиванию энтропийных процессов, и немалую роль в этом играет антибиосферный способ получения энергии путем высвобождения ее из вещества планеты, на которой он живет.

Учитывая указанную особенность, академик Стырикович предложил подразделять энергетику на добавляющую (к притоку солнечной радиации) и недобавляющую. К последней, разумеется, относится вся возобновляемая энергетика.

Человек не мог развиваться, не противостоя энтропии, но это противостояние он осуществлял (и продолжает по сию пору) за счет повышения энтропии окружающей среды. Однако рано или поздно такой деятельности наступает предел, и он пришелся на время жизни нашего поколения. Нам приходится преодолевать возникшие трудности перехода на иной способ развития, нацеленный теперь на поддержание среды жизни, и от нас зависит не допустить развития необратимых изменений в состоянии биосферы.

Переход на возобновляемую энергетику является важнейшим условием упреждения процессов подобного рода.

К сожалению, процессы, идущие ныне в биосфере под воздействием широко-масштабной топливной энергетики, отбрасывают эту природную систему в далекое прошлое.

Характерное для современной энергетики резкое несоответствие объективным требованиям экологических законов приводит к тому, что состояние природной среды изменяется, по сути дела, в обратном направлении, возвращаясь к тому времени, когда в пору зарождения жизни атмосфера была бедна содержанием свободного кислорода, но богата углекислотой.

Благодаря деятельности зеленых растений и животных организмов установился тот газовый состав, который характерен для современной атмосферы. Одновременно захоронение и преобразование масс органического вещества на протяжении многих миллионов лет способствовало образованию в земных недрах запасов минерального топлива.

Поскольку указанные процессы обуславливали друг друга, возникло количественное соответствие между запасами кислорода в атмосфере и запасами минерального топлива в земной коре. Те и другие составляют величину порядка 10^{15} т. Следовательно, развитие топливной энергетики экологически ограничено запасами атмосферного кислорода, воспроизводство которого к тому же сокращается по мере того, как скудеет зеленый покров планеты в результате чрезмерной вырубке лесов, отчуждения земель под строительство и загрязнения природных вод нефтепродуктами и другими вредными веществами.

Поэтому необходимо найти другие источники энергии, которые обладали бы следующими важнейшими качествами: практически не иссякали бы со временем, давали бы поток энергии достаточной плотности и мощности, чтобы удовлетворить растущие потребности человечества, и не оказывали бы вредного воздействия на окружающую среду. Достаточно хорошо известны источники энергии, отвечающие первому требованию. Это солнечная радиация, геотермальное тепло, гидроэнергия, энергия ветра, приливов волн и т. д. Однако хотя гидроэнергия и является неиссякаемой, мощность ее мала – почти все важнейшие реки зарегулированы. В мировом энергетическом балансе гидроэнергия составляет сейчас не более 5 %, и, по-видимому, это величина, близкая к пределу.

Как наиболее перспективные в настоящее время оцениваются следующие источники возобновляемой энергии:

- солнечная радиация (СЭС);
- ветровая энергия (ВЭС);
- энергия приливов (ПЭС);
- геотермальная энергия (ГеоТЭС);
- энергия температурного перепада, гидротермальные станции (ГиТЭС);
- энергия биотоплива (БТС).

В свою очередь, в рамках каждого из перечисленных направлений существует бесконечное многообразие различных вариантов получения энергии. Поэтому применительно к возобновляемой энергетике можно сказать, что она является по истине неисчерпаемой как в ресурсном, так и в экологическом отношении.

Остановимся вкратце на каждом из направлений развития возобновляемой энергетики, с тем чтобы лучше были видны ее перспективы.

Солнечная энергия представляет собой «вечный» и потенциально огромный источник энергоснабжения, не вносящий каких-либо опасных загрязнений в окружающую среду. Напротив, когда говорится о том, что космические факторы

сыграли в возникновении жизни на нашей планете не меньшую роль, чем земные, то в первую очередь имеется в виду огромная значимость притока солнечной энергии к земной поверхности. Именно земные породы (и особенно водная среда) стали теми аккумуляторами солнечной энергии, которые создали температурные условия усложнения химических структур вплоть до возникновения жизни. Поступление солнечной энергии обеспечивало дальнейшее развитие жизни вплоть до появления человека, который своей деятельностью по использованию огня добавил к непосредственному солнечному излучению энергию этого светила, сконцентрированную и депонированную в глубинных слоях земной поверхности совокупной деятельностью автотрофных форм жизни прошлых лет.

В этом случае вместе с полезной для человека энергией стало высвобождаться и поступать в окружающую среду огромное количество накопленных в ископаемом топливе химических веществ и добавочного тепла.

Особенно большую опасность представляет то, что высвобождающийся из всех видов ископаемого топлива углерод при соединении с атмосферным кислородом образует газ CO_2 , препятствующий нормальной эвакуации добавленного тепла в Космос. Возникает парниковый эффект, заметно меняющий климат планеты. Это **неустранимое** следствие топливной энергетики делает ее совершенно неприемлемой для дальнейшего энергоснабжения.

Человечество должно вернуться к возобновляемой энергетике, если оно не желает погибнуть в химически измененной до опасной степени среде жизни. Таков императив биосферы, которая кладет предел нарушению человеком законов ее самосохранения в энергетической сфере.

Напомним, что главным среди этих законов является негэнтропийная направленность энергетических процессов, и человек должен прежде всего подчинить свою энергетическую деятельность этому фундаментальному закону живой природы.

Только таким образом возможен переход на модель устойчивого развития общества.

До тех пор, пока люди будут своей деятельностью раскручивать энтропийные процессы, высвобождая энергию из вещества планеты, на которой живут, все призывы к устойчивому развитию останутся декларативными.

Приходится удивляться прозорливости мудрецов глубокой древности, которые, интуитивно почувствовав опасность «огненной» деятельности человека, отразили ее в своем мифе о Прометее, жестоко наказанном Зевсом за похищение огня у богов и передачу его людям.

Настало время понять всю глубину мудрости этого мифа и, образно говоря, вернуть похищенный огонь богам, перейдя на широкое использование возобновляемой энергетики, свободной от тех опасностей, которые заключены в использовании минерального топлива.

Основные трудности использования солнечной энергии – рассредоточенность и дискретность поступления излучений по периодам суток, времени года и географическим поясам. Поэтому возникает проблема аккумуляции приходящей энергии.

Тем не менее, все трудности использования перекрываются колоссальной мощностью энергетического потока, которая оценивается у поверхности Земли в

20 млрд кВт. Эта величина более чем в 100 раз превышает потребности современного общества в электроэнергии. Годовой приход солнечной энергии к земной поверхности составляет величину порядка $1,2 \cdot 10^{14}$ т условного топлива, что более чем на два порядка превышает все запасы органического топлива в земной коре – $6 \cdot 10^{12}$ т у. т.

В технике использования солнечной энергии есть два направления: первое – электроснабжение, то есть создание крупных солнечных электростанций; второе – теплоснабжение, горячее водоснабжение, опреснение и т. д.

Первое направление – получение электроэнергии на крупных солнечных электростанциях (СЭС) – наиболее привлекательное, но и пока наиболее сложное ввиду низкой плотности солнечной радиации у земной поверхности (в среднем 1 кВт/м^2) и дороговизны модулей концентраторов, состоящих из оптических систем, объединенных на огромных пространствах (порой до нескольких десятков квадратных километров). К тому же остается и проблема аккумуляирования перехваченной солнечной энергии. Тем не менее, в тех странах, где правительства поощряют переход к солнечной электроэнергии, заметны большие успехи в этом деле.

Прямое получение электроэнергии достигается при установке солнечных фотоэлементов на крышах, в окнах домов и на стенах, обращенных на солнечную сторону.

В Израиле, например, почти все не только служебные и производственные, но и жилые здания оснащены пластинами фотоэлементов, что позволяет большую часть года быть на автономном энергообеспечении и лишь изредка подключаться к общей электросети. Граждане этой солнечной страны охотно идут на такой способ решения энергетической проблемы, поскольку государство берет на себя 50 % стоимости установки панелей фотоэлементов. В соседних арабских странах предпочитают по-прежнему пользоваться главным образом топливной энергетикой, снабжаемой дешевой пока еще нефтью с прилегающих территорий. Экологические интересы при этом явно приносятся в жертву интересам нефтяных магнатов, которые лоббируют правительства.

Большое развитие в современном мире получили проекты солнечных станций по термодинамическому циклу преобразования с подводом тепла в паротурбинном цикле, аналогичном используемому на современных тепловых станциях. Уже созданы и успешно работают электростанции по такому принципу в России, Италии, Франции. Мощность этих станций доходит до многих сотен МВт при себестоимости единицы полезной мощности, близкой к себестоимости на ТЭС.

Особенно целесообразно применение термо- и фотогенераторов для таких автономных потребителей малой мощности, как навигационное оборудование, автоматические метеостанции, радиомаяки и радиорелейные линии. Для космической техники гелиоэнергетика оказалась единственно возможным вариантом энергообеспечения ввиду чрезвычайно высокой стоимости подъема груза.

Второе направление гелиоэнергетики, связанное с теплоснабжением, уже достаточно хорошо разработано и весьма широко применяется, особенно в южных широтах и в районах с большим количеством солнечных дней. Объясняется это тем, что отопление и горячее водоснабжение как низкотемпературные процессы преобразования солнечной энергии в тепло не требуют сложных и дорогостоящих

технических решений. Особенно широкое применение подобные системы использования солнечной энергии получили в курортных зонах, где приоритет отдается качеству среды и где сильно меняется численность населения в зависимости от смены сезонов.

Ветроэнергетика также является по происхождению солнечной, но преобразованной движением слоев воздуха. Современные ветровые станции (ВЭС) демонстрируют высокую результативность и экономичность. Сейчас это самый динамичный сектор мировой энергетики: рост на 25–30 % в год в течение последних 5 лет с оборотом 5,5 млрд долларов.

Возможности развития ветроэнергетики огромны. Потенциально возможная для реализации в течение года энергия ветра по поверхности Земли оценивается в $13 \cdot 10^{12}$ кВт · ч. Для практического использования реально рассматривать 10–20 % этой энергии. К середине 2002 г. с помощью ветра производилось 30000 МВт энергии. Во многих странах рост производства такой энергии очень значителен – в США, Испании, Дании. Большое внимание использованию энергии ветра уделяют в Китае, Индии, Великобритании, Новой Зеландии и многих других странах.

Справедливости ради нужно сказать, что первая в мире ВЭС с диаметром рабочего колеса 30 м и мощностью 100 кВт была спроектирована и построена в СССР в Крыму еще в 1931 г., и современная Россия располагает богатыми предпосылками развития ветроэнергетики как в техническом отношении, так и в отношении природного потенциала.

Огромные энергетические перспективы открываются перед человечеством в связи с использованием приливных движений Океана. Строительство приливных электростанций (ПЭС) начинается во многих странах, имеющих океанское побережье. Кстати, и в этой области энергетики пальма первенства принадлежит бывшему Советскому Союзу.

Первая в мире Кислогубская ПЭС на Белом море начала свою работу в августе 1969 г. и имела мощность 400 кВт при диаметре рабочего колеса обратной турбины – 3,3 м и скорости вращения рабочего колеса – 69 об/мин. Турбина работала в двух режимах – прилива и отлива.

Опыт Кислогубской ПЭС был продолжен во Франции, где построена станция «Ранс», состоящая из 24 агрегатов общей мощностью 240 МВт при удельных капитальных затратах 2000 франков на 1 кВт мощности.

В последнее время заметно оживилось строительство и использование геотермальных электростанций (ГеоТЭС) там, где есть выход термальных вод на поверхность. Возможно также использование геотермальной энергии с помощью скважин, пробуренных в местах близкого расположения от поверхности термальных вод.

Большие надежды связываются с использованием энергии волн, а также энергии температурного перепада между верхними и глубинными слоями воды в морях и океанах планеты.

Наконец, трудно переоценить энергетическое значение биомассы, составляющей значительную часть отходов производственной и бытовой деятельности человека. Энергия биомассы используется в разных вариантах: сжигание древесины и органических остатков для получения тепла и электроэнергии, переработки нетоварной древесины и древесных отходов в гранулы (пеллеты), переработка в жид-

кое или газовое топливо и т. д. При этом использование биомассы не приводит к накоплению CO_2 в атмосфере, так как выбрасываемый при сжигании CO_2 только что был поглощен из атмосферы теми растениями, которые затем стали основой получения биомассы.

Во всем мире доля биомассы составляет около 11 % в общем производстве энергии. Программа развития, составленная в ООН, оценивает потенциал устойчивости, то есть возобновляемого использования биомассы, как 65–100 % от современного глобального спроса на энергию. В некоторых странах, например в Финляндии, Австрии, Швеции и США, уже сегодня производится значительное количество весьма дешевой электроэнергии из древесины и древесных отходов.

В Финляндии 20 % спроса на энергоносители покрывается биомассой. В 2001 г. там была построена крупнейшая в мире установка комбинированного цикла для производства тепла и электроэнергии мощностью 550 МВт.

Оценивая все вышесказанное о путях и способах получения энергии, можно сказать, что современный мир находится в состоянии поиска наиболее оптимальных путей решения энергетической проблемы.

Топливная энергетика обнаружила свою опасность как меняющая состояние природной среды в непригодном для жизни направлении.

Представленные ранее сценарии антропогенного изменения климата не только подтверждаются развитием событий, но даже сдвигаются в направлении более сжатых сроков этих изменений.

Причуды зимы 2006–2007 гг. стали полной неожиданностью для климатологов, показав, что крушение климатической стабильности идет непредсказуемым и очень опасным образом. Биосфера явно утрачивает механизмы саморегуляции своего стабильного состояния, и пока не поздно, необходимо принять срочные меры по обеспечению биосферосовместимости человеческой деятельности, прежде всего это касается антибиосферных способов получения энергии.

Как существо гетеротрофного порядка человек должен либо вписаться в те пропорции обменных процессов веществом и энергией, которые присущи природной пирамиде, либо, если он претендует на большее, стать вторым после зеленых растений автотрофом на планете, перейдя к искусственному синтезу многих необходимых ему веществ и к использованию преимущественно возобновляемых источников энергии, как полагал в свое время академик В. И. Вернадский.

ТЕНДЕНЦИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ МИГРАЦИИ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ*

И. А. Алешковский, В. А. Ионцев

Во второй половине XX в. человечество стало свидетелем непреодолимой и необратимой силы процессов глобализации, так или иначе охвативших все сферы общественной жизни и создающих глобальную по своему масштабу систему взаимозависимости стран и народов мира.

Глобализационные процессы в сочетании со стремительными переменами в глобальных политических и экономических системах способствовали резкой интенсификации мировых миграционных потоков, привели к формированию принципиально новой миграционной ситуации в мире, важнейшими характерными чертами которой являются:

- беспрецедентное расширение масштабов и географии международной миграции;
- трансформация структуры международных миграционных потоков;
- определяющее значение экономической и прежде всего трудовой миграции;
- неуклонный рост и структурная «непреодолимость» нелегальной иммиграции;
- рост масштабов и расширение географии вынужденных миграций;
- увеличение значимости международной миграции населения в демографическом развитии современного мира;
- двойственный характер современной миграционной политики.

На этих тенденциях, отмеченных нами еще в 1990-е гг.¹ и принявших к настоящему времени закономерный характер, мы остановимся подробно, учитывая новые статистические данные и новые особенности их проявления в наступившем XX в.

Увеличение масштабов и расширение географии международной миграции

Растущий дисбаланс демографического развития между развитыми и развивающимися странами, увеличивающийся разрыв в уровнях экономического развития между отдельными странами и регионами мира, распад социалистической системы и возникновение на ее основе новых государственных образований, усиление геополитической нестабильности в ряде африканских и азиатских стран, на Ближнем Востоке – все эти и другие события второй половины 1980–1990-х гг. привели в движение огромные и часто неуправляемые волны международных ми-

* Настоящая статья подготовлена в рамках гранта РГНФ № 08-02-00084а «Детерминанты международной миграции населения и вопросы совершенствования государственной миграционной политики в России».

¹ См., например: Ионцев, В. А. Международная миграция: теория и история изучения // Международная миграция населения: Россия и современный мир / под ред. В. А. Ионцева. – М.: Диалог-МГУ, 1999. – Вып. 3. – С. 53–105.

грационных передвижений и выдвинули международную миграцию населения в ряд важнейших глобальных процессов, в значительной степени влияющих на мировую экономику и обуславливающих ее глобализацию.

Уже только масштабы международной миграции позволяют говорить о ней как о явлении, имеющем глобальное значение. По данным Отдела народонаселения ООН, в 2005 г. в мире насчитывалось более 190 млн «классических» международных мигрантов (то есть людей, живущих не в странах, где они родились), при этом почти 61 % из них находились в развитых странах (см. табл. 1). Иначе говоря, в настоящее время один из каждых 35 жителей земного шара является «классическим» международным мигрантом, при этом в развитых странах международным мигрантом является каждый десятый житель, в то время как в развивающихся странах – только каждый 70-й житель.

Заметим, что в эти цифры не включены нелегальные мигранты, численность которых по разным оценкам составляет от 20 до 35 млн человек, международные туристы, численность которых в 2007 г. превысила 900 млн человек, а также долгосрочные, сезонные, маятниковые и эпизодические мигранты. Фактически если говорить обо всех категориях населения, в той или иной форме вовлеченных в международные миграционные потоки, то в настоящее время, по существу, каждый шестой житель земного шара является международным мигрантом!

Таблица 1

Численность международных мигрантов, 1960–2005 гг.

	Численность международных мигрантов, млн чел.					
	1960	1970	1980	1990	2000	2005
Мир в целом	75,46	81,34	99,28	154,95	176,74	190,63
Развитые регионы	32,31	38,36	47,46	82,37	105,00	115,40
Развивающиеся регионы	43,15	42,97	51,82	72,58	71,73	75,24
Европа	14,24	18,79	21,89	49,38	58,22	64,12
Африка	9,13	9,94	14,10	16,35	16,50	17,07
Азия	28,48	27,82	32,11	49,89	50,30	53,29
Латинская Америка и Карибский бассейн	6,01	5,68	6,08	6,98	6,28	6,63
Северная Америка	12,51	12,99	18,09	27,60	40,39	44,49
Австралия и Океания	2,13	3,03	3,75	4,75	5,05	5,03

Источник: Trends in Total Migrant Stock: The 2005 Revision. Интернет-источник. Режим доступа: <http://esa.un.org/migration>

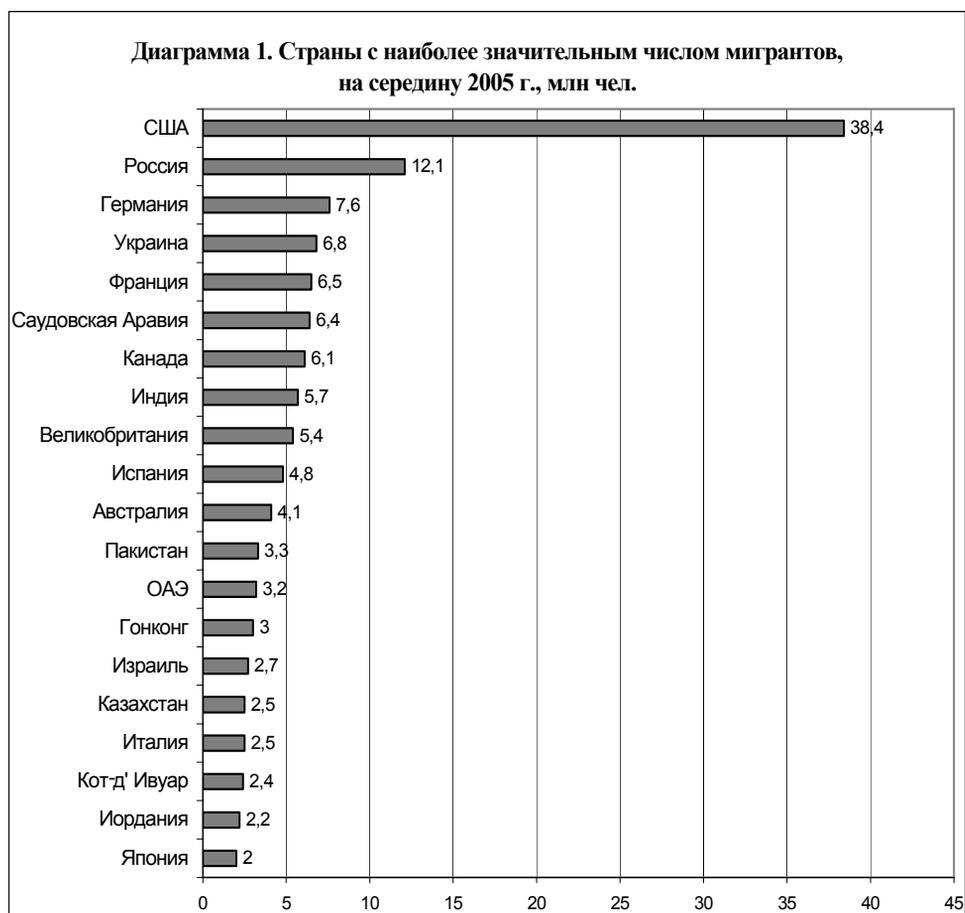
Индикатором роста масштабов международной миграции является и увеличение доли международных мигрантов в численности населения принимающих стран. Несмотря на то, что в мировом разрезе доля международных мигрантов в общей численности населения увеличилась незначительно (с 2,5 % в 1960 г. до 3,0 % в 2005 г.), изменения на уровне отдельных стран были намного более значимыми. Так, если в 1960 г. только в 27 странах мира доля мигрантов в населении превышала 10 %, то в 2005 г. таких стран уже насчитывалось 50².

В настоящее время все страны современного мира в той или иной степени оказываются вовлеченными в мировые миграционные потоки. Развитие систем ком-

² International Migration Flows: to and from Selected Countries: The 2005 Revision. – N. Y.: U. N., 2006.

муникации и транспортного сообщения не оставило незатронутой ни одну страну, международные мигранты появились повсюду. В диаграмме 1, построенной по данным ООН, представлены 20 крупнейших стран по числу находящихся в них международных мигрантов. Первое место в этом списке занимают США (38,4 млн чел.), затем следуют Россия (12,1 млн чел.) и Германия (10,1 млн чел.)³.

Несомненного внимания заслуживают и региональные особенности международной миграции населения. Несмотря на то, что большинство международных мигрантов происходит из развивающихся стран, современные миграционные потоки представляют собой не просто движение «с юга на север» или «с востока на запад»; около трети легальных международных мигрантов перемещаются из одной развивающейся страны в другую и такая же примерно доля переезжает из развивающихся в развитые страны. Иными словами, численность мигрантов, перемещающихся с «юга на юг», примерно уравнивает численность мигрантов, перемещающихся с «юга на север».

³ World Migrant Stock (2006): The 2005 Revision Population Database. Интернет-источник. Режим доступа: <http://esa.un.org/migration/index.asp?panel=1>

Таблица 2

Региональная структура международной миграции, 1960–2005 гг.

	1960	1970	1980	1990	1995	2000	2005
Мир в целом	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Развитые регионы	42,8	47,2	47,8	53,2	57,5	59,4	60,5
Развивающиеся регионы	57,2	52,8	52,2	46,8	42,5	40,6	39,5
Европа	18,9	23,1	22,1	31,9	33,5	32,9	33,6
Африка	12,1	12,2	14,2	10,6	10,9	9,3	9,0
Азия	37,7	34,2	32,4	32,2	28,6	28,5	28,0
Латинская Америка и Карибский бассейн	8,0	7,0	6,1	4,5	3,7	3,6	3,5
Северная Америка	16,6	16,0	18,2	17,8	20,3	22,9	23,9
Австралия и Океания	2,8	3,7	3,8	3,1	3,1	2,9	2,6

Источник: United Nations. Trends in Total Migrant Stock: The 2005 Revision. Интернет-источник. Режим доступа: <http://esa.un.org/migration>

За последние 50 лет произошли значительные изменения в региональном распределении международных мигрантов. Если в 1960 г. большая часть международных мигрантов (57,2 %) находилась в развивающихся регионах, то в настоящее время более 60 % международных мигрантов приходится на развитые регионы мира. В настоящее время регионом с наибольшей численностью международных мигрантов является Европа (более 64 млн чел. в 2005 г.), за ней следуют Азия (53,3 млн чел.), Северная Америка (44,5 млн чел.) и Африка (17,1 млн чел.).

Таким образом, международные миграционные потоки превратились в глобальное явление, оказывающее воздействие на все стороны жизни мирового сообщества.

Качественная трансформация структуры миграционных потоков

Глобализационные процессы обусловили качественную трансформацию структуры мировых миграционных потоков. Ключевыми из наблюдаемых изменений в этой области являются:

Изменения временной продолжительности международной миграций.

Из всех видов и форм международной миграции в течение последних десятилетий наиболее динамично развивалась временная трудовая миграция. Так, за 1990-е гг. численность временных трудовых мигрантов в Соединенных Штатах увеличилась в четыре раза, в Австрии – в три раза, в Великобритании – в два раза, в Российской Федерации – более чем в пять раз. Это связано, с одной стороны, с распространением и все большей доступностью средств транспорта, упрощающих передвижение людей и «сокращающих» расстояния между странами. В этих условиях временная работа за рубежом часто представляется для мигранта более предпочтительной, чем переселение, поскольку связана с меньшими материальными и нематериальными издержками. С другой стороны, глобализация мирового рынка труда требует большей гибкости миграционного поведения, которую как раз и может гарантировать временная трудовая миграция. Наконец, привлечение иностранных работников на временной основе соответствует целям иммиграционной политики большинства принимающих государств.

Изменения квалификационной структуры международных миграционных потоков.

На протяжении второй половины XX в. спрос на труд иностранных работников в принимающих странах эволюционирует в сторону более квалифицированной рабочей силы, а принимающие страны поощряют привлечение квалифицированных иммигрантов в те отрасли и секторы национальной экономики, которые испытывают дефицит местных работников. В результате изменения квалификационной структуры миграционных потоков заключаются прежде всего в увеличении среди мигрирующих доли лиц с высоким уровнем образования и профессиональной квалификации. В свою очередь, низко- и неквалифицированные мигранты обнаруживают на своем пути все новые преграды, закрывающие доступ в страны «конечного назначения».

Данная тенденция несет в себе одну из самых, возможно, болезненных проблем для развивающихся стран, получившую образное выражение «утечка умов», то есть проблему безвозвратной миграции высококвалифицированных специалистов (ученых, инженеров, врачей и др.). По ряду оценок, только финансовые потери развивающихся стран от «утечки умов» за 1970–2000 гг. превысили 60 млрд долларов, а общие объемы интеллектуальной эмиграции из развивающихся стран составили от 10 % до 30 % их интеллектуального потенциала⁴.

Феминизация миграционных потоков.

Традиционно считалось, что большинство международных мигрантов – это мужчины. Женщины если и участвовали в международных миграциях, то преимущественно как члены семей мигрантов-мужчин. Уже к началу 1990-х гг. женщины стали составлять почти 50 % «самостоятельных» трудовых мигрантов в большинстве развитых государств. Во многом последнее связано со структурными изменениями в мировой экономике: развитие сферы услуг привело к трансформации структуры занятости и сформировало устойчивые ниши рынка труда принимающих стран (текстильная промышленность, индустрия досуга и развлечений, сфера общественных услуг, домашнее обслуживание, секс-услуги и др.) и постоянно растущую потребность в женщинах-мигрантах, в том числе занятых неквалифицированным трудом. Следует отметить, что значительную часть из существующих ниш можно отнести к «сферам риска», связанным с секс-занятостью или околосексуальной занятостью. Эти сферы маргинальной, по сути, занятости и представляют основные миграционные возможности для женщин-мигрантов. В результате женщины оказываются гораздо больше подвержены дискриминации, чем их коллеги-мигранты мужского пола. Эти тенденции ставят проблему защиты прав трудовых мигрантов (прежде всего женщин) в ряд приоритетных задач международных и национальных институтов, занимающихся регулированием миграционных процессов.

Определяющее значение экономической миграции

Международные миграционные потоки складываются под влиянием разнообразных причин, среди которых преобладающими являются экономические. В свою очередь, развитие экономической (и прежде всего трудовой) миграции имеет характер наиболее длительной и устойчивой тенденции международной миграции.

⁴ См. подробнее: Ионцев, В. А. Проблемы «утечки умов» в России (методологические аспекты изучения) // Вестник МГУ. Серия «Экономика». – 1996. – № 5; Ушкалов, И. Г., Малаха, И. А. Утечка умов: масштабы, причины, последствия. – М.: Эдиториал УРСС, 1999.

По оценкам Международной организации по труду (МОТ), на начало XXI в. во всем мире насчитывалось более 86 млн легальных трудящихся-мигрантов (вместе с членами семей эта цифра возрастает до 120–180 млн чел.) против 3,2 млн чел. в 1960 г. (см. табл. 3).

Таблица 3

**Оценочные данные МОТ о трудящихся-мигрантах
по регионам мира, 2000 г.**

	млн чел.	%
Мир в целом	86,3	100
Европа	28,2	33
Африка	7,1	8
Азия	25,0	29
Латинская Америка и Карибский бассейн	2,5	3
Северная Америка	20,5	24
Австралия и Океания	2,9	3

Источник: За справедливый подход к трудящимся-мигрантам в глобальной экономике. Доклад VI. Международная конференция труда, 92-я сессия, 2004. – Женева: МОТ, 2004. – С. 3.

Несмотря на то, что трудящиеся-мигранты составляют не более 4,2 % от общей численности экономически активного населения развитых стран, значение трудовой миграции для ряда стран и отдельных отраслей экономики намного выше. Так, в 2004 г. трудящиеся-мигранты составляли почти 45 % экономически активного населения Люксембурга, около 25 % – в Австралии и 22 % – в Швейцарии⁵.

Значительную долю составляют трудящиеся-мигранты и в некоторых развивающихся странах (прежде всего странах Персидского залива). Так, в Кувейте 82 % экономически активного населения, в ОАЭ – более 90 %, в Саудовской Аравии – 56 %⁶.

Необходимо отметить, что многие страны являются как источниками одних категорий трудящихся-мигрантов, так и «странами назначения» для других категорий трудящихся-мигрантов. Например, Канада традиционно является «страной назначения» для значительного числа трудящихся-мигрантов, но направляет в свою очередь также большое количество работников, особенно обладающих высоким уровнем квалификации, в США; Таиланд принимает значительное число неквалифицированных иммигрантов из Мьянмы, Камбоджи и Лаоса, направляя в свою очередь своих граждан в такие страны, как Израиль, Япония и Тайвань. Россия в глобальных потоках трудовой миграции также выступает и как принимающая страна, и как страна-донор.

Миграция рабочей силы оказывает влияние на государственные финансы. И если для стран-импортеров рабочей силы это влияние в основном заключается в получении налоговых платежей и в расходовании средств, связанных с социальной защитой трудящихся-мигрантов, то для стран-экспортеров оно заключается прежде всего в формировании устойчивого канала валютных доходов стран-экспортеров рабочей силы, включающего денежные переводы мигрантов, доходы фирм-посредников и личное инвестирование мигрантов.

⁵ SOPEMI-2006. Trends in International Migration. – Paris: OECD, 2006. – P. 50.

⁶ Международная миграция и развитие // Доклад Генерального секретаря на 60 сессии Генеральной Ассамблеи ООН. А/60871. – Н.-Й., 2005. – С. 46.

Учитывая, что международная мобильность людей в поисках трудоустройства в условиях глобализирующегося мира будет только возрастать, «странам исхода» и «странам назначения» трудящихся-мигрантов необходимо проводить всестороннее, эффективное и справедливое управление трудовой миграцией.

Неуклонный рост и структурная непреодолимость нелегальной иммиграции

Одной из характерных тенденций развития международной миграции является *неуклонный рост масштабов нелегальной иммиграции*. Несмотря на активизацию реструктивной иммиграционной политики и принятие специальных законов, направленных на борьбу с нелегальной миграцией, ее масштабы не только не уменьшились, а, наоборот, значительно возросли.

Рост нелегальной иммиграции объясняется различными факторами. Но основным из них является то, что строгий контроль над иммиграцией при увеличивающемся разрыве в уровнях экономического развития между странами и существующей потребности в дешевой рабочей силе повышает, с одной стороны, стимулы к нелегальному въезду для работников, а с другой стороны – к использованию нелегальной рабочей силы для работодателей. В результате в странах с либеральной иммиграционной политикой, где остаются легальные возможности иммиграции (в том числе в Австралии, Канаде, США), нелегальная иммиграция является альтернативой для тех, кто не удовлетворяет критериям отбора, кто не готов к длительному ожиданию разрешения на въезд или для кого нелегальная иммиграция менее затратна; тогда как в странах с рестрикционной иммиграционной политикой, в которых возможности легального въезда или пребывания значительно ограничены (страны ЕС и др.), нелегальная иммиграция для большинства потенциальных мигрантов является практически единственным способом улучшить свое материальное положение. Все вышесказанное ведет к тому, что для многих стран нелегальная иммиграция стала характерным явлением современной действительности.

Оценить реальные масштабы нелегальной иммиграции практически невозможно. Различные косвенные методы позволяют дать лишь приблизительные оценки. Так, по оценкам ООН, ежегодно от 2,5 до 4 млн человек пересекают межгосударственные границы нелегально; помимо этого, ряды нелегальных иммигрантов пополняют лица, въехавшие в страну на законном основании, но затем оставшиеся в ней, нарушив условия пребывания. По разным данным, численность нелегальных иммигрантов в мире составляет от 10 до 15 % от численности «классических» международных мигрантов, в том числе в США нелегальных иммигрантов насчитывается от 10 до 15 млн человек, в странах Западной Европы – от 5,6 до 8,4 млн человек, в России – от 3,5 до 5 млн человек, в Японии – от 300 тыс. до 1 млн человек, на Ближнем Востоке – от 1 до 3 млн человек, в Южной Америке – от 1,5 до 6 млн человек и т. д.⁷

В последнюю треть XX в. – начале XXI в. проблемы нелегальной иммиграции становятся не просто злободневными, но и прямо связываются с ухудшением условий жизни коренного населения, ростом преступности, международного терроризма и другими негативными явлениями. Это стало особенно заметным после трагедии 11 сентября 2001 г. в США, когда основной темой стала проблема национальной безопасности и противодействие международному терроризму. Неслучайно в последние годы нелегальная иммиграция привлекает наибольшее вни-

⁷ Миграция населения: экономика и политика // Международная миграция населения: Россия и современный мир / под ред. В. А. Ионцева. – Вып. 18. – М.: ТЕИС, 2006. – С. 28–29.

мание со стороны руководителей развитых стран, международных организаций (ООН, МОМ, Европейский Союз, Совет Европы и др.), различных политических деятелей и ученых. Проблема нелегальной иммиграции не будет и не может быть решена до тех пор, пока на рынках труда «стран назначения» продолжают существовать ниши для незаконного трудоустройства, сохраняется заинтересованность работодателей и государства в существовании дешевой и бесправной иностранной рабочей силы, обеспечивающей снижение издержек производства, конкурентоспособность товаров, «экономия» на сфере социальной защиты. С другой стороны, экономическая ситуация в «странах исхода» нелегальных мигрантов остается постоянно действующим «выталкивающим» фактором. Все перечисленное обуславливает структурную непреодолимость нелегальной иммиграции.

Рост масштабов и расширение географии вынужденных миграций

Вынужденные миграции представляют собой совокупность территориальных передвижений населения, имеющих вынужденный характер, то есть обусловленных не зависящими от них причинами (политическими и национальными преследованиями, стихийными бедствиями, техногенными авариями, экологическими катастрофами, военными действиями и т. п.). К вынужденным мигрантам относят следующие основные категории: беженцы, перемещенные лица (вынужденные переселенцы), лица, ищущие убежища, экологические беженцы и др., для большинства из которых определяющими являются «выталкивающие» факторы, имеющие внезапный и угрожающий для жизни характер.

Рост масштабов и расширение географии вынужденной миграции (в частности, за счет стран СНГ, включая Россию) в последнее десятилетие XX в. – начале XXI в. являются результатом сохраняющихся и вновь возникающих очагов политической напряженности и экологических катастроф, войн и этнических конфликтов. По данным Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН), на 2006 г. в мире насчитывалось около 32,9 млн вынужденных мигрантов, из которых 13,9 млн человек относилось к беженцам, 12,8 млн человек – к внутренне перемещенным лицам и около 740 тыс. лиц, ищущих убежища.

Таблица 4

Динамика численности вынужденных мигрантов, подпадающих под юрисдикцию УВКБ ООН (в млн чел.)^{*}

	1985	1990	1995	2000	2006
Мир в целом	10,7	14,9	27,25	21,8	32,86
Европа	0,7	0,1	6,5	5,58	3,43
Россия				0,05	0,001
Африка	3,0	4,6	11,8	6,06	9,75
Азия	5,1	6,8	7,9	8,45	14,91
Латинская Америка и Карибский бассейн	0,4	1,2	0,1	0,58	3,54
Северная Америка	1,4	1,4	0,9	1,05	1,14
Австралия и Океания	0,1	0,1	0,05	0,08	0,09

Источник: данные УВКБ ООН. Интернет-источник. Режим доступа: <http://www.unhcr.org>

^{*} В эти данные не включены палестинские беженцы и некоторые другие категории вынужденных мигрантов (например, экологические беженцы).

Как видно из табл. 4, увеличение масштабов вынужденной миграции стало одной из тенденций, характеризующих современные международные миграционные потоки.

Увеличение значимости международной миграции населения в демографическом развитии мира

На протяжении большей части истории человечества изменение численности населения отдельных стран и регионов мира определялось преимущественно естественным приростом населения. Однако во второй половине XX в. роль международной миграции населения в демографическом развитии мира значительно увеличилась. При этом в развитых странах она является основной (а в некоторых и единственной) детерминантой увеличения численности населения, тогда как в развивающихся способствует снижению темпов прироста населения и уменьшению «демографического давления» (рис. 1).

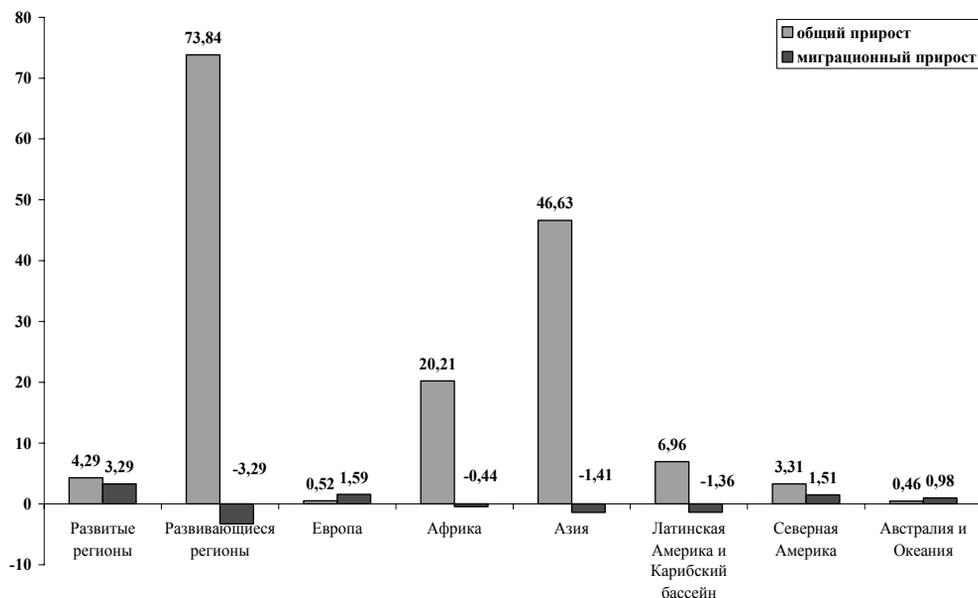

Рис. 1. Среднегодовой общий и миграционный прирост населения, 2000–2005 гг., тыс. чел.

Источник: World Population Prospects: the 2006 Revision. Population Database. – N.Y.: U. N., 2006 // Интернет-источник. Режим доступа: <http://esa.un.org/unpp/p2k0data.asp>

В целом в настоящее время около 77 % общего прироста численности населения в развитых странах обусловлено миграционным приростом (то есть международной миграцией) против 36 % в 1960-е гг. Во многих странах Европы (Германии, Италии, России и др.), где естественный прирост является отрицательным, рост населения осуществляется исключительно за счет положительного сальдо миграции. Международная миграция обеспечивает не просто увеличение общей численности населения развитых стран, но и способствует изменению его структуры, если учитывать

более молодую возрастную структуру мигрантов, а часто – иные, отличные от стареющего коренного населения демографические установки на многодетность. В связи с последним в 1990-е гг. получил развитие термин «замещающая миграция» («replacement migration»), характеризующий потенциал международной миграции в компенсации негативных тенденций демографического развития принимающих стран. Учитывая современные негативные тенденции демографического развития (прежде всего стремительное старение населения), развитым странам потребуется в рамках долгосрочной перспективы обеспечить существенный приток иммигрантов.

Особое значение в 1990-е гг. международная миграция населения приобрела в России, переживающей серьезный демографический кризис, став по существу единственной положительной компонентой ее демографического развития. Иммиграция в Россию, которая приняла разнообразные формы (вынужденная, добровольная, нелегальная), согласно данным текущего учета, составила за 1992–2002 гг. около 7 млн человек. Проведенная в 2002 г. перепись населения показала, что миграционный приток за межпереписной период (1989–2002 гг.) оказался существенно выше и составил около 11 млн человек. В результате миграционный прирост за 1992–2007 гг. превысил 3,8 млн человек и позволил «сгладить» почти на 35 % естественную убыль населения России, которая за эти годы составила около 12 млн чел. Вместе с тем в последние годы миграционный прирост значительно снизился. Так, в 2007 г. он составил всего 240 тыс. против 978 тыс. человек в 1994 г.

Двойственный характер миграционной политики

Двойственность миграционной политики – это характерная тенденция современного развития международной миграции населения, которая является во многом результатом всех вышеперечисленных тенденций.

На современном этапе развития можно выделить три уровня миграционной политики: *международный*, *региональный* и *национальный*. При этом двойственный характер миграционной политики отчетливо проявляется на всех трех уровнях: и на *международном* (как результат противоречий между интересами международных организаций и национальными интересами отдельных государств), и на *региональном и межгосударственном* (как существование противодействующих тенденций либерализации миграционных режимов внутри интеграционных региональных союзов и ужесточения их миграционной политики по отношению к гражданам третьих, не входящих в данное объединение, стран), и на *национальном уровне* (как противоречие между демографическими и экономическими интересами, с одной стороны, и соображениями политической и социальной безопасности – с другой).

Что касается миграционной политики России, то, с одной стороны, за 1991–2007 гг. была создана определенная законодательная база в области регулирования международной миграции, с другой стороны, в России до сих пор нет стратегического видения миграции как положительного явления. Двойственность миграционной политики России проявляется в том, что на высшем государственном уровне (в частности, в Посланиях Президента Федеральному Собранию РФ) провозглашается тезис о необходимости проведения осмысленной иммиграционной политики, привлечения из-за рубежа наших соотечественников и квалифициро-

ванных легальных трудовых ресурсов, тогда как на «исполнительном» уровне отношение государства к управлению миграционными процессами остается во многом полицейским, а сама миграция (как легальная, так и нелегальная) рассматривается прежде всего как угроза национальной безопасности России. И эта двойственность отношения к миграции (особенно русскоязычного населения из стран СНГ и Балтии), как и непонимание основных закономерностей международной миграции, привели к тому, что за эти годы так и не была принята Федеральная концепция миграционной политики.

Сохранение такой ситуации идет вразрез с интересами экономического и демографического развития России. Более того, Россия все более упускает возможность объединяющего экономического сотрудничества на постсоветском пространстве, в том числе и в области эффективного использования имеющегося трудового потенциала, обусловленного, в частности, различиями в демографическом развитии, устоявшимися экономическими связями, общностью языка и др. Потребность в миграционной политике, соответствующей реально складывающейся миграционной ситуации в России, ощущается все более отчетливо. Во многом поэтому в своем первом Послании Федеральному Собранию Д. А. Медведев отметил, что «своего совершенствования требуют и механизмы регулирования внешней миграции. Они должны наконец получить правовое оформление, адекватное потребностям нашей страны, масштабам самой миграции».

Обеспечение легитимного поля международной миграции в России и рациональное использование имеющейся у мигрантов квалификации может быть достигнуто только с помощью разумной, стратегически выверенной миграционной политики в отношении международной миграции, не допускающей триумфа националистического атавизма над логикой экономического развития.

ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

СОВРЕМЕННЫЙ МИР: НА ПОРОГЕ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

А. Н. Чумаков

Современный мир стоит на пороге серьезных испытаний, ибо под воздействием процессов глобализации он по всем основным параметрам общественной жизни стал единой, целостной системой, в то время как механизмов управления этим качественно изменившимся миром нет. Без создания такой системы управления человечество как целостный организм не имеет шансов на благополучное будущее.

В этой связи отметим, что попытки провести аналогии или исторические параллели между нарастающим современным кризисом и Великой депрессией 1929–1933 гг. в США неконструктивны, так как современные процессы имеют по сути своей иную природу и иной масштаб. Тогда кризис был *региональный* и усилий одного государства (США) в конечном счете было достаточно, чтобы его преодолеть. Теперь (и это впервые в истории человечества) кризис *глобальный*, когда многоаспектная глобализация не оставляет никаких шансов какой бы то ни было стране или народу безучастно наблюдать со стороны за происходящими событиями.

По сути, «первой ласточкой» действительно глобального кризиса стал Азиатский финансовый кризис 1997–1998 гг., когда существующие механизмы воздействия на мировую финансовую систему обнаружили свою неэффективность. Тогда ситуация выправилась, но, как видим, ненадолго. Теперь же все сложнее. И если опять на какое-то время обнаружится тенденция к улучшению положения дел, то обольщаться не стоит, ибо пока еще никто не готов к кардинальной перестройке международных отношений, чтобы создать систему управления как минимум мировым хозяйством (не говоря уже обо всех важнейших сферах общественной жизни). Такая задача не под силу ни одному государству (будь то США или другая страна) и даже нескольким из них, объединившимся, например, в «Большую восьмерку» или даже «двадцатку» наиболее развитых стран. В конечном счете, это может быть делом только абсолютного большинства человечества.

Но как ведет себя сегодня это большинство? Насколько приблизилось к пониманию того, что оно фактически уже столкнулось с опасностями общечеловеческого масштаба? Достаточно посмотреть в этой связи на тенденции изменения сознания мирового сообщества с позиции философии, которую можно рассматривать как квинтэссенцию общественной мысли. И прежде всего обратимся к Всемирным философским конгрессам, где достаточно четко просматривается вектор общечеловеческого сознания, направленного на осмысление наиболее важных

проблем современного мира. Заметим, что проводятся такие конгрессы один раз в 5 лет и проходят они в разных странах с 1900 г., а в их работе принимает участие, как правило, от 2 до 3 тыс. человек из большинства стран мира. В этом, 2008 г., состоялся уже XXII Всемирный философский конгресс, который впервые за всю их историю проходил в Азии – в Сеуле – с 30 июля по 5 августа, где среди 2200 участников из более 100 стран было и 166 философов из России.

Однако прежде чем по результатам упомянутого конгресса будем судить о том, «как современная общественная мысль реагирует на вызовы глобального мира, что она может предложить для их осмысления и решения», посмотрим на *динамику* изменения интереса к данной проблематике, сравнив этот конгресс с предыдущими. При этом возьмем последние 20 лет (с 1988 по 2008 гг.) и проанализируем научные программы пяти Всемирных философских конгрессов, состоявшихся в указанный период. Выбор этот не случаен, так как еще 20 годами раньше (в 1968 г.) был создан получивший затем широкую известность Римский клуб, своими исследованиями заложивший основы современной глобалистики и впервые показавший человечеству контуры глобального мира с его неведомыми прежде опасностями и проблемами. Таким образом, к концу 1980-х гг. глобальная проблематика прочно закрепилась на уровне широкого общественного сознания, в том числе и философского. С тех пор внимание к данной теме не ослабевало и даже продолжало нарастать, о чем говорят не только количество соответствующих секций, круглых столов, симпозиумов, но и основные темы Всемирных философских форумов. Заметим, что работа всех конгрессов проходит обычно в режиме 4 пленарных заседаний, 4 симпозиумов, нескольких специальных сессий, порядка 50 секций и примерно такого же количества круглых столов.

Итак, **XVIII конгресс**, состоявшийся в 1988 г. в Брайтоне (Англия), именовался «**Философское понимание человека**», и там спустя два десятилетия с момента создания Римского клуба глобальная проблематика нашла свое отражение на:

- *пленарном заседании* «Настоящее и будущее человечества»;
- *двух секциях*: «Глобальные проблемы экологии и будущая жизнь Земли», «Глобальные проблемы в свете системного анализа»;
- *трех круглых столах*: «Философия в постановке мировых проблем», «Философия и новая проблема ядерного самоуничтожения», «Человек и природа: проблемы коэволюции».

Сопоставляя названные заседания с остальными, мы видим здесь хотя еще и не слишком распространенную, но уже явную обеспокоенность мирового философского сообщества глобальными проблемами и будущим человечества.

Следующий, **XIX конгресс**, проходивший в 1993 г. в Москве, назывался «**Человечество на переломном этапе: философские перспективы**», где к теме нашего разговора прямо или косвенно имели отношение:

- *два пленарных заседания*: «Судьба технологической цивилизации» и «Новое мышление: традиции и инновации»;
- *симпозиум* «Возможна ли единая философия?»;
- *коллоквиумы*: «Человек и природа», «Проблема единства человечества в русской философии»;
- *секция* «Экология и будущее жизни на Земле»;

– *три круглых стола*: «Этика окружающей среды и устойчивое развитие в глобальных условиях», «Будущее третьего мира в глобальном веке», «Этические проблемы конфликта Севера и Юга».

Тут уже хорошо видно, как нарастает тревога за будущее жизни на Земле и растет обеспокоенность за все увеличивающийся разрыв в социально-экономическом развитии различных стран и регионов. Нетрудно заметить также, что до 1993 г. мировая философская мысль еще не употребляла термин «глобализация», а концентрировала внимание на глобальных проблемах современности, к тому же с явным акцентом на экологию.

На **XX конгрессе**, состоявшемся в 1998 г. в Бостоне (США) под названием **«Философия в воспитании человечества»**, произошло заметное усиление внимания к вопросам глобального характера, которые обсуждались на:

- *открытии конгресса* в докладе «Этика, религия и будущее человечества»;
- *пленарном заседании* «Философия и будущее образования»;
- *симпозиуме* «Глобальные вопросы преподавания философии»;
- *секции* «Философия и окружающая среда»;
- *круглых столах*: «Критические размышления о состоянии глобального сознания», «Возможна ли глобальная философия?», «Возможна ли глобальная этика?», «Философия природы и общества: проблемы теории и практики», «Самодентификация в интересующих и глобальных отношениях»;
- *наконец, на специальных сессиях*: «Философия в глобальном контексте: Индия и Тибет», «Философия в глобальном контексте: Япония и Китай», «Проблемы демократии в эпоху глобализации».

На этом Всемирном философском форуме обнаруживается уже не только значительно возросший интерес к глобальной проблематике по достаточно широкому спектру вопросов (от проблем окружающей среды до образования, этики и глобального сознания), но и впервые в научной программе конгресса встречается официальное употребление термина «глобализация».

Однако по-настоящему философы всего мира повернулись к *глобализации* на следующем – **XXI Всемирном философском конгрессе**, который прошел в Стамбуле (Турция) под названием **«Философия лицом к глобальным проблемам»** в 2003 г., то есть 35 лет спустя после того, как Римский клуб призвал мировое сообщество объединиться, чтобы совместными усилиями противостоять глобальным проблемам современности.

Поскольку основная тема этого конгресса была целиком посвящена глобальной проблематике, то уже не только отдельные пленарные и секционные заседания, круглые столы и специальные сессии были посвящены этому, но и многие другие заседания, обсуждавшие, например, проблемы философии науки, техники, образования, социальной и политической философии, рассматривались в связи с процессами глобализации, диалогом культур, появлением принципиально новых средств коммуникации.

Такой подход был инициирован также пленарными заседаниями, симпозиумами и специальными сессиями, тематика которых говорит сама за себя:

- «Глобализация и культурная идентичность»;
- «Права человека, государство и международный порядок»;

- «Насилие, война и мир»;
- «Глобальная федерация: предложение для XXI века» и т. п.

Примечательно, что наряду с активным употреблением термина «глобализация» множество заседаний было посвящено темам, в названии которых использовались такие понятия, как «глобальная система», «глобальная ответственность», «мировые проблемы», «глобальные институты», «глобальная справедливость», «глобальный капитализм», «глобальный век» и т. п.

Вместе с тем стоит отметить, что *философский анализ (по сравнению с предыдущими конгрессами) хотя и сместился в гуманитарную сферу, тем не менее, в немалой степени еще базировался на конкретных данных естествознания и точных наук. Философы также активно (хотя уже и в меньшей степени, чем прежде) использовали эмпирический материал, оперировали цифрами и фактами, подкрепляя для большей убедительности свои теоретические позиции и выводы.*

Но вот прошло еще пять лет. И что мы видим теперь? **XXII Всемирный философский конгресс**, состоявшийся в августе этого (2008) года в Сеуле (Южная Корея), был посвящен теме «*Переосмысливая философию сегодня*»¹.

Такое название было выбрано не случайно. На это обратил внимание уже президент Корейского организационного комитета профессор Мьун-Хьун Ли, который, открывая Конгресс, сказал: «Сегодня человечество находится перед лицом грандиозных перемен. Именно поэтому Конгресс проходит под названием “Переосмысливая философию сегодня”, чтобы отразить на философском уровне состояние философской мысли перед лицом глобальных проблем и опасностей для будущего цивилизации. Новая эра требует новой философии, новой грамматики мышления». Он также обратил внимание на то, что Первый Всемирный философский конгресс прошел в центре Европы (в Париже) в 1900 г., и вот теперь, спустя 108 лет, он впервые проводится в Азии – в Сеуле. Это отчетливо выражает тот факт, что западные и восточные философы наконец-то встретились лицом к лицу для проведения философского форума на интеллектуальном уровне, подчеркнул докладчик и добавил, что азиатская философия до последнего времени не включалась в понятие «западная философия», а сам термин «философия» рассматривался как синоним термина «западная философия». Однако XXII Всемирный философский конгресс обеспечил возможность для сосуществования западной и восточной философии под одним «зонтом» – «Мировая философия».

Затем с приветственным словом выступили: премьер-министр Республики Корея Сеун-Су Хан, президент Национальной Академии наук Кореи Тэ Кил Ким и президент Сеульского Национального Университета (где проходил конгресс) Джан-Му Ли. Все они так или иначе отмечали беспрецедентное влияние глобализации на современный мир и подчеркивали особую роль философии в осмыслении как природы глобальных процессов, так и порождаемых ими последствий.

Однако в нашем же контексте особого внимания заслуживает обращение к участникам конгресса Генерального директора ЮНЕСКО Коичиро Мацууры, который, в частности, сказал: «Глобальные проблемы современности подступи-

¹ Итоги XXII Всемирного философского конгресса см. в журналах: Вестник РФО. – 2008. – № 3(47); Вопросы философии. – 2009. – № 1.

ли вплотную к человечеству и требуют незамедлительного решения. Философы как никто другой в состоянии увидеть эти проблемы и должны попытаться выработать методiku их решения. Задача эта не из легких. И философы, и ученые отдельных государств разрозненно не в состоянии решить ее», – отметил он и выразил надежду, что «методологические, теоретические и практические разработки, которые будут выработаны на Всемирном философском конгрессе в Корею, помогут определить развитие человеческой цивилизации на ближайшие пять лет».

Отмеченные выступления задали соответствующий тон работе всего Конгресса. Однако чтобы увидеть перемены, которые произошли за последние пять лет в осмыслении процессов глобализации и ее последствий с позиции философии, посмотрим на тематику различных заседаний сеульского Конгресса.

На этот раз на одном из *пленарных заседаний* обсуждалась тема «Переосмысливая мораль, социальную и политическую философию: демократия, справедливость и глобальная ответственность».

Два из четырех *симпозиумов* также рассматривали глобальную проблематику. Один из них назывался «Глобализация и космополитизм», другой – «Биоэтика, этика окружающей среды и будущие поколения».

Еще одна *специальная сессия* была названа «Космополитизм».

Традиционной была *секция* «Философия природы».

А среди *круглых столов* следует выделить: «Контурь мира: глобализация, космополитизм и мировое гражданство», «Ценности и вера в Азии в условиях глобализации», «Культурный диалог между Востоком и Западом: прошлое и будущее», «Теория Роулса и глобальная справедливость», «Индийская философия и глобализация» и др.

Как видим, глобальная проблематика прочно вошла в круг основных вопросов, которые достаточно серьезно волнуют мировое философское сообщество. Это ощущение возникало у многих участников конгресса не только под влиянием общей программы и упомянутых тем различных заседаний, но и во время посещений других мероприятий, где, казалось бы, далекие от глобализации проблемы нередко так или иначе увязывались с ней.

Обобщая итоги последнего Конгресса, следует отметить, что и по составу участников, и по характеру обсуждавшихся проблем он заметно отличался от предыдущих тем, что на этот раз соотношение философов из стран Запада и Востока явно сместилось в сторону последних, а тематика многих заседаний была пронизана идеей возрастающей роли Востока. Несомненно, такому положению дел способствовало и то, что среди участников помимо большого числа корейцев и китайцев было много индусов, японцев, а также представителей едва ли не всех азиатских и многих африканских стран.

Также было легко заметить, что по сравнению с предыдущими конгрессами разговор о современных проблемах человечества оказался связанным в первую очередь не с конкретными цифрами, фактами и графиками, позаимствованными у естествознания и точных наук, а с их собственно философским осмыслением, когда на первый план вышли темы глобализации и космополитизма, граждан-

ского общества и мировой цивилизации, национальной идентичности и глобального мировоззрения.

При этом проблема **космополитизма** впервые была сформулирована так явно, а обсуждение было разносторонним и обстоятельным. И это только подтверждает, что **в осмыслении глобальной проблематики мировая философская мысль все больше поворачивается к вопросам мировоззренческого, этического плана**².

Данное обстоятельство является принципиальным в свете разрастающегося в настоящее время глобального кризиса, суть которого, как уже отмечалось, в том, что глобальный мир не имеет соответствующего ему управления. При этом важно подчеркнуть, что основу управления общественными процессами всегда, так или иначе, составляют *мораль и право*. Выступая в качестве «пряника» и «кнута», они неизменно обнаруживают себя в любой системе власти. Другими словами, вне морально-правового регулирования нет управления обществом.

И как же обстоит дело в современном мире, который вышел на такой уровень своего развития, что уже не может развиваться далее без должного регулирования (управления), опирающегося на соответствующие мораль и право?

Общечеловеческие ценности, глобальное мировоззрение, планетарная этика, глобальное сознание все более четко проявляются, дискутируются, обсуждаются. Во всяком случае, явно нарастает ощущение того, что это объективная необходимость, веление времени, наконец, условие выживания мирового сообщества в условиях многоаспектной глобализации, и Всемирные философские конгрессы это вполне убедительно показывают.

А вот глобального (не международного, то есть имеющего место между отдельными народами, а именно *глобального, всемирного*) права не существует, и его отсутствие все еще остается за пределами должного внимания. И дело не в том, что нет соответствующих правовых актов (написать их не так уж и сложно), а в том, что сегодня не существует глобальных механизмов, соответствующих структур приведения в действие таких правовых актов, со всеми вытекающими отсюда последствиями – принуждением к их исполнению и неотвратимым наказанием за неисполнение.

ООН (не говоря уже о других современных международных организациях) таковой возможностью не обладает, так как создавалась в свое время для других целей и задач – для предотвращения ужасов новой мировой войны и, надо заметить, с этой ролью справилась, более того, пока еще продолжает справляться. Иными словами, ООН – это «клапан для выпуска пара», но не орган управления мировыми процессами. Таким образом, мы вновь возвращаемся к давно поставленному на повестку дня вопросу о формировании мирового правительства или другого соответствующего органа, структуры и т. п., которые выполнили бы соответствующую функцию. В противном случае глобальное человечество окажется неуправляемым конгломератом со всеми вытекающими последствиями «войны всех против всех» (по Гоббсу).

² Заметим, что с момента создания Римского клуба прошло 40 лет. Таковую запоздалую реакцию на реальный ход событий я объясняю «эффектом позднего восприятия» (см.: Чумаков, А. Н. Метафизика глобализации. Культурно-цивилизационный контекст. – М., 2006. – С. 26–28).

Остается констатировать, что современный глобальный кризис, принципиально отличающийся от всех имевших место ранее, просто так не закончится. Завершиться он может только радикальной трансформацией международных отношений, и даже не перестройкой (перестраивать, собственно, еще нечего), а созданием принципиально новых структур управления глобальным сообществом. Будет ли это некое подобие конфедерации или еще какая-то поддающаяся управлению мировая система – не суть важно; принципиально то, что сама собой сложившаяся ситуация не разрешится, и если у человечества не достанет воли и разума найти согласованные решения, то, будучи саморегулирующейся системой, жизнь (биосфера) сама все поставит на свои места. Другими словами, если человечество не выйдет на уровень принятия адекватных своему глобальному статусу решений, то решение предложит матушка-природа, но вряд ли наилучшее из серии принципиально возможных.

ВОССТАНОВИТЕЛЬНОЕ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ – ОСНОВА УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

В. В. Дёжкин, В. В. Снакин, Л. В. Попова

Введение

Изменившийся благодаря человечеству «лик Земли» становится все чаще объектом тревожного анализа с позиции глобалистики. Один из первых примеров такого анализа – трактат Дж. Марша¹ – обратил внимание на необходимость разработки системы мер по противодействию отрицательным сторонам вызванных человеком изменений в природе Земли. Что произошло с биосферой за полтора столетия, минувших со дня появления этой книги, не является секретом ни для кого: различные проявления отрицательных антропогенных факторов описаны в десятках тысяч научных и публицистических работ, показавших, что биосфера и ее важнейшие компоненты понесли тяжелые утраты и получили подчас не поддающиеся лечению раны.

Изменение биосферных циклов вещества и энергии влечет за собой угрозу необратимого разрушения коренных экосистем и биосферы в целом (в России уже утрачена зона степей, на грани исчезновения находятся пойменные экосистемы европейской части страны). Планетарный климат претерпевает неблагоприятные изменения вследствие глобального потепления. Реальны перспектива загрязнения Мирового океана, разрушение его экологических систем и подтопление материков. В биосферу привнесена и увеличивается масса искусственно созданных и опасных для нее веществ. Налицо распространение радиоактивного загрязнения планеты. Многие виды важнейших минеральных ресурсов близки к исчерпанию. Уменьшается разнообразие экосистем Земли и биологических видов, что в ряде регионов привело к значительному оскудению флоры и фауны. Доля полностью нарушенных природных территорий Земли достигла 36,3 %. Резерв мало нарушенных территорий составляет лишь 27,0 % всей суши (безо льда и скал). Наконец, очень опасен социально-экономический фактор – усугубляющееся неравенство производства и потребления в развитых и развивающихся странах. «Золотой миллиард» претендует на овладение стратегическими ресурсами планеты и ведет себя очень агрессивно. Именно его намерениями вызваны в основном опасные крайности антиглобализма.

Но наряду с примерами вопиющего варварства в отношении природы (превращающейся во все более опасную «окружающую среду») в последние десятилетия человечество демонстрирует как примеры бережного, рачительного отноше-

¹ Марш, Дж. Человек и природа. Физическая география и ее изменения под влиянием человека. – Н.-Й., 1864.

ния к ее ресурсам, так и образцы восстановления полноценных экологических функций разрушенных ранее ландшафтов, включая восстановление биоразнообразия, почвенного покрова, гидрологической сети.

Наступил период обобщения этого положительного опыта в виде отдельного направления, которое может быть обозначено как «*восстановительное природопользование*», или «*экология природовозрождения*».

Восстановительное природопользование

Значительные обобщения положительной практики природопользования являются уже давно. Упомянем хотя бы замечательную книгу Ж. Дорста «До того, как умрет природа»². В ней приведены не только впечатляющие картины разрушения природы на разных континентах Земли, но содержатся глубокие мысли об основах конструктивного взаимодействия природы и человека: о создании особо охраняемых природных территорий (ООПТ), об успешных опытах акклиматизации (интродукции) растений и животных. Жана Дорста можно считать основоположником теории восстановления утраченных экосистем и их компонентов, которая в дальнейшем была обозначена как «восстановительное природопользование»³.

Практика восстановительного природопользования достаточно обширна. Известны тысячи мероприятий восстановительного характера, больших и малых. Некоторые из них имели огромные масштабы и серьезное биогеоценотическое и экономическое значение. Например, акклиматизация фазана на североамериканском континенте, начатая в XIX в., привела к тому, что эта птица гармонично вписалась в фауну большинства штатов и провинций, стала очень многочисленной и превратилась в ценный объект для охотников и в помощника для фермеров в борьбе с колорадским жуком. Другой пример – североамериканский грызун ондатра, которая при помощи человека заселила очень емкую пустующую экологическую нишу в водоемах Евразии, достигла высокой численности и стала играть заметную роль в водных экосистемах двух континентов.

Известны впечатляющие результаты применения комплексных мероприятий, когда человек сознательно и целеустремленно воздействовал на значительные участки биосферы с целью их восстановления. Это программа возрождения Великих озер в Северной Америке, возвратившая к жизни эти чудесные творения природы, а также многолетняя программа Службы охраны почв США по устранению широкомасштабной эрозии почв в зерновых штатах страны и восстановлению их плодородия⁴.

Таких примеров много, и они очень разнообразны. Конечно, они пока не могут полностью противостоять огромной разрушительной и деформирующей силе антропогенного воздействия на биосферу, но следует проанализировать их, привести в систему, выявить потенциал и наиболее эффективные приемы применения.

Обосновывая целесообразность выделения и становления восстановительного природопользования в качестве самостоятельного научного направления, мы обозначили его основные разделы (таблица).

² Дорст, Ж. До того, как умрет природа. – М.: Прогресс, 1968.

³ Дёжкин, В. В., Попова, Л. В. Основы биологического природопользования: учебное пособие. – М.: Модус-К; Этерна, 2005.

⁴ Беннет, Ч. Основы охраны почв. – М.: Изд-во ин. лит-ры, 1958.

Таблица

Система мероприятий восстановительного природопользования

Типы мероприятий	Мероприятия	Роль в природопользовании
1	2	3
<i>Мероприятия по улучшению естественных и оптимизации искусственных биоценозов</i>	Охрана через рациональную эксплуатацию	Замедление истощения биологических ресурсов планеты и деформации биосферы. Частичное восстановление нанесенного ущерба биосфере и реставрация поврежденных экосистем
	Охрана и восстановление генофонда организмов. Консервация зародышевого вещества	Сохранение редких и исчезающих форм растений и животных путем создания и ведения Красных книг; разработка и реализация программ восстановления отдельных форм организмов. Сохранение в переохлажденном виде зародышевого вещества животных, семян растений
	Лесокультурные мероприятия	Восстановление лесных ландшафтов после вырубок и пожаров, интенсификация побочных лесопользований, восстановление биоразнообразия, повышение биопродуктивности
	Охотохозяйственные, рыбохозяйственные, заповедные биотехнические мероприятия	Сохранение и повышение биопродуктивности охотничье-рыболовных угодий, создание новых массивов угодий, восстановление популяций, оказание помощи бедствующим животным
	Гуманизация отношения к диким животным	Повышение эффективности использования биоресурсов. Реабилитация эксплуатации диких животных в общественном сознании
	Акклиматизация и реакклиматизация диких растений и животных	Заполнение свободных и восстановление нарушенных (неполных) экологических ниш и экосистем, расширение ареалов хозяйственно ценных и редких форм животных
	Сохранение и восстановление диких видов в природе (<i>in situ</i>)	Сохранение и восстановление диких и адаптированных форм растений и животных на ООПТ, расселение их за пределами ООПТ
<i>Мероприятия по улучшению естественных и оптимизации искусственных биоценозов</i>	Сохранение и восстановление ценных растений и диких животных в неволе (<i>ex situ</i>)	Сохранение диких животных и растений в ботсадах, зоопарках, питомниках, специальных вольерах; использование генофонда для изучения, пополнения естественных популяций, экспонирования, гибридизации, интродукции
	Реализация Программы СИТЕС	Пресечение контрабанды живых организмов, конфискация и выхаживание жизнеспособных особей, организация их передержки и (при возможности) выпуска в естественные условия

Продолжение табл.

1	2	3
	Регуляционные мероприятия	Оптимизация соотношения численности и распределения в природных сообществах экосистем, а также видов (подвидов) растений и животных, регулирование нежелательных членов сообществ
<i>Мероприятия по улучшению почв</i>	Сохранение и восстановление плодородия почв	Повышение плодородия, расширение спектра пользования, увеличение числа видов организмов, увеличение ландшафтного разнообразия
	Противоэрозионные мероприятия	Замедление и прекращение водной, ветровой, химической эрозии почв, прекращение роста и стабилизация овражной сети, развитие экологической мозаики, увеличение биоразнообразия
	Прочие позитивные мелиорации	Расчистка, реставрация угодий, увеличение площади производительных земель для нужд сельского хозяйства, влагозадержание, мелкомасштабная ирригация
<i>Мероприятия по улучшению водных бассейнов</i>	Прогрессивные водные мелиорации	Рациональное распределение и расходование водных ресурсов, развитие поливного земледелия, осушение переувлажненных территорий, повышение продуктивности сельского хозяйства, улучшение экологической мозаики
	Охрана и восстановление водосборов	Восстановление бассейновой гидрографической сети, оптимизация системы гидротехнических сооружений, восстановление водно-болотных ландшафтов, увеличение численности наземных позвоночных животных и рыб
<i>Общие (комплексные) мероприятия по улучшению природопользования</i>	Создание и функционирование системы ООПТ	Сохранение и укрепление экологического равновесия. Поддержание коренных экосистем и их растительных и животных компонентов. Сохранение эстетики ландшафтов. Обогащение окрестных территорий полезными видами растений и животных. Создание благоприятных условий для рекреации
<i>Общие (комплексные) мероприятия по улучшению природопользования</i>	Рекультивация	Полное или частичное восстановление ландшафтов, разрушенных добычей и транспортировкой полезных ископаемых, интродукция адаптированных организмов
	Полезащитное лесоразведение	Повышение урожайности сельскохозяйственных культур, создание устойчивых систем земледелия, задержание почвенной влаги, увеличение биоразнообразия
	Вторичное природопользование	Внедрение принципов и методов ресурсо- и энергосберегающих технологий, сбор и вторичная переработка сырья, экономия биоресурсов

Окончание табл.

1	2	3
	Комплексные методы восстановления природы	Комплексное использование перечисленных выше мероприятий (в различных сочетаниях) в целях реставрации, охраны и развития природных территориальных комплексов
	Экологическое управление и обучение	Современные методы экологического менеджмента. Образование в целях устойчивого развития

Мероприятия по улучшению естественных и оптимизации искусственных биоценозов

Одно из главных условий восстановительного природопользования – эксплуатация ресурсов дикой природы таким образом, чтобы не нарушался их воспроизводственный потенциал и не возникала необходимость в специальных и дорогостоящих восстановительных мероприятиях. Этот принцип – «охрана биологических ресурсов через их разумную эксплуатацию» – провозглашен в Конвенции о сохранении биологического разнообразия (1992). Разумно эксплуатируемый ресурс должен, опираясь на механизмы экологической саморегуляции, самостоятельно восстанавливать свою численность до уровня эксплуатационной (промышленной). Знаменательно, что многие широкомасштабные виды человеческой деятельности давно и с успехом используют этот принцип.

Учение российских лесоводов Г. Ф. Морозова и Н. С. Нестерова, выдвинутое в конце XIX – начале XX в., учение о неистощительном, вечном лесопользовании, на первое место выдвинуло охрану ресурсов, а практический результат – на второе. По сути, родилась важнейшая наука о неистощительной эксплуатации всех биологических природных ресурсов. Экономический эффект от ее применения в масштабах Земли определяется в сотни миллиардов, если не в триллионы, долларов.

Сохранение и восстановление генофонда растений и животных. Дикие растения и животные – важнейшие звенья Великого биологического круговорота, обеспечивающие продуцирование и циркуляцию основной биомассы биосферы, производство необходимой человеку продукции, устойчивость экологических систем, высокие эстетические достоинства ландшафтов. Генофонд растений и животных понес и несет огромные потери от неупорядоченной деятельности человека. Только за 1600–1975 гг. потеряно минимум 267 форм млекопитающих и птиц⁵. Причины исчезновения организмов – разрушение и деградация местообитаний, переэксплуатация, неблагоприятное влияние интродуцированных видов и другие факторы.

Человечество предприняло и предпринимает разнообразные меры по сокращению и предупреждению угроз биоразнообразию. Сохранение и использование генофонда растений и животных регламентируется совокупностью законодательных, правовых и нормативных документов, содержащих конкретные принципы и методы охраны, эксплуатации и восстановления ресурсов растительного и животного мира.

⁵ Банников, А. Г., Флинт, В. Е. Мы должны их спасти. – М.: Мысль, 1982.

С позиций восстановительного природопользования нас особенно интересуют охрана и восстановление редких и исчезающих видов, в сущности, вышедших за пределы ведомственной регламентации. Важнейшим шагом в этом направлении стала *Красная книга МСОП*, в которую вошли (с постепенным нарастанием охвата) формы растительного и животного мира, сохранение которых имеет международное значение. Эта книга непрерывно корректируется на основе изменений, происходящих в растительном и животном мире Земли. Благодаря ей выведены из категории «угрожаемые» многие формы растений и животных.

Необходимым дополнением к Красной книге МСОП стали национальные Красные книги, которые могут учитывать конкретные обстоятельства и планировать защитные мероприятия с гораздо большей степенью эффективности и реальности.

В России имеется два выпуска Красной книги, посвященной животным (1983, 2000), и один – растениям (1988). При этом процесс дифференциации Красных книг продлился вплоть до республик, областей, краев и даже крупных административных районов, что не всегда одобрительно было встречено учеными и природоохранной общественностью⁶. Красные книги сыграли первичную положительную роль в охране генофонда растительного и животного мира России. Без этого природоохранного инструмента мы не смогли бы сохранить амурского тигра, дальневосточного и переднеазиатского леопардов, ирбиса и некоторых других редких животных.

Гуманизация отношения к диким животным, в том числе и эксплуатируемым, является одним из исходных принципов восстановительного природопользования. Его объектами не могут быть животные, добываемые с нарушением этических норм. Соблюдение этого принципа, помимо всего прочего, способствует увеличению ресурсов диких животных – объектов хозяйствования. Однако гуманные подходы должны быть строго выверенными и не наносить ущерба важным традиционным занятиям населения.

В основу современной гуманистической концепции должно быть обязательно заложено представление о том, что животные – глубоко чувствующие существа, их жизнь заслуживает всяческого уважения, но в мировой иерархии основополагающих ценностей она должна находиться вслед за жизненными ценностями человека. «...Есть экологическая этика необходимого, но есть экологическая этика идеального. В своих отношениях с природой мы должны стремиться к этике идеального, но всегда следовать этике необходимого»⁷.

Осуществление идей и принципов «охраны через рациональную эксплуатацию» возможно лишь при *оптимизации состояния и деятельности каждой отрасли природопользования* и интеграции усилий во всей подсистеме биологического природопользования. К главным отраслевым и общим принципам оптимизации относятся:

- наличие кадастров основных (желательно дополнительных и сопутствующих) ресурсов каждой отрасли;
- современная экономическая оценка этих ресурсов;
- определение объема биологического и эксплуатационного урожая основных ресурсов;

⁶ Горбатовский, В. В. Красные книги субъектов Российской Федерации. – М.: НИИ-Природа, 2003.

⁷ Brinbacher, D. A. A Priority Rule for Environmental Ethics // Environmental Ethics. –1982. – Vol. 4.

- экономические показатели производства при различных уровнях урожайности, а также кадрового и технического обеспечения;
- влияние основных методов (способов) производства на состояние окружающей среды и на биологические ресурсы смежных отраслей природопользования;
- возможности и способы экологической, природовосстановительной оптимизации отрасли;
- научно обоснованная система отраслевого управления, сохраняющая возможности интеграции и комплексирования.

Для достижения перечисленных целей необходимы разработка, апробация и внедрение законченной системы эколого-экономических и природовосстановительных критериев. Эффект выразится в сохранении и реставрации миллионов гектаров земельных угодий с высокой биологической продуктивностью и экономической производительностью, в повышении экосистемного и организменного биоразнообразия.

С экологических позиций *биотехнические мероприятия* – это целенаправленное перераспределение потоков вещества и энергии в экосистемах, привнесение в охотничье-рыболовные угодья новой биомассы и источников энергии с целью повышения их продуктивности, увеличения биоразнообразия и биомассы промысловых животных и водных биоресурсов⁸. С прикладной точки зрения это совокупность приемов, предназначенных для спасения диких животных и улучшения условий их жизни, для сохранения, повышения и восстановления биологической продуктивности лесных и охотничье-рыболовных угодий. Они применяются в охотничьем (охотохозяйственная биотехния), рыбном (рыбохозяйственная биотехния) хозяйствах и в заповедном деле (заповедная биотехния). Биотехнические мероприятия могут быть направлены непосредственно на животных и на среду их обитания. Наибольший эффект дают усилия по устранению или смягчению лимитирующих факторов среды и по сохранению и восстановлению экологической мозаики ландшафтов с целью максимального использования «эффекта опушки». Разумному применению биотехники обязаны своими выдающимися показателями охотничьи хозяйства Канады, США, Франции, Великобритании, Германии и других стран.

Лесокультурные мероприятия. В лесном хозяйстве России большое внимание уделялось восстановлению и расширению лесного фонда. За 150 с лишним последних лет площадь посевов и посадок составила в стране почти 50 млн га; за 1992–1995 гг. было создано около 7 млн га новых лесов⁹. Ежегодно выращиваются миллионы стандартных семян и саженцев, продолжают работы по формированию единого генетико-селекционного комплекса, закладываются лесосеменные и маточные плантации, постоянные лесосеменные участки и т. д.

С позиций восстановительного природопользования лесокультурные мероприятия за некоторыми исключениями следует оценить весьма положительно, так как они способствовали восстановлению и созданию лесных ландшафтов, обладающих высокими продуктивностью и биоразнообразием, депонирующих углерод, продуцирующих кислород и древесину, украшающих ландшафт.

⁸ Дёжкин, В. В. Научные основы рационального использования, охраны и воспроизводства ресурсов охотничьих животных. Научный доклад на соиск. уч. ст. д-ра биол. наук. – М., 1989.

⁹ Редько, Г. И., Редько, Н. Г. История лесного хозяйства России. – СПб.; М.: МГУЛ, 2002.

Начало *полезацинтному лесоразведению* в России положено в основном трудами В. В. Докучаева, под руководством которого были созданы массивы леса в Каменной степи. В XIX в. появилось сознание того обстоятельства, что лесные насаждения в засушливых регионах могут предотвращать эрозию почв, создавать преграду суховеям, способствовать влагозадержанию и росту урожаев на полях, обогащать животный мир. В послевоенные годы в СССР создавалась государственная система полезацинтных насаждений с мощными тысячекилометровыми защитными полосами и сетью местных колхозных полос, к сожалению, постепенно разрушающихся.

Акклиматизация и реакклиматизация. В первом случае новые организмы завозятся (интродуцируются) вне их ареала, во втором – организмы возвращают в границы исторических ареалов. Оба процесса протекают сложно, в них могут выделяться различные этапы. Известны десятки тысяч фактов вселения организмов в новые для них ареалы, причем с самыми различными, часто непредсказуемыми результатами.

Расселение организмов по земному шару в древние и средние века происходило в основном стихийно и было связано с пространственными перемещениями человека. Оно резко активизировалось в период Великих географических открытий. В это время вместе с человеком совершали дальние переезды большинство видов сельскохозяйственных животных, его домашние спутники (собаки, кошки), назойливые попутчики (крысы, мыши и т. д.). Большое значение имел перенос элементов микрофауны, которым часто принадлежит основная роль в нарушении биологического равновесия. Особое значение имеет перенос и интродукция микроорганизмов почвы.

Колоссальны масштабы акклиматизации растений. Согласно Ж. Дорсту (1968), в Западной Европе не сохранилось ни одной естественной растительной группировки. Из 40 видов основных кормовых злаков, которые были внедрены человеком в различных частях света, 24 происходят из Евразии, 8 – из Восточной Африки, 4 – из Южной Америки, 4 – из других регионов. В садоводстве используется не менее 20 тыс. видов интродуцированных декоративных растений. Растения-акклиматизанты во всем мире создают основу растениеводства, луговодства и садоводства.

Человек акклиматизировал огромное число животных, диких и домашних. К ним относятся насекомые, моллюски, рыбы и другие водные животные. Отмечено, что случайная интродукция насекомых – переносчиков инфекций – имела в ряде случаев тяжелые последствия для населения. Обыкновенный скворец был акклиматизирован в Северной Америке, Южной Африке, Австралии, Новой Зеландии, причем с различными экономическими и экологическими последствиями. Наглядна история акклиматизации в мире дикого кролика, начатая еще около 230 г. до н. э., с ее общеизвестным австралийским этапом.

Огромны масштабы акклиматизации зверей и птиц – объектов охоты. По состоянию на середину 60-х годов прошлого столетия в пределах Северной Америки было расселено более 18 тыс. диких копытных животных, относящихся к 28 видам. В 33 штатах США интродуцировали более 16 тыс. особей дикой индейки, вследствие чего ее численность в лесах США достигла 5 млн. Популяция канадского бобра в начале XX в. составляла менее 10 тыс. особей. В 40–50-е гг. прошлого столетия в 22 штатах было отловлено и выпущено в новые места более 50 тыс. животных; в настоящее время в США обитают от 6 до 9 млн бобров.

В СССР по 1975 г. включительно было выпущено в целях акклиматизации и реакклиматизации около 500 тыс. пушных зверей, около 18 тыс. копытных животных (в том числе 3076 пятнистых и 4620 благородных оленей), примерно 350 тыс. охотничьих птиц¹⁰. Положительный эффект имела реакклиматизация бобра, сурка, соболя, благородного оленя. Чрезвычайно перспективно продолжение и расширение работ по акклиматизации овцебыка, для которого на севере Евразии имеется огромная пустующая ниша.

Необходимо проведение всемирной ревизии итогов целенаправленного и попутного (случайного) перемещения организмов, отбор организмов, перспективных для дальнейшего расселения, составление согласованной Всемирной программы акклиматизации и реакклиматизации.

Регуляционные мероприятия – научно обоснованные действия, предпринимаемые на территориях заповедников, национальных парков и заказников, а также в высокоорганизованных охотничье-рыболовных хозяйствах для изменения или сохранения численности отдельных биологических видов, подвидов и популяций, сохранения и восстановления структуры природных экосистем, обеспечения экологического баланса и естественного хода природных процессов и явлений.

Научно обоснованные регуляционные мероприятия возвращают разбалансированным экосистемам полную способность к экологической саморегуляции и снимают напряженность, возникающую вследствие неоправданного доминирования тех или иных видов, способствуют нормализации отношений между эксплуатируемыми и охраняемыми территориями.

Содержание и восстановление диких животных в зоосадах и зоопарках (сохранение ex situ) способствовало сохранению многих видов и подвидов диких животных. Основная функция зоосадов и зоопарков – экспозиция животных в условиях, имитирующих натуральные, ознакомление массовых посетителей с особенностями их экологии и поведения, а также проведение систематических научных наблюдений. В некоторых случаях они являются репродукторами редких и даже уникальных животных. В Московском зоопарке, созданном в 1864 г., содержится свыше 6 тыс. животных, относящихся к 972 видам и подвидам (2000 г.).

Для охраны растительного мира важную роль играют *ботанические сады и дендрологические парки*. В России насчитывается около 90 ботанических садов, основу которых составляют живые растения, выращиваемые в открытом грунте и оранжереях. В крупнейших ботсадах (РАН, МГУ и др.) сосредоточено до 20–30 тыс. растений. Ботсады и дендрарии играют большую роль в растениеводстве и селекции, декоративном садоводстве, ландшафтной архитектуре, восстановлении биоразнообразия.

Разведение диких животных. В сравнении с общим числом существующих животных сегодня одомашнено очень мало животных (около 20 видов млекопитающих из 4500 и только дюжина птиц из 10000). Некоторые из них были одомашнены в далеком прошлом. По сравнению с древними обществами современный человек сделал еще не очень много попыток одомашнивания новых видов животных. Установлено, что большинство домашних животных могут вернуться в

¹⁰ Павлов, П. М. Акклиматизация охотничье-промысловых зверей и птиц в СССР. – Киров: РАСХН, 1993–1999.

дикую природу как дикие виды, демонстрируя, что одомашнивание – это не постоянное состояние, а многие дикие виды могут быть одомашнены¹¹.

Вольерное животноводство, особенно разведение различных видов и подвидов оленей, получает в последние десятилетия все более широкое распространение. Северные олени в России, Скандинавии и в штате Аляска (США) составляют приблизительно 63 % общего количества разводимых оленей. Полувольное оленеводство до сих пор является основой экономики многих малых северных народов, продукция его оценивается миллионами долларов.

В России известно о 16 питомниках для разведения редких и исчезающих форм млекопитающих: зубра, горала, армянского муфлона, кабарги, джейрана, винторогого козла, бухарского оленя, выхухоли и др. К сожалению, большая часть этих питомников прекратила свое существование.

Содержание диких животных в вольерах способствует надежной охране генофонда редких и исчезающих форм животных, а в некоторых случаях поднимает их численность до эксплуатационного уровня; позволяет частично заменять традиционные сельскохозяйственные виды дикими (или полудикими, лучше приспособленными к местным экологическим условиям); дает в руки человека управление популяциями хозяйственно ценных видов животных, тем самым реализуя принцип «охрана через разумную эксплуатацию»; позволяет избегать перевыпаса; значительно увеличивает ассортимент продукции животноводства; соответствует интересам коренного населения, обеспечивая его рабочими местами и потребительской продукцией.

Дикая природа становится важной частью *туристической индустрии*. Эта категория туризма ориентирована на наблюдение дикой природы и широко распространена на разных континентах. Дикие животные являются важнейшим объектом визуализации, с ними связаны главные доходы в США, где насчитывается 35246 тыс. любителей-рыболовов, 13975 тыс. любителей-охотников и 62868 тыс. наблюдателей за дикими животными в естественных местообитаниях. Общие затраты на природоохранную рекреацию составляют 87,6 млрд долларов в год, налоги в штатные и федеральный бюджеты – около 10 млрд долларов¹².

Естественное *воспроизводство рыбы и морепродуктов* все в меньшей степени удовлетворяет потребности многих стран. Душевое потребление рыбы упало в России за последнее десятилетие с 22–25 до 12,5 кг/год. Благодаря развитию *аквакультуры* лидируют Китай, Норвегия, Япония, Исландия и другие страны. Объектами аквакультуры являются рыбы ценных видов, кальмары, гребешки, креветки, мидии и другие водные организмы, имеющие высокую биопродуктивность и хорошую «окупаемость»орма.

В России давно уже существует прудовое рыболовство, в котором процесс разведения и снятия урожая рыбы находится в руках человека. По современным представлениям, это пресноводная аквакультура. Рыбники занимаются искусственным воспроизводством рыбных запасов, которое должно хотя бы частично восполнить ущерб от хозяйственной деятельности.

Криоконсервация зародышевого вещества редких видов (глубокое замораживание) – наиболее эффективный и перспективный способ консервации геномов.

¹¹ Chardonnet, Ph. et al. The Value of Wildlife // Rev. sci. Et. techn. Off. Int. Epiz. – 2002. – Vol. 21. – № 1. – P. 15–51.

¹² Statistical Abstract of the United States 1998: The National Data Book. – Washington, 1998.

Удается замораживать и хранить в жидком азоте при температуре -196°C (по индивидуализированным методикам) половые клетки, гонады, многие соматические клетки ранних зародышей и ряд органов животных, а также семена, пыльцу и меристему растений. Методики замораживания сперматозоидов, впервые осуществленного в 1949 г., разработаны для более чем 80 видов млекопитающих, 10 видов птиц, некоторых рептилий, амфибий, рыб, иглокожих, моллюсков, ракообразных. В большинстве стран существуют банки спермы быков. В последние годы большое внимание уделяется замораживанию стволовых клеток. В мире имеется около 100 криобанков для консервации стволовых клеток, содержащих около 100 тыс. образцов. Замораживание семян растений испытано более чем на 800 видах, причем установлено, что можно успешно замораживать семена, которые выдерживают без потерь всхожести высушивание до 6–10 % остаточной влажности¹³.

С давних времен дикие растения и животные, а также их ценные для человека части были объектами международного обмена и торговли. В наши дни оборот капиталов в сфере контрабанды «живого товара» составляет миллиарды долларов и находится на втором месте после доходов от торговли наркотиками. В целях противодействия контрабанде, угрожающей множеству редких видов и подвидов диких животных и растений, в 1973 г. в Вашингтоне была подписана *Конвенция о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения (СИТЕС)*. Конвенция охватывает около 40 тыс. видов животных и растений и их дериватов и требует участия квалифицированных зоологов, ботаников, ветеринаров, работников таможенных служб. Объектами браконьерской добычи ради незаконного экспорта являются слоны и носороги (Африка), птицы (преимущественно Латинская Америка), в том числе ловчие (азиатские страны СНГ), рептилии (некоторые страны Африки и Латинской Америки). Очагом браконьерской добычи и торговли редкими видами млекопитающих в России является Дальний Восток, где охотниками из Китая и Кореи преследуются тигр, дальневосточный леопард, белогрудый медведь и другие ценные виды животных.

Мероприятия по улучшению почв

От состояния и *плодородия почв* зависит состояние растительного и животного мира. Игнорирование этой известной аксиомы, ориентация на узкоцелевые программы приводят к неудачам в различных сферах природопользования.

Широкое распространение монокультур в США вызвало масштабную эрозию почв и возникновение весной 1934 г. страшных пыльных бурь на Великих равнинах. В 1935 г. была создана Служба охраны почв, ответственная за состояние почвенного покрова этой страны. Ее основатель и идеолог Ч. Беннет с самого начала ориентировал структуры этой службы на широкое, комплексное решение проблемы, при котором в поле зрения специалистов были не только собственно почвы, но и водные ресурсы, растительный и животный мир, сельскохозяйственные ландшафты в целом¹⁴.

Американцам удалось при помощи обширной системы различных регуляций превернуть Великие равнины из рассадника пыльных бурь в цветущую и высокопродук-

¹³ Консервация генетических ресурсов. Методы, проблемы, перспективы: сборник научных трудов / под ред. Б. Н. Вепринцева. – Пушино: ПНЦ АН СССР, 1991.

¹⁴ Беннет, Ч. Указ. соч.

тивную сельскохозяйственную область континента. Главная черта этих регуляций – конкретность и комплексность. Для каждого фермерского землевладения разрабатывалась программа, учитывающая экологические возможности земли и экономические возможности фермера (многие из них получили помощь от государства).

В России свыше 116 млн га сельхозугодий составляют эрозионно опасные и подверженные водной и ветровой эрозии земли, в том числе 53,6 млн га – эродированные почвы. Овраги занимают более 2 млн га, площадь заовраженных земель – свыше 5 млн га. Для борьбы с почвенной эрозией в России ориентируются на рациональную противозерозионную организацию территории зон, подзон, районов и хозяйств, которая подразумевает установление оптимального соотношения сельскохозяйственных угодий; повышение продуктивности, рациональное использование и охрану от эрозии естественных кормовых угодий; организацию лесного хозяйства; рациональную организацию местного водного хозяйства. Проводятся агротехнические *противозерозионные мероприятия* – плоскорезная обработка земли; введение почвозащитных севооборотов с полосным размещением посевов и паров; применение удобрений; залужение сильно эродированных земель, террасирование склонов, мульчирование стерни и т. д. Значительно увеличивается протяженность внутренних опушек, мозаичность стадий. Почти каждое из этих мероприятий положительно сказывается на состоянии животного мира¹⁵.

Мелиоративные мероприятия – мощное средство воздействия на продуктивность наземных и водных экосистем. Не все из них благоприятно сказываются на состоянии биологического разнообразия, ибо имеют преимущественно хозяйственные экономические цели. Тем не менее, экологически обоснованная мелиорация может являться нашим союзником в природоохранных делах.

Мелиорацию земель в широком смысле следует рассматривать как направленное улучшение свойств географической среды с целью максимального использования природного потенциала земель, вод, климата, рельефа, растительности. К мелиоративным мероприятиям относят: орошение (ирригация) и осушение, внесение минеральных и органических удобрений, коренное улучшение химических свойств почвы (известкование кислых почв, гипсование засоленных почв), насаждение лесных защитных полос, укрепление сыпучих песков и оврагов, расчистку кустарников, корчевание пней, удаление камней, улучшение рельефа, микроклимата полей, фитомелиорацию, сидерацию, электромелиорацию, улучшение гидротермического режима почв благодаря снегонакоплению и др.

В 1966 г. в СССР была принята программа широкой мелиорации земель, которая рассматривалась как важнейшее звено в системе мероприятий по интенсификации сельского хозяйства. В государственные пятилетние и годовые планы включались колоссальные цифры по осушению и обводнению земель, исчисляемые миллионами гектаров. Конструировалась и выпускалась специальная мощная мелиоративная техника, создавались мелиоративные станции и отряды.

Колоссальными в СССР были масштабы работ по освоению целины. Общая площадь освоения, начиная с 1954 г., составила почти 45 млн га. Но одновременно происходило сокращение пашни в обжитой европейской части страны. За 1954–1959 гг. преимущественно из-за отсутствия необходимых ресурсов здесь выпало из

¹⁵ Дёжкин, В. В., Снакин, В. В. Заповедное дело. Словарь-справочник. – М.: НИИ-Природа, 2003.

сельскохозяйственного оборота свыше 13 млн га пашни¹⁶. Целина почти полностью была отдана под пшеницу. Степные ландшафты уничтожались и вскоре исчезли.

В настоящее время большинство мелиоративных систем России не работают, быстро вышли из строя. Осушены и изуродованы тысячи прекрасных пойменных водоемов- стариц, «спрямлены» (и лишены выработанных веками свойств) тысячи рек и ручьев. Пострадали богатство и красота природы.

В 2005 г. в Российской Федерации во всех категориях земель имелось 11,3 млн га мелиорируемых угодий, из них 9,3 млн га – сельскохозяйственные угодья. Орошаемые сельскохозяйственные угодья занимали площадь 4,5 млн га, осушаемые – 4,8 млн га. Хорошее мелиоративное состояние земель наблюдалось на 3,1 млн га угодий, удовлетворительное – на 4,6 млн га и неудовлетворительное – на 3,6 млн га. Общая площадь, на которой требуется улучшение земель и технического уровня мелиоративных систем, составила 5,4 млн га. Более 50 % осушаемых земель находится на северо-западе России; состояние мелиорированных земель данного региона преимущественно неудовлетворительное¹⁷.

Но – парадокс – сама идея разумной мелиорации не пострадала. Она с полным основанием относится к восстановительному природопользованию. Только осуществлять ее надо ювелирно, с умом, а не с разрушающим топором. В будущем необходимо при планировании освоения новых сельскохозяйственных земель создавать ландшафтно-производственную мозаику, в которой наиболее плодородные земли были бы заняты посевами зерновых культур; легкие развеваемые почвы оставлены для нужд традиционного скотоводства (с соблюдением норм выпаса) и диких степных животных; многочисленные и богатые рыбой и дичью степные озера сохранены для нужд рыбного и охотничьего хозяйств; околопоселковые территории оставлены под сады, искусственные леса, регулируемые водоемы, рекреационные объекты; развита система полезащитных, приовражных и прибалочных полезащитных насаждений, особенно необходимых в регионах с неустойчивым климатом и сильными ветрами; часть типичных степных и лесостепных ландшафтов обязательно оставлена под природные заповедники, природные парки, памятники природы, заказники, территории щадящего природопользования.

Устройство земельных угодий как компонент природоустройства. Исторически те или иные участки территории различных государств попадали во владение (пользование) землевладельцев (землепользователей), представлявших различные направления и формы природопользования. Далекое не всегда они соответствовали почвенным, климатическим, социально-экономическим условиям данных регионов.

В России на 1 января 2000 г. из общего запаса земель в 1709,8 млн га земли сельскохозяйственного назначения составляли 440,1 млн га, земли лесного фонда – 1059,8 млн га, земли водного фонда – 27,8 млн га, земли особо охраняемых природных территорий – 31,7 млн га, земли запаса – 114,4 млн га и т. д.¹⁸ В процессе природоустройства упомянутые несоответствия могут быть устранены и эффективность использования земель значительно повышена.

¹⁶ Петриков, А. В., Галас, М. Л. Сельское хозяйство России в XX веке // Россия в окружающем мире. – 2001. – С. 52–79.

¹⁷ Государственный доклад о состоянии и охране окружающей среды Российской Федерации в 2006 г. – М., 2007.

¹⁸ Снакин, В. В., Рыбальский, Н. Г., Хрисанов, В. Р. и др. Природные ресурсы и экология России: Федеральный атлас. – М.: НИИ-Природа, 2002.

Мероприятия по улучшению водных бассейнов

В XIX в., обследовав бассейн небольшого притока Дона, реки Тихой Сосны, В. В. Докучаев констатировал интенсивное «увядание» речной системы. По его мнению, за предыдущее столетие бассейн Тихой Сосны потерял до половины своих постоянных и временных водотоков, что очень сильно сказалось на состоянии самой реки. В наше время при обследовании почти любой реки Центральной России можно обнаружить сотни умерших притоков, обмеление основного русла.

Вполне оправданы попытки остановить этот опасный процесс и возродить к жизни утраченные водоемы и жизнь в них и их поймах. В США огромная и разнообразная работа по восстановлению и обогащению сельскохозяйственных ландшафтов проводилась в рамках Программы по водосборным бассейнам. Служба охраны почв контролирует совместно с другими ведомствами изучение рек и водоемов, сооружение плотин и водохранилищ для борьбы с наводнениями, водоснабжение, организацию отдыха, охрану и улучшение среды обитания животных, оказание помощи фермерам и местным организациям по проектированию водохозяйственных объектов. «Отработав» один достаточно крупный приток речной системы, переходят на другой, добиваясь восстановления всего «речного дерева». В финале каждой такой восстановительной эпопеи ее организаторы получают восстановление водного баланса региона, полноводные реки с их притоками, богатый растительный и животный мир, улучшение условий для жизни и рекреации, красивые ландшафты.

Крупные *водохранилища*, помимо развития гидроэнергетики и водного транспорта, водоснабжения, орошения, борьбы с наводнениями, благоустройства территории, оказывают существенное влияние (не всегда положительное) на климат в прибрежной полосе. Среди наиболее отрицательных воздействий водохранилищ – затопление, заболачивание и подтопление земель, абразия и др. В России имеется 2290 средних и крупных водохранилищ объемом более 1 млн м³ каждое, в том числе 103 – крупнейших (свыше 100 млн м³ каждое).

Строительство плотин сопровождалось переселением за последние полвека 30–60 млн человек, затоплением ~400 тыс. км² самых плодородных земель и ценных лесов, гибелью пресноводных рыб. Все это стало причиной проведения каждого 14 марта Международного дня действий против плотин. За последние 20 лет в США ликвидировано более 250 плотин, причем свыше 100 из них в 2000–2005 годах¹⁹.

Таким образом, регулирование водосборов также с полным основанием относится к восстановительному природопользованию. Однако осуществлять его нужно очень осторожно с применением самых современных технологий, ограниченных тысячелетним опытом мирового земледелия.

Общие (комплексные) мероприятия по улучшению природопользования

Создание и функционирование системы охраняемых природных территорий – важнейшее мероприятие в системе восстановительного природопользования. Задачи государственных заповедников в России постепенно эволюционировали от охраны и изучения отдельных видов животных, преимущественно охотничьих (выхухоль, бобр, соболь и др.), до сохранения цельных природных общностей, биогеоценозов. Ныне это территории с самой большой долей «нетронутой, дикой

¹⁹ Снакин, В. В. Экология и природопользование в России: Энциклопедический словарь. – М.: Academia, 2008.

природы», что делает их особо ценными с природоохранной и биогеоэкологической точек зрения. Примерно в том же направлении эволюционировали и другие категории ООПТ, хотя удельный вес нетронутой природы в них гораздо ниже, чем в заповедниках.

К природовосстановительным функциям ООПТ относится прежде всего группа резерватных, включающая ресурсоохранную (сохранение в ООПТ строгого режима почв, воды, растений и животных и их сообществ, чистоты и состава атмосферного воздуха и других взятых под охрану природных объектов), ресурсобогащающую (увеличение до определенных пределов биомассы растений и животных, продуцирование кислорода и поглощение углекислого газа в процессе фотосинтеза, продолжение почвообразовательных процессов, снабжение чистой водой и т. д.) и ресурсовосстанавливающую (восстановление при проведении биотехнических и регуляционных мероприятий нарушенных или утраченных экосистем, отдельных видов растений и животных).

К началу XXI в. в мире существовали 102102 охраняемые территории с общей площадью 18,8 млн км². На суше находились под охраной 17,1 млн км², или 11,5 % общей земной поверхности. Морские охраняемые природные территории занимали 1,7 млн км², или 0,5 % поверхности морей и океанов²⁰. Доминировали три категории: национальные парки, охраняемые территории с управляемыми природными ресурсами и различные формы заказников.

Если характеризовать распределение ООПТ по крупным биомам Земли, то на первом месте оказываются смешанные островные системы (удельный вес охраняемых территорий в общей площади биома 29,7 %), далее следуют тропические влажные леса (23,3 %), субтропические временные дождевые леса (16,9 %), смешанные горные системы (16,3 %), тропические злаковые саванны (15,3 %) и т. д.²¹

В России площадь ООПТ со строгим режимом (природные заповедники, национальные парки, иные категории) составляет немногим больше 2,7 % территории страны²². Таким образом, природосберегающая функция осуществляется на значительных площадях ООПТ мира и России, и мы можем рассматривать их как существенный резерв «первичных» природных территорий, коренных и уникальных экосистем.

Исключительно велика роль ООПТ в сохранении отдельных форм растений и животных. По данным Г. А. Пронькиной²³, на территории заповедников произрастает 7920 видов сосудистых растений, что составляет более 60 % флоры России. Следует отметить, что природными комплексами заповедников охраняется всего около 50 % растений Красной книги РСФСР (1988). В настоящее время из 414 видов животных, занесенных в Красную книгу России, на территории заповедников обитают 313 видов (76 %).

Стратегия сохранения редких видов России, в том числе на охраняемых природных территориях, рассматривается в тесной связи с Национальной стратегией

²⁰ 2003 United Nation List of Protected Areas // Интернет-ресурс. Режим доступа: http://www.unep-wcmc.org/wdpa/unlist/2003_UN_LIST.pdf

²¹ 2003 United Nation List of Protected Areas.

²² Национальный атлас России: в 4 т. – Т. 2. Природа. Экология. – М.: Роскартография, 2007.

²³ Пронькина, Г. А. Отчет по теме НИР. – М.: МПР России, 2005.

сохранения биоразнообразия, которая является частью общего стратегического направления развития страны, ее движения к устойчивому развитию²⁴.

Рекультивация ландшафтов (земель) – полезнейшее восстановительное мероприятие, обращаться с которым, однако, следует осторожно и взвешенно, избегая трафарета. Под рекультивацией земель понимают комплекс работ, направленных на восстановление хозяйственной, медико-биологической и эстетической ценности нарушенных (деградированных) ландшафтов. Различают технический (планировка, формирование откосов, снятие, транспортировка, нанесение почв и плодородных пород, строительство дорог, гидротехнических и иных сооружений) и биологический (мероприятия по восстановлению плодородия, возобновлению биоты) этапы рекультивации²⁵.

Рекультивация имеет не только технологическое и реставрационное значение, способствуя восстановлению огромных площадей промышленных территорий, их флоры и фауны, что приносит миллиарды долларов прямой и косвенной прибыли. Она повышает культуру производственной деятельности человека, не позволяя ему оставлять за своей спиной бесплодные «лунные ландшафты».

Реставрация экосистем (комплексные мероприятия). Для восстановления обширных и сложных природных объектов необходимо использование комплекса мероприятий, состав которых зависит от характера и состояния объекта. В целом они могут быть близки к описанной выше рекультивации, но все-таки иметь более или менее самостоятельное содержание. Типичный пример – восстановление почвенного плодородия, сельского хозяйства и биогеоценозов Великих равнин в США. Второй широко известный пример – частичное восстановление природной системы Великих озер в этой же стране.

Около 15 % территории России относятся к зонам экологического неблагополучия, и здесь применение комплексных мероприятий по природовозрождению могло бы принести большой эффект. В бедственном положении многие поймы среднерусских рек, в которых необходимы масштабные работы по очистке от растительности стариц, дноуглубительные работы, комплекс лугомелиоративных работ и т. д. Еще более актуальны меры по ликвидации последствий учащающихся нефтяных загрязнений земли и воды.

Потенциальные масштабы и диапазон *вторичного использования природных ресурсов* огромны: от изготовления сухарей из невыброшенного черствого хлеба до демонтажа океанского корабля или воздушного лайнера с аккуратным извлечением еще пригодных приборов и разрезкой корпуса на последующую переплавку. Сгрудившиеся в военных портах флотилии отслуживших свой век и не утилизованных атомных подводных лодок, равно как и исчезновение в подъездах наших домов ведер для сборки пищевых отходов, – признаки огромных изъянов в философии, практике и экономике природопользования государства.

Известно, что использование бумажной макулатуры позволяет при производстве одной тонны бумаги и картона экономить 4,5 м³ древесины, 200 м³ воды, в 2 раза снизить затраты электроэнергии. В 2–3 раза снижается себестоимость продукции. Остаются на корню 15–16 взрослых деревьев. Из 1 т отходов полиэтилена получают 860 кг новых изделий, на чем экономится 5 т нефти, и подобных приме-

²⁴ Стратегия сохранения редких видов России (проект) / В. Е. Соколов и др. – М.: МПР России, 2000.

²⁵ Снакин, В. В. Указ. соч.

ров известно очень много. Успешное решение проблем вторичного природопользования в перспективе может иметь революционное эколого-эстетическое значение в масштабах мира.

Современное профессиональное *экологическое образование* делится на два направления в соответствии с государственными образовательными стандартами первого (1994) и второго (2000) поколений: фундаментальное экологическое образование в рамках естественных наук (бакалавриат «Экология и природопользование») и инженерное экологическое образование, осуществляемое в технических вузах (бакалавриат «Защита окружающей среды»). Бакалавры по направлению «Экология и природопользование» могут продолжить обучение по 4 специальностям: экология, природопользование, биоэкология и геоэкология.

Изучение вопросов восстановительного природопользования присутствует во всех экологических специальностях, но лишь частично. Для инженерных специальностей – это более узкое рассмотрение только тех мероприятий, которые применимы для конкретного объекта (например, методы рекультивации для обустройства территории и т. д.). Для экологических специальностей фундаментальной направленности проблемы восстановительного природопользования излагаются также фрагментарно и в различных дисциплинах, а недостаток учебного времени не позволяет глубоко изучать данные вопросы.

Следовательно, в настоящий момент назрела необходимость создания целостной учебной программы по восстановительному природопользованию. Такую программу можно реализовать для магистров по направлению «Экология и природопользование», так как у них уже имеется базовая естественно-научная подготовка, позволяющая переходить к детальному изучению многих природовосстановительных мероприятий в едином комплексе.

Управление восстановительным природопользованием. Для оптимизации восстановительного природопользования необходима глубокая реформа всего комплекса природопользования страны, находящегося в очень неблагоприятном состоянии.

Деятельность лесного, рыбного, охотничьего хозяйств, эксплуатирующих возобновляемые ресурсы биосферы, ресурсы растительного и животного мира, может и должна быть подчинена общим принципам экологического управления, аккумулированным наукой о биологическом природопользовании²⁶. Они могут найти место в единой структуре, предположительно – в Министерстве биологического природопользования, действующем на единых принципах. Здесь же может найти достойное равноправное место федеральный орган по руководству заповедным делом²⁷.

Заключение

Рассмотренные примеры свидетельствуют о богатстве и большом разнообразии природовосстановительной практики мира и России. Она проявляется в различных отраслях охраны природы и биологического природопользования, имеет

²⁶ Данилкин, А. А. Дикие копытные и проблемы трофейной охоты // Охота. – 2005. – № 3. – С. 12–18; Дёжкин, В. В. Социально-экономическая и природоохранная эффективность охраняемых природных территорий // Труды конференции по проблемам «Сельское хозяйство и активность на охраняемых природных территориях» (Пушино, 7–9 сентября 1995 г.). – Пушино, 1995; и др.

²⁷ Дёжкин, В. В., Сафонов, В. Г. Живая природа как источник экономических ценностей // Использование и охрана природных ресурсов в России. – 2004. – № 2.

различное предназначение и результаты. Отсутствие общей теории и единых критериев затрудняет интерпретацию имеющихся разнородных и разномасштабных фактов и указывает на необходимость формирования единой теоретической основы и продолжение анализа существующей практики методов адекватной статистической и эколого-экономической оценки ее итогов. Ценным вкладом в современную экологию могут явиться теория управления природовосстановительными процессами и серия соответствующих методических рекомендаций общего и отраслевого характера.

Идея В. И. Вернадского о преобразовании биосферы в ноосферу, сферу человеческого мудрого и дальновидного разума, нашла горячий отклик и множество приверженцев в мировом сообществе. Углубленная разработка этой идеи и увеличение числа ее приверженцев не сопровождаются, однако, коренными благоприятными изменениями природы Земли и технологий эксплуатации ресурсов биосферы. Увеличивается роковой разрыв между благими намерениями и их осуществлением, грозящий исчезновением человечества. Выдающийся мыслитель XX в. академик Никита Моисеев таким образом охарактеризовал альтернативу, с которой столкнулось современное человечество: или *нравственная переориентация всего общества*, или полное исчезновение современной биосферы и человечества. Строгие природоохранные законы, внедрение ресурсозащитных и ресурсосберегающих технологий полезны и необходимы, однако они могут лишь отдалить крах биосферы, а не предотвратить его. Под нравственной ориентацией академик понимал органическое изменение взглядов мирового сообщества на живую природу и взаимодействие с ней, которое в конечном итоге должно привести к постепенному отмиранию общества потребления, к удовлетворению потребностей человека за счет минимума природных ресурсов.

Готово ли мировое сообщество и, в частности, российское к таким радикальным шагам? Думается, ответ может быть только отрицательным. Необязательное потребление быстро растет, в том числе и в России, требуя все новых и новых природных, энергетических и прочих ресурсов.

За последний исторический период человек, действуя разрозненно и стихийно, смог сохранить и восстановить некоторые фрагменты биосферы, виды растений и животных, изменить их распределение по поверхности планеты (не всегда, впрочем, разумно), увеличить биологическую продуктивность и производительность части земельных угодий, организовать противодействие отдельным видам антропогенных воздействий и т. д. Продемонстрированы принципиальные положительные возможности восстановительного природопользования в масштабах отдельных регионов и стран.

Очень важным условием для реализации экологии природовозрождения является переход общества на экологическую парадигму развития, который в нашей стране задерживается, несмотря на многочисленные и обоснованные пожелания²⁸. Суть новой экологической парадигмы в трактовке Ю. М. Арского с соавторами²⁹ заключается в сохранении дикой природы; сохранении цивили-

²⁸ Банников, А. Г., Флинт, В. Е. Указ. соч.; Дёжкин, В. В. Охота и охотничье хозяйство мира. – М.: Лесная промышленность, 1983; и др.

²⁹ Арский, Ю. М. и др. Экологические проблемы: что происходит, кто виноват и что делать? – М.: Изд-во МНЭПУ, 1997.

зации и человечества на Земле; понимании смысла жизни; создании более справедливой социальной системы; переходе от философии войны к философии мира и партнерства; переходе к здоровому образу жизни; уважении и любви к будущим поколениям.

Главный вывод очевиден: следует провести глубокий и всесторонний анализ достижений восстановительного природопользования – вначале в отдельных странах, а затем – на отдельных континентах, разработать философию и методологию возрождения природы, отобрать наиболее эффективные и перспективные методы, уделяя существенное внимание экономическим и социальным аспектам проблемы, создать серию региональных и национальных программ и структуры для их реализации. Эта огромная работа может быть выполнена только совместными согласованными усилиями многих стран.

Смогут ли предлагаемые действия заменить ноосферную концепцию и теорию нравственной переориентации человечества? Конечно, нет. Однако они позволят выиграть время, необходимое для постепенного «перевоспитания» человечества и отказа от зловещих реалий общества потребления. Они также придадут уверенности экологам и специалистам в бесполезности попыток реально защищать биосферу.

ДВИЖЕНИЕ НАРКОГЕНОВ: ИЗ КОСМОСА НА ЗЕМЛЮ И ВНОВЬ ВО ВСЕЛЕННУЮ

Б. Ф. Калачёв

Сара приложила ладонь к щеке и сказала:

– У меня болят зубы.

– Примите опиума, – посоветовал Блант, смутно припоминая, к каким средствам в подобных случаях прибегала его старушка мать.

Маркус Кларк. «Осужден пожизненно».

I. Общие положения

Загадывать о будущем, даже лет этак на 10–15 вперед, не говоря о более грандиозных футурологических замахих, – задача неблагодарная. Как справедливо пишет А. Б. Вебер, «пытаться прогнозировать глобальные процессы – занятие рискованное, тем более в “век неопределенности”, каким представляется наше время с позиций постмодернизма»¹.

Поучительных тому подтверждений не только из недавних 1990-х гг., полных прогностически несостоявшихся экономических и прочих обещаний и ожиданий, но и прошлого более отдаленного, в «века определенные», убедительно достаточно. Взять хотя бы опасения Жюль Верна об истощении запасов угля еще до конца XIX столетия. Впечатляют неоправдавшиеся представления У. О. Стэплдона (Olaf Stapledon) о жизни общества в 2000 г., хотя он чудом избежал преследования ФБР, пророчески живописав на страницах своего романа «Последние и первые люди» (1930) цепную реакцию атомного распада. Король *Microsoft* Билл Гейтс 25 лет назад утверждал, что объем оперативной памяти вычислительной машины будущего в 640 килобайт достаточен для любого пользователя. А российско-белорусский проект «Союзный телевизор» с лучевой трубкой оказался проигрышным после постановки на поточный конвейер ЖК- и плазменных панелей. И сколь политически наивными выглядят сегодня предречения Д. И. Менделеева в 1905 г., за две-надцать лет до Октябрьской революции 1917 г.: «...теперь роль и значение революций прошли, и одно постепенство будет брать верх»².

И все же, несмотря на многочисленные провалы в гадании о будущем из уст людей весьма авторитетных, автор, подобно другим кандидатам в провидцы, берет на себя риск изложить собственное прогностическое видение об одном из набо-

¹ См.: Вебер, А. Б. Глобализация: взгляд в будущее // Труды Клуба ученых «Глобальный мир». –Т. 2. – М.: Новый век, 2002. – С. 149.

² См.: Менделеев, Д. И. Заветные мысли: полное издание (впервые после 1905 года). – М.: Мысль, 1995. – С. 404.

лвщих глобальных явлений – распространении наркотиков. Оценка тех колоссальных бед, которые нынешние субстанции этого класса, а равно их перспективные модификации способны принести в грядущее при условии использования не в целях поддержания здоровья человека, но в уничтожение его духа и тела, в трудах исследователей, посвященных будущему человечества, практически отсутствует. Данной теме глобалистами отводится столь же незавидное место, как в целом – проблеме преступности. «Несмотря на то, что футурологи обсуждают перемены, вызванные ростом населения и вовлеченностью в общественную жизнь все большего количества людей, – пишут Д. Коатс и Д. Джерретт, – проблемы преступности они практически не затрагивают»³.

Это на самом деле так. Бурная полемика ведется главным образом о социальном неравенстве, голоде, войнах, экологии, кризисе духовности, ряде других актуальных вопросов, которые, несомненно, затрагивают интересы мирового сообщества. И свою точку зрения сторонники устранения криминальной тематики из круга животрепещущих тем глобалистики обосновывают следующими соображениями: «Какой бы острой ни была необходимость борьбы с наркоманией и терроризмом, – все понимают, что победить в этой борьбе можно только победив сначала массовую нищету, в которую погружены целые регионы»⁴.

Кто бы спорил! Да только *ab ovo*, кто на свет появился раньше: курица или яйцо, а в нашем случае – бедняки или богачи наркоманы, и кого из них численно больше и на сколько сотен миллионов, значит излишне упрощенно смотреть на обсуждаемую проблему, «замыливать» ее сущность.

Не углубляясь в эту полемику, но возвращаясь к прогностическому аспекту взятой за основу темы, автор намерен исследовать ее в контексте разрабатываемой им теории, название которой – движение наркогенов (ТДН)⁵. В порядке краткого пояснения отмечу, что в категорию *наркогены*⁶ включается помимо препаратов, именуемых в международном праве наркотическими средствами и психотропными веществами, вся совокупность биологических и химических веществ, а равно источников иной природы, наделенных свойствами оказывать одурманивающее воздействие на сознание человека. Под *движением наркогенов* понимается их постоянное присутствие во времени (прошлом, настоящем, будущем), многообразии перемещений в природе (флоре, фауне, атмосфере, гидросфере, литосфере) и обществе, а равно пространстве (околоземной орбите, ближнем и дальнем космосе) посредством антропохории, интродукции, употребления, незаконного оборота, включая авиа- и космическую транспортировки, и др., на чем мы остановимся позднее.

³ См.: Коатс, Д., Джерретт, Д. Во что верят футурологи: с чем соглашаются и с чем спорят // Мир нашего завтра: Антология современной классической прогностики / под ред. В. В. Кузина, П. В. Бестужева-Лады. – М.: Эксмо, 2003. – С. 454.

⁴ См.: Братимов, О. В., Горский, Ю. М., Делягин, М. Г., Коваленко, А. А. Практика глобализации: игры и правила новой эпохи. – М.: ИНФРА-М, 2000.

⁵ См.: Калачёв, Б. Ф. Движение наркогенов как геосоциальное явление // Анализ систем на пороге XXI в.: теория и практика. Материалы международной конференции. Москва, 27–29 февраля 1996 г. – М.: Интеллект, 1996. – Т. 2. – С. 45–59.

⁶ Категория *наркогены* складывается из древнегреческих слов: *narke* и *genos*. Первое из них переводится как «оцепенение», а второе обозначает «происхождение», «рождающийся», «рожденный». Таким образом, наркогены – это «порождающие оцепенение живых организмов», или «источники оцепенения».

Заложенные в ТДН идеи при поддержке Российского философского общества стали доступными широкой отечественной и зарубежной аудитории (2003; 2006)⁷. Однако несколько раньше на двух представительных международных конференциях в Бразилии (2001) и Японии (2002) по согласованию с автором ряд теоретических и прогностических положений ТДН авторитетно доложил депутат Государственной думы третьего созыва заместитель председателя Комитета по безопасности, хорошо известный в нашей стране и за рубежом профессиональный журналист и политик Юрий Петрович Щекочихин (1950–2003). Еще одну успешную проверку на прочность ТДН прошла на XXII Всемирном философском конгрессе (Сеул, Южная Корея, 2008)⁸, где участники секционного обсуждения ТДН рекомендовали автору работать над ней как над самостоятельным философским направлением. Сегодня можно констатировать, что более ранние прогнозы, изданные вначале в России⁹, а затем озвученные в высоких международных аудиториях, по большей своей части состоялись. Впрочем, неспешное, последовательное подтверждение находят и гипотезы ТДН.

Но время не стоит на месте, неумолимо мчится в грядущее, побуждая исследователей пытливно вглядываться в день завтрашний через недели, месяцы, годы и много лет дальше, как это попытался предпринять упоминавшийся ранее Улаф Стэплдон, описав бытие человечества на 2 миллиарда лет вперед. Схожим образом намерен поступить и автор, разве что, во-первых, не в столь гигантском временном диапазоне. Во-вторых, вначале предлагается заглянуть в далекое прошлое, чтобы *ab incunabulis* – с колыбели до текущего дня – гипотетически проследить развитие жизни, в биологической и социальной составляющих которой свое отведенное им природой и обществом место занимают наркогены. После чего, в-третьих, с набранными информационными силами осуществлять аналитические прыжки сквозь время и пространство и в разных хронологических точках будущего развешивать прогностическую оценку этому феноменальному явлению в его новых характеристиках.

Итак, исходной посылкой автора является утверждение, что движение наркогенов – это неотъемлемая составляющая развития природы и общества в пространстве и времени, а происхождение наркогенов напрямую связывается с возникновением жизни на Земле.

II. О прошлом движения наркогенов. Интерпретация теологии

Обычно, когда обсуждают первопричины зарождения жизни на нашей планете, обратный отсчет времени ведется от современного *Homo Sapiens*: ведутся поиски древних останков его предков, недостающих гуманоидных звеньев человеческой эволюции и т. п. Автор же предлагает сосредоточить внимание на происхо-

⁷ См., например: Калачёв, Б. Ф., Харабет, К. В. Наркогены // Глобалистика: международный междисциплинарный энциклопедический словарь / гл. ред. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. – М.; СПб.; Н.-Й.: ИЦ «Елима», ИД «Питер», 2006. – С. 587. Отдельная признательность за содействие в популяризации ТДН автором выражается проф. А. Н. Чумакову – первому вице-президенту РФО.

⁸ См.: Kalachev, B. F. Movement of Narcogenes: From the Past through the Present Time and to the Future // Abstracts: XXII World Congress of Philosophy. Rethinking Philosophy Today. July 30 – August 5, 2008. Seoul, National University. – Seoul, Korea, 2008. – P. 249.

⁹ См., например: Калачёв, Б. Ф. Введение в теорию движения наркогенов // Теоретические и правовые основы борьбы с незаконным оборотом наркотиков: сб. научных трудов / под ред. проф. П. Г. Пономарева. – М.: ВНИИ МВД России, 1998. – С. 3–14.

дении и развитии в природе и обществе активных веществ, содержащихся в живых организмах. Например, алкалоидов в *Papaver Somniferum* – маке снотворном; каннабиноидов в *Cannabis Sativa* – конопле; мескалина – в галлюциногенном кактусе *Lophophora Williamsii*; наркогенов – в бразильской лягушке *Phyllomedusa rhodei*, жучке-хищнике рода *Lomehussa strumosa*, рыбах семейства *Tetraodontidae*; энкефалина и эндорфина – в нервной системе животных и человека. И на множестве других наркогенов, присутствующих в таком же множестве их носителей. При этом задаться вопросом о причинах их наличия не только у всех живых организмов (в частности, какова функция этих субстанций в эволюции биоты, как они стали предметом потребления в обществе?), но и в так называемой неживой матери: атмосфере, литосфере, гидросфере.

Версий о происхождении жизни к настоящему времени накопилось предостаточно, хотя их все, по большому счету, можно разделить на две фундаментальные группы: идеалистическую, представленную главным образом теологическими воззрениями, и материалистическую, продвинутую в XX–XXI столетиях до предположения о занесении жизни на Землю инопланетным разумом (например, теория древних астронавтов).

Так, в иудейско-христианской доктрине, отвлекаясь от совсем уж древних политеических религий или, скажем, буддизма, согласно Первой Книге Моисея – «Бытие», на третий день сотворения Мира Бог создал сушу, назвал ее землей, после чего «сказал Бог: да прорастит земля зелень, траву, сеющую семя, [по роду и по подобию ее и] дерево плодовитое, приносящее по роду своему плод, в котором семя его на земле» (Быт. 1, 11). То есть Он одновременно сотворил флору, густо насыщенную наркогенными растениями и грибами, как уже известными, так и еще не идентифицированными наукой. Биологи сегодня осведомлены свыше чем о 450 тысячах видах флоры, из которых, по расчетам профессора Б. Н. Головкина (Главный ботанический сад РАН), на каждые 1000 видов приходится один с повышенным содержанием наркогенов, а именно: либо наркотических средств, либо психотропных или сильнодействующих веществ.

На пятый день Господь создал фауну, из которой современной наукой изучено около 1,5 млн видов из предполагаемых 30 млн. В каждом биологическом виде содержится собственный набор внутренних наркогенов. И какая доля из адептов фауны имеет повышенную их концентрацию, как, например, в кожных железах американского тритона рода *Taricha* или в стрекательных щупальцах и ротовых полостях медузы *Gonionemus Vertens* (крестовичок), – сказать пока еще затруднительно.

Наконец, на шестой день «сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их» (Быт. 1, 26), также первопричинно наделенных внутренними наркогенами, теми же опиоидными рецепторами центральной нервной системы¹⁰.

В Ветхом Завете нет пояснений (Быт. 1, 1–18), из чего творились Земля, наши Солнечная система и Галактика Млечный Путь, но, похоже, кроме вещества из космического пространства (планет, астероидов, комет, межзвездного вещества и пр.), иного строительного материала у Него не имелось. Даже если эти «кирпичики мироздания» телепортировались из иной Вселенной или, согласно последним

¹⁰ См., например: Майский, А. И., Ведерникова, Н. Н., Чистяков, В. В. и др. Биологические аспекты наркомании. – М.: Медицина, 1986.

философским теориям, из Небытия¹¹. В любом случае первичный продукт для мгновенно-позтапного (за шесть дней!) создания столь многоликого мира, в котором мы обитаем, априори имел вземное происхождение. И поскольку в организмах всех форм земной жизни присутствует богатейшее разнообразие наркогенов, то допустимо сделать вывод: их предшественники (трансцендентные носители наркогенов) в виде исходного сырья также родом из Космоса.

Используя метод индукции, осмелимся сделать еще один вывод (по помыслу никак не посягающий на религиозные чувства истинно верующих). Если Бог сотворил человека – Адама – по подобию Своему «из праха земного и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою» (Быт. 2, 7), то как у Адама и возвращенной из его ребра Евы (Быт. 2, 21–22), так и у нас с вами, их потомков, у Господа Бога должен присутствовать если не аналогичный, то весьма схожий с гуманоидным вариантом набор внутренних наркогенов. Ибо Господь Бог – это мы, Его подобие, а мы, Его подобие, – это Господь Бог. Или, как заявлял Франсуа-Мари Аруэ (Вольтер): «Бог и материя существуют по природе вещей»¹², а герой из романа Р. Хайнлана (Robert A. Heinlein) восклицал: «Ты еси Бог»¹³.

Даже столь конспективный анализ одной из теологических гипотез мгновенно-позтапного происхождения мира определяет вектор поиска первоисточника материалов для создания жизни и включенных в нее наркогенов на Земле – Космос. В этом смысле наша планета и ее обитатели – это одно из многообразий божественного наполнения Космоса, его суть и форма, где земные разновидности жизни и содержащиеся в них наркогены – прототипы форм жизни в звездных системах нашей и иных Вселенных, если они создавались Им раньше сотворения Земли. И, с точностью наоборот, в случае сотворения Господом Богом других звездных миров позднее создания Солнечной системы и нашей планеты.

Следуя этой логике, выходит, что наиболее древние наркотики социума – гашиш, опий, не упоминаемые, кстати, за исключением алкоголя, в Ветхом и Новом Заветах, другие наркогены, изобретенные людьми значительно позднее – героин, кокаин, ЛСД и пр., заведомо входили в промысел Божий, как и страшная кара за их потребление не по медицинскому предназначению – наркомания.

III. О прошлом движения наркогенов. Материалистические воззрения

Материалистических версий о происхождении жизни на Земле числом ничуть не меньше идеалистических представлений об этом вопросе, в нашем случае напрямую связанном с движением наркогенов. К их списку относятся гипотезы: панспермии – о занесении зародыша жизни на Землю из других миров метеоритами или частицами космической пыли (Г. Рихтер – 1865 г., С. А. Аррениус – 1925 г.); «счастливой случайности», или исключительно изолированного самозарождения на Земле «первичной живой генной молекулы» (Г. Д. Мёллер – 1929 г.); эволюционного происхождения жизни в силу образовавшихся на Земле благоприятных условий, при которых жизнь способна появиться в других звездных мирах (А. И. Опарин – 1924 г., Б. А. Келлер – 1948 г.); космогонического происхождения

¹¹ См.: Солодухо, Н. М. Философия небытия. – Казань: КГТУ-КАИ, 2002.

¹² См.: Вольтер. Из «Философского словаря». Бог и люди. Вопросы о чудесах / пер. с фр. – М.: Мир книги; Литература, 2006. – С. 49.

¹³ См.: Хайнлайн, Р. Чужак в стране чужой / пер. с англ. – М.: Эксмо; СПб: Terra Fantastica, 2007. – С. 424.

жизни на Земле как одного из результатов эволюции Космоса (О. Ю. Шмидт, В. Г. Фесенко, А. П. Виноградов, Б. Бова, М. Гудман, Ф. Морхауз и др.) и пр.¹⁴

До сих пор наука не располагает достаточно убедительными фактами, отвечающими фундаментальным требованиям в пользу любой из вышеперечисленных гипотез. В силу указанных причин автор останавливается на синтезе размышлений такого рода, где главный акцент им делается на функциональную зависимость и адаптацию земной жизни к Космосу. Предлагается рассмотреть усеченный список факторов, обусловивших происхождение и эволюцию наркогенов главным образом в их живых носителях: трансцендентный, биохимический, геологический, географический, миграционный, культурологический и научно-технический.

Трансцендентный (космогонический и космологический) фактор показывает наличие в пространстве Вселенной углеродистых соединений как низкомолекулярного, так и высокомолекулярного составов того самого «строительного материала» – вероятного источника возникновения белково-нуклеиновой формы жизни на Земле.

Законы, закономерности и принципы Космоса определяют рассеивание «строительного материала» с включенными в него «зародышами» наркогенов в «семенах» жизни по вселенным, галактикам и звездным системам. Попадание таких субстанций на Землю извне (панспермия), равно как и самодостаточное возникновение в ходе эволюции земной жизни или появление этих паттерных образований иным путем, сути дела не меняет, так как исходным остается во всех вариантах, о чем говорилось выше, космическое вещество: межзвездная пыль, метеориты, целые планеты и др.

Эти наркогены I класса, или *пронаркогены*, как некие программные матрицы, элементы «кирпичиков жизни», по-видимому, эволюционно персонифицируются в абиотических планетарных условиях в виде высокомолекулярных пептидов, наделенных каталитической активностью.

Биохимический фактор с нарастающей силой влияет на пружины преобразования пронаркогенов в более высокие классы наркогенов по мере образования в Космосе галактик, звездных систем и планет, пригодных для жизни. В данном случае – Млечного Пути, Солнечной системы и Земли.

Как вариант с момента возникновения первичного океана на нашей планете и генезиса в нем сложных органических молекул стартует постепенная мультипликация пронаркогенов по направлениям эволюции живого (3,5–3,7 млрд лет тому назад). По мере увеличения видов живых организмов, их географического распространения в разных климатических зонах умножались и пронаркогены, эволюционно обретшие способность обеспечивать адекватность избирательных реакций своим носителям (адептам флоры и фауны) на воздействия внешней среды. В ходе повышения селективности метаболической функции пронаркогенов происходила их постепенная трансформация в наркогены II класса – *мультинаркогены*. Последние все более совершенно регулировали внутри своих носителей процессы проникновения извне субстанций разного биохимического и физического назначения: пищевых продуктов, химических веществ, света, электромагнитных излу-

¹⁴ См., например: Диалектика живой природы / под ред. Н. П. Дубинина, Г. В. Платонова. – М.: Изд-во МГУ, 1984. – С. 37–47; Дик, С. Дж. Много миров. Новая Вселенная, внеземная жизнь и богословский под-
текст. – М.: АСТ; Астрель, 2007.

чений и др. Так в результате сменявших друг друга трансцендентной, химической и биологической (биохимической) эволюций априори включенные в космические «кирпичики жизни» пронаркогены постепенно дифференцировались в мультинаркогены, ныне представляя себя во всех видах живых организмов.

Какими же стали жизненные функции наркогенов? Назовем лишь отдельные из них.

Мультинаркогены принимают участие в конструировании ДНК (кода жизни) – накоплении в генетической памяти живого биологически организованной информации об эволюционной истории адаптивных трансформаций биоты. Они оказывают решающую роль в сексуальном влечении определенных видов животных и людей друг к другу: мозг поощрительно выбрасывает в кровь вещество допамин, а нейрого르몬 окситоцин вырабатывается вследствие половой стимуляции и оргазма. Мультинаркогены наделены функцией естественного отбора в мире природы. В подтверждение последнему тезису достаточно хотя бы такого примера.

Многие десятилетия энтомологи пытаются разгадать тайну небольшого жучка – ломехузы (*Lomehussa strumosa*), привычного обитателя муравейников. Тайна природы заключается в том, что в целях удержания прожорливой букашки в муравейнике хозяева кормят этого жучка неприкосновенным для инородцев продуктом – собственными куколками и личинками. Взамен население муравейника непрестанно слизывает с ворсинок ломехузы экссудат – эфироподобную наркогенную жидкость. Муравьи впадают после его приема в наркотическое опьянение, которое доводит их до полного физического истощения, как, допустим, «валерьянка» – кошку, если животное не остановить в его пристрастии. Спустя какое-то время все прежде трудолюбивые насекомые поголовно вымирают. Но на этом энтомологический мартиролог не завершается. Из погибшего муравейника жучки-убийцы отправляются в другие, близлежащие, однако не во все, а избирательно, оставляя после себя новые кладбища насекомых. И это только одна интереснейшая загадка природы, сопряженная с естественным отбором среди животного мира, инструментом которого выступают наркогены.

Геологический фактор объясняет планетарное распространение и развитие видового разнообразия мультинаркогенов, обусловленное «дрейфом» материков, отсоединившихся в силу гравитационных и других причин от проматерика Пандеи. Эта известная гипотеза мобилизма, выдвинутая в 1912 г. немецким геофизиком Альфредом Вегенером, забытая фундаментальной наукой в 1930-е гг., нашла спустя 40 лет поддержку среди авторитетных ученых мира из разных отраслей знания.

Опираясь на указанную теорию, можно выдвинуть следующее предположение: 125 млн лет назад мультинаркогены флоры и фауны благодаря «дрейфу» материков, деятельности вулканов, других мощных геологических факторов претерпели значимые изменения, перемещаясь со своими носителями в пространстве и адаптируя их к новым условиям внешней среды. Причем эта планетарная тектоническая агрессия могла наступить много раньше, если на веру принимать гипотезы о более древнем существовании (235 млн лет назад) в Южном полушарии проконтинента Лавразии, а в Северном (575 млн лет назад) – Гондваны.

Не могли не подвергнуться глобальным миксерным процессам и мультинаркогены неживой природы: газы в атмосфере, компоненты гидросферы, минералы

литосферы, обладающие наркогенностью, а может быть, приобретшие такое свойство после подобных гиперпертурбаций.

Географический фактор тесно связан с планетарными климатическими изменениями на Земле, обуславливающими расцвет и, напротив, упадок видообразия живого. Так, где-то 13 млн лет назад наступило глобальное похолодание. Его хорошо зримые последствия, к примеру, в виде валдайского оледенения (35–40 тыс. лет назад), охватившего 30,1 % современной суши, существенно преобразовали прежние ландшафты. Нетрудно догадаться, что временная синусоида планетарных похолоданий/потеплений влияла на видоизменения растительного и животного мира, физиологию человека. То есть продолжалась дифференциация мультинаркогенов и повышение их адаптивной активности в организации защитного метаболизма от негативных воздействий из внешней среды.

Миграционный фактор прямо ассоциирован с геологической и географической детерминантами, что повлияло, в частности, на расселение людей, их приспособление к новым флористическим и фаунистическим комплексам, равно как флоры – к фауне, фауны – к флоре, и той и другой – к человеку. Антропохория и интродукция растений, освоение людьми неизведанных прежде земель привносили в эволюцию мультинаркогенов новые количественные и качественные характеристики. Так, конкистадоры завезли в Новый Свет семена конопли (каннабиса), именуемой в наши дни марихуаной, а из Америки доставили в Старый Свет семена табака.

Культурологический фактор связан с созданием людьми исторических цивилизаций, производством и употреблением алкоголя, табака, тонизирующих напитков, собственно наркотиков, domestikацией наркогенных растений, грибов, животных (в частности, уже упоминавшихся ранее особого вида рыб и рептилий), предназначенных для медицинских потребностей, религиозных ритуальных церемоний, иных целей.

В течение последних 1,5–2 млрд лет, когда, по некоторым оценкам, началась уже не строго биологическая, но предковая история людей, и особенно 40 тыс. лет назад, когда окончательно сформировался вид *Homo Sapiens*, движение мультинаркогенов все активнее подчинялось удовлетворению социальных потребностей. Здесь поучительны труды академика Н. И. Вавилова, он одним из первых в мировой науке картографировал в 1926 г. планетарные очаги культурных растений (в том числе конопли и мака), связав эти географические точки с древними цивилизациями людей.

Действительно, контент-анализ литературных памятников, иных источников, посвященных становлению и гибели древних цивилизаций, убедительно показывает: именно из этих социальных конгломератов началось триумфальное шествие социализированных мультинаркогенов в международных масштабах. Именно с появлением исторических цивилизаций людей отмечается зарождение и укрепление навыков осознанного злоупотребления, допустим, галлюциногенами, без терапевтической к тому надобности (например, сомы – древними индийскими ариями). Наркогены все чаще выступали в роли негодных средств удовлетворения потребностей человека, порождаемых противоречиями общества. Они становились не только медицинским средством выздоровления людей, но параллельно – источником пагубного пристрастия одних и корыстного обогащения других. Этот мировой исторический процесс сопровождался практикой сначала территориально ог-

раниченного натурального обмена (например, среди туземцев Австралии и Океании), а затем транснациональной узаконенной и нелегальной торговли ими как товарами массового потребления.

Научно-технический фактор. В ходе эволюции движения наркогенов *Homo Sapiens* стал лидером среди всех живых существ – носителей мультинаркогенов – по биохимическому богатству этих субстанций, обнаруженных не только в ЦНС человека, но, как показывают последние исследования, присутствующих на внутриклеточном уровне. Одновременно люди заняли нишу самых активных пользователей внешних мультинаркогенов естественного происхождения. Но мало и этого, общество стремительно занялось формированием III класса данных субстанций – *неонаркогенов*, создаваемых народами, овладевшими высокими технологиями.

Ученые изобрели внушительный список неонаркогенов, как рафинированных из мультинаркогенов (допустим, морфия из опиума), так и строго синтетического происхождения, в частности наркотиков амфетаминового ряда, того же 3-метилфентанила. И если, к примеру, в 1815 г. отечественные медики были знакомы с 59 наименованиями лекарств официальной фармакопеи, из которых к наркотикам относился лишь опиум, то в 1857 г. наркотическим эффектом обладали уже 8 лекарств. А в 1995 г. только наркотических средств (без учета психотропных и сильнодействующих веществ) стало в 32 раза больше, чем 138 лет назад. По подсчетам экспертов ВОЗ ООН, еще раньше, в 1987 г., из всех вновь изучаемых в мире лекарств 21 % приходился на психофармацевтические препараты, в то время как в 1985 г. – 16 %.

Все вышеперечисленные глобальные факторы, подчиненные законам синергизма и дивергенции, действуют на Земле в течение миллиардов лет, они обусловили мириады контактов между мириадами форм жизни, содержащих наркогены. Столь циклопические по хронологии события привели к формированию современной гиперсистемы движения наркогенов в природе и обществе. Предназначение этой гиперсистемы заключается в непрерывном налаживании механизма регуляции обмена веществом, энергией и информацией между организмами носителей наркогенов и постоянно изменяющимся внешним миром. Но если в природе движение наркогенов биологически устоялось, скажем так, слепо функционирует, в том числе и как инструмент естественного отбора, то в царстве разума – обществе – их использование в качестве негодных средств удовлетворения потребностей влечет осознанное нарушение человеком выверенных эволюцией гармоничных правил утилизации наркогенов со всеми вытекающими негативными итогами – наркоманией, наркобизнесом, наркогеноцидом и др.

IV. Наркогенные угрозы наших дней

Мегатенденция видového роста неонаркогенов успешно перекочевала из века XX в XXI век, потому что потребности только в лекарственных препаратах многократно возросли, например из-за высокотехнологичных, а оттого более кровавых войн, природных катаклизмов, криминального воздействия на население. Все эти события влекут за собою колоссальное число увечных, требуют хирургических операций с применением обезболивающих и иных наркогенных средств.

Нельзя забывать и о других наркогенных угрозах. Сегодня специалисты заявляют: неонаркогены, активно и быстро влияя на физиологию человека, могут вы-

зывать массовые мутации самого непредвиденного характера. Правда, по выводам академика Н. П. Дубинина, сделанным им в 1970-е гг., генные аномалии, приобретенные людьми в XX в., проявят себя катастрофически через 10–20 тысяч лет, а до того времени мы научимся управлять наследственностью, генетическая катастрофа дезавуируется. А пока устойчивое во времени рождение детей с различными патологиями – один ребенок каждые 20 секунд (по Б. Н. Колосовскому, 1967 г.) – накладывается на иные обостряющиеся антиобщественные вызовы и угрозы личности, обществу и государству. Сочетания такого рода генетических и социальных проблем наркогенного свойства способны зримо проявиться в обществе уже в первой половине III тысячелетия от Р. Х.

Прогноз этот можно признать вполне ожидаемым. Ведь объекты и субъекты биосферы привыкали к про- и мультинаркогенам в течение миллиардов и миллионов лет. Неонаркогены же утилизируются людьми всего лет 200, последние их синтетические разработки принципиально чужды физиологии человека. Разновидности наркогенов, особенно производимые в подпольных лабораториях, разрушают человеческий организм порой за считанные дни, так как ЦНС людей – итог очень длительной эволюции – не способна адаптироваться к негативным внешним воздействиям социума, развивающегося революционно, за промежутки времени, измеряемые немногими годами, а не миллионами лет или хотя бы тысячелетиями.

В этой связи пора брать под контроль разновидности неонаркогенов (по определению автора – *бионаркогены*), получаемых из насыщенной нервными клетками биомассы живых существ – животных и человека (некоторые из них в 10 тыс. раз сильнее морфия). В том же ряду *псионаркогены* – специально подобранный режим направленного потока электромагнитных излучений. Звук, свет, электромагнитные излучения – это все по большому счету схожие физические волновые явления, их различные частоты. Не так уж редко встречаются индивиды, которые впадают в состояние блаженства при лицезрении картин тех же художников-импрессионистов. Или испытывают, подчеркиваю, ничуть не меньшую, чем от приема традиционного наркотика, эйфорию на музыкальных концертах из произведений классиков, рок-музыки. Неслучайно на Западе далеко не первый год выпускается так называемая релаксационная аппаратура. Воздействие этих технических устройств на мозг человека основано на цвето-, звуко- и электромагнитных излучениях. Подобранная специально волновая комбинация позволяет индивиду расслабляться, «релаксировать», что нередко носит глубокий эйфорический характер. Поэтому на некоторых устройствах монтируют таймеры, чтобы субъект мог выйти из покорившего его «вечного» оцепенения.

Исследования на подобные темы до поры до времени носили открытый характер, но где-то в середине 1980-х гг., по крайней мере, в СССР, сошли на нет. Хотя еще в 1990-е гг. в журнале «Вестник разведки и контрразведки» публиковались воспоминания очевидца, преподнесенные как беллетристическое произведение. (Советский разведчик получил задание проникнуть в закрытый институт ЦРУ, дислоцированный в Латинской Америке, где обнаружил поточную разработку, выпуск и эксплуатацию генераторов излучения таких частот, которые позволяют настраивать людей на заранее заданное поведение.)

Известны другие успешные выходы в открытую печать строго научные эксперименты, например под руководством академика Н. П. Бехтерева¹⁵. В ходе их

¹⁵ См.: Кнорре, Е. С. Впереди времени. – М.: Дет. лит.-ра, 1989. – С. 141–160.

проведения к черепу испытуемого добровольца подсоединяли электроды и просили его произнести какое-то слово. Импульсы, поступающие с черепной коробки (из мозга подопытного человека), записывались на специальную аппаратуру в виде электромагнитных сигналов. Постепенно наговаривался какой-то запас слов. Из них составлялась определенная фраза, которая в виде импульсов посылалась испытуемому по обратной связи. И он воспринимал эту электронную депешу именно в том значении, в котором она была составлена! К счастью, обнаружилось, что каждый человек – это неповторимая индивидуальность. И импульсное восприятие одного и того же слова далеко не у каждой личности будет одинаковым. А тех людей, кто все же однотипно воспримет сигнал, недостаточно для организации массы «зомби», способной повлиять на конкретную ситуацию. Хотя по такой схеме допустимо «топорное» воздействие на толпу с помощью псинаркогенов, что в начале 2008 г. убедительно продемонстрировала грузинская полиция, разгонявшая на улице противников действующего в Тбилиси политического режима. В приведенном случае определенная частота способна все же вызывать какие-то общие для всех людей чувства – радость или печаль, угнетенное или возвышенное состояние, не требующие такой конкретизации, как отдельное слово или понятие.

Квинтэссенция проблемы заключается в другом, и это пока еще наша великая удача: не изобрели такого микшерного пульта, который способен многоканально сканировать ЦНС субъектов толпы, получать от них отраженные индивидуальные характеристики, обрабатывать их и мгновенно посылать обратный уже индивидуально модулированный сигнал. Хотя, надо полагать, физики и нейрофизиологи подошли к этому вопросу вплотную. И его решат обязательно – не сегодня, так завтра, это неизбежный процесс нашего рваного времени, нескончаемых, по И. А. Бунину, «окаянных дней»: эпохи массового внедрения отрицательных для духа и тела человека высоких технологий; удручающей бедности многих миллионов и неизмеримого богатства немногих тысяч; межконфессиональной озлобленности; безумного растаптывания экологии; повсеместной милитаризации и пр. И если подобная пока еще гипотетическая биоэлектронная система попадет в руки военных или политических авантюристов, человечество окажется на грани Апокалипсиса, ввернется в безвременную бездну супертоталитарного общества без какого-либо постглобального будущего. Массовая утилизация обществом столь необычных неонаркогенов вероятно в первом столетии III тысячелетия от Р. Х.

К слову, модель такого чудовищного социума попытались сконструировать братья Стругацкие в повести «Обитаемый остров» (1968), а режиссер Федор Бондарчук в начале 2007 г. приступил к съемкам блокбастера по мотивам этого прозорливого произведения, обещая выпустить кинокартину в массовый прокат осенью 2008 г.

Таким образом, добросовестно не регулируемое мировым сообществом движение наркогенов, не останови его своевременно, накопит необратимую силу. Повышение экологических норм жизни и нарастающая неприязнь людей к синтетическим наркогенам могут стать дополнительными стимулами будущей популярности неонаркогенов в био-, пси- или иной разновидности. Но как мульти- или неонаркогены, так и новые их классы, порождаемые «хайтеком», навсегда останутся вредоносными для человека, если их прием не обусловлен медицинскими потребностями и контролем.

Подмеченное обстоятельство самым серьезным образом заставляет обратить внимание на активно и целенаправленно развертываемую глобальную кампанию легализации наркотических средств и психотропных веществ, что значительно катализирует сопутствующие данному явлению другие негативные события. Не вчера еще в мутном потоке рекламы злоупотребления наркотиками выделилась и ныне обильно исходит ядовитыми интеллектуальными парами некая модернистская струя. Она подпитывается определенным кругом субъектов, ставших глашатаями философии наркомании. Делают они это, глубокомысленно попыхивая самокруткой из марихуаны в благоустроенном жилище, жадно наглотавшись «экстази» в дорогих танцевальных клубах, иступленно нюхая кокаин в фешенебельных отелях, сочиняя затем наркогенную литературу, фильмы, спектакли и т. п. Как вольно, так и невольно, по недомыслию и невежеству, из гедонистических побуждений либо в силу иных «высоких» мотивов, но чаще – корысти ради. Все они рекламируют использование наркопрепаратов под затаенную или явную сурдинку боссов индустрии наркобизнеса, корыстно заинтересованных в получении сверхдоходов и от люмпенов, и от среднего класса, и от людей с высоким достатком. Успехи мафии налицо: по сведениям ООН, в мире зарегистрировано не менее 200 млн наркозависимых.

На почве умышленно насаждаемого наркогенного мировоззрения процветает тройная и достаточно мощная (по некоторым оценкам, до 1 трлн долларов ежегодно) регрессивная экономика: государств, законно собирающих жирные налоговые сливки с наркотоуризма; предпринимателей, занятых в обеспечивающем его пищевом (кофешопы), гостиничном, музейном и прочем бизнесе; организованной преступности, умело манипулирующей перечисленными марионетками из-за кулис. И это, повторимся, опуская бурный поток медикаментозных препаратов, перечень которых возрастает год от года в каждой стране мира. Вкупе с наркогенами-токсикантами – побочными продуктами НТР, настойчиво пропитывающими всю биосферу, мульти- и неонаркогены неуклонно превращаются в крупнейший деструктивный фактор, способный стать буквально непреодолимым шлагбаумом на пути человеческой цивилизации, которая так стремится к разумно управляемому социальному прогрессу.

Но и это не все. Технократический этап движения наркогенов разрешил переносить некоторые виды неонаркогенов, укомплектованные в бортовые медицинские аптечки, сначала самолетами в воздушное пространство, потом на космических кораблях с поверхности планеты на околоземную орбиту, а затем – в ближний космос.

Вспомним события сорокалетней давности – июль 1969 г., когда такая аптечка на борту модуля «Аполлон-11» достигла орбиты естественного спутника нашей планеты – Луны. В настоящий момент времени медикаментозные препараты находятся на бортах Международной космической станции и спящих между МКС и Землей шаттлов. Постепенно накапливаются факты их «внеземного» потребления, не предусмотренного штатным расписанием полетов. В 1980-е гг. зафиксирован прецедент, когда советский космонавт по причине сильной зубной боли тайно от партнера принимал на околоземной орбите сильнодействующее лекарство, не желая, чтобы товарищ знал о его недуге. А в 2007 г. Конгрессу США пришлось провести специальные слушания в связи с докладом медицинской комиссии NASA о случаях, когда находившимся под воздействием алкоголя астронавтам давали

разрешение на космический полет! Фиксировались инциденты приема пока еще спиртного и на орбите по случаю дней рождения космонавтов, а может быть, и другим поводам.

Что же дальше?

V. Сквозь настоящее в будущее

Поскольку движение наркогенов устойчиво освоилось в атмосфере, уверенно перебирается в околоземное пространство и даже ближний космос, постольку их ускоренный видовой, временной и пространственный прогресс в глобализующем-ся обществе вполне ожидаем.

Вывод: человечеству надо упредительно готовиться к появлению IV класса данных субстанций – движению *футунаркогенов*.

В долгосрочной перспективе движение футунаркогенов получит развитие благодаря ныне достигнутому легитимной и криминальной наукой рубежам. Впереди – разработка на базе суперкомпьютеров технологических цепочек (прописей) производства футунаркогенов-синтетиков, новые вариации зависимости людей от игромании (в том числе виртуальных игр), ониомании и шопоголизма, булимии и т. п. Следует ожидать постепенное, неторопливое внедрение в общество наркогенных миксеров (технологически усовершенствованных прототипов релаксационных аппаратов), воздействующих на сознание человека методом индивидуально подбираемых спектров из цвета, звука и электромагнитных излучений. Все эти и прочие технические новинки представят реальную опасность, усугубленную научными прорывами в области андронидных технологий, когда носителем и адресным транспортером футунаркогенов в любую точку организма, допустим, в мозг человека, станут различные модификации нанороботов.

Отдельным направлением применения футунаркогенов человеком может стать их использование в качестве средства массовой эвтаназии той части населения, которая не вписывается в демографию постглобального сообщества: стариков, неизлечимо больных, избыточной трудовой силы, преступников и др. Такая практика потребует создания тотальных мировоззренческих стандартов жизни социума, человеконенавистнической государственной политики, затаенной за высокими лозунгами гуманизма.

И все же особый, грандиозный размах представленные выше фрагменты теории движения наркогенов начнут приобретать по мере освоения людьми дальнего космоса, тех его небесных тел, где человечество, перегруженное накопленными проблемами, окажется вынужденным искать новые территории и ресурсы. И полицейский контроль над наркогенами останется тогда, как в наши дни, важной составляющей людского бытия, но в трудно представимых сегодня межзвездных масштабах. Ведь строительство космических городов (по Г. О'Нейлу), гигантских околоземных поселений-«ковчегов» (проект «Лодка Жизни» – *LifeBoat*), лунных, марсианских и других планетарных поселений (для начала в Солнечной системе), увы, будет сопровождаться незаконным оборотом и злоупотреблением наркогенов, движителем чему, как и сегодня, останется стремление, теперь уже «галактических» наркобаронов будущего, получать сверхприбыль. А если к тому же выяснится, что атомарно-молекулярное строение человека идентично космическому веществу той Вселенной, откуда доставлялись на Землю «кирпичики жизни», насыщенные пронаркогенами, поразительных сюрпризов в других мирах не избе-

жать: пьянящие океаны, опиумная флора и галлюциногенная фауна, наркогенные литосфера и атмосфера и, как итог, космический наркотуризм...

Иными словами, по причине обладания движения наркогенов свойствами открытой гиперсистемы этот исключительно важный для человечества феномен наделен мегатенденцией развития во всех секторах биосферы и околоземного пространства с поступательным и закономерным выходом в дальний космос. И сказанное, повторяю, произойдет обязательно по мере освоения человечеством окружающих его звездных миров.

Когда же такое свершится? Увы, футурологические прогнозы на сотни и тысячи лет в будущее многократно зыбче, чем даже куда более скромные долгосрочные предсказания. Взять хотя бы уверения профессора Г. О'Нейла, который в начале 1970-х гг. доказывал, что уже в 2008 г. длина космических поселений (цилиндрической формы) составит 32 км, их радиус – 3,2 км, а население одного такого объекта – от 0,2 до 20 млн человек!¹⁶ Увы, через тридцать с лишним лет после этого излишне восторженного прогноза космических поселений даже человек на сто нет и в помине. (Схоже в 1960-е годы лукавил лидер ЦК КПСС Н. С. Хрущев, обещая народу построить коммунизм в СССР к 1980 г.) За истекшие десятилетия после предсказаний американского мечтателя земляне успели разве что ликвидировать технически изношенную советскую орбитальную станцию «Мир» (1986–2001), после чего «застряли» на этапе строительства и эксплуатации новой околоземной МКС под опекой США. Плюс к тому – запуски автоматических космических аппаратов, главным образом перемещающихся в пределах Солнечной системы.

К сожалению, философия и юридическая наука не обращают достаточного внимания на прогностическую сторону данной проблемы, не конструируют и не накладывают философские и правовые модели движения наркогенов на общественные отношения будущего. Сегодня особо актуальна тема «Космос без оружия». Хотя трансформируется ли безоружный вид *Homo Sapiens* в тупиковый подвид *Homo Narcogenus*, во многом зависит от подготовки людей ко дню завтрашнему уже сегодня. Ибо, говоря словами русского мыслителя Г. В. Плеханова, «будущее способен предвидеть тот, кто понял прошедшее».

VI. Меры упреждения

Как бы удручающе это ни звучало, вернее всего, человечество не одержит в противоборстве с исследуемым феноменом безупречную победу. Допустимо констатировать: независимо от того, какой бы теории развития социума мы ни придерживались – формационной, цивилизационной, любой иной, из каких философских воззрений ни исходили – теологических или материалистических, во всех исторических типах земного общества существовали и будут присутствовать поразному утилизируемые наркогены. Будь то вдыхание дыма от сжигаемой в костре конопли кочевыми племенами скифов, ритуальный прием хаомы иранскими зороастрийцами, знакомство с производными мака и конопли населения Союза ССР, злоупотребление амфетаминами современными жителями Евросоюза и т. п.

Цивилизации создаются и распадаются, а гиперсистема движения наркогенов, меняя одних своих носителей на другие, продолжает эволюционировать.

¹⁶ См.: Космические поселения // Наука и жизнь. – 1976. – № 5. – С. 47.

И все же в этом вопросе следует осознать главное: в нарастающем противостоянии нельзя допустить необратимого поглощения мирового, а в будущем – вероятного межпланетного сообщества патологией немедицинского потребления «старых» и «новых» наркогенов, их незаконным оборотом, что критически подрывает здоровье населения, наносит значительный демографический, экономический и иные формы ущерба.

К немалому сожалению, функционирующие в мире стратегии, концепции и программы антинаркотического толка довольно специализированны и нацелены, как правило, на один-два, реже – три-четыре вида наркогенов: алкоголь, табак, токсиканты и собственно наркотики. Между тем бурное развитие современной наркогенной индустрии требует других научных воззрений на поднятую тему. И хотя в течение прошедшего XX столетия не без участия Лиги Наций и ООН национальными правоохранительными органами и иными учреждениями успешно проводились многие тысячи мероприятий против наркобизнеса и наркомании, все-таки достигнутых результатов явно недостаточно для того, чтобы на мировой арене XXI в. контроль над наркогенами приобрел ярко выраженный и, что особенно важно, постоянно прогрессирующий позитивный характер.

В этой связи автором представляется для обсуждения интегральная конструкция обеспечения глобальной безопасности международного сообщества от угрозы наркогенов с футурологическим прицелом. Она состоит из семи, в настоящем случае скупно обозначенных, направлений, способных стать платформой постглобальной стратегии цивилизации людей в борьбе с данной проблемой. Думается, что в условиях вновь образующегося миропорядка, где России отводятся несомненные лидирующие позиции, эти предложения могут прийтись ко времени¹⁷.

1. Осуществление регулярных междисциплинарных планетарных научных исследований по проблемам движения наркогенов.

2. Выработка согласованного межгосударственного подхода к вопросу немедицинского приема наркогенов, их незаконному обороту.

3. Тесная международная увязка национальных и субрегиональных концепций, программ, планов по контролю над наркогенами в единую глобальную и постглобальную стратегию.

4. Учреждение межгосударственного органа по координации контроля над наркогенами правоохранительными и разведывательными методами.

5. Разработка и принятие международного свода законов о правонарушениях, связанных с наркогенами, а также химическими веществами и технологиями, используемыми для их производства, включая самостоятельный раздел – космическое метаправо.

6. Создание высшего международного суда по вопросам контроля над наркогенами.

7. Организация международной пенитенциарной системы.

Само собой разумеется, все описанные в теории движения наркогенов процессы должны проходить под неусыпным вниманием авторитетных ученых, так как фундаментальное осмысление и разрешение поднятой автором проблемы вряд ли окажется успешным без участия «продвинутых» исследователей из всех отраслей знания.

¹⁷ Более 10 лет назад автором предлагался первый вариант такой стратегии, получившей положительную оценку среди зарубежных и международных специалистов в области борьбы с наркобизнесом. См.: Kalachev, B. The Illegal Proliferation of Narcotics in Russia: Internal Trend and the Impact on the International Situation // *Low Intensity Conflict & Law Enforcement*. – 1996. – Vol. 5. – № 2. – P. 117–128.

РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

«ВСЕМИРНАЯ ОТЗЫВЧИВОСТЬ», ИЛИ РУССКИЙ ПУТЬ К ГЛОБАЛИЗМУ*

А. В. Кацура

Коммунизм и казарма

Все исправители мира суть социалисты.
Освальд Шпенглер

И вот тут нельзя не сказать о странной двойственной роли и печальной судьбе учения Маркса. (Мы на время должны вынести за скобки подлинную глубину Маркса, ныне мало кому важную, – учение о человеческой свободе, свободе конкретного личностного человека в ее неразрывной связи со свободой *всех*, свободе, которая, как на шампур, нанизана на историческую ось, распластана по этой оси так, что ее мало в настоящем, еще меньше в прошлом, и от которой доносится только слабый мучительный аромат из *научно предвидимого* будущего, смахивающего на ультратехническую утопию, на «фаталистически трактованное техническое мессианство».) Нет, здесь мы вспомним об ином – о грубом учении *коммунизма* (от которого Маркс в ужасе отшатнулся бы, восстань он из гроба в ленинские или сталинские времена), учении, равно подходящем авторитарным вождям и невежественным толпам, массам, в которых каждая песчинка охлоса несет в своем глубоком бессознательном древний *комплекс вождя и стада*, причем главным атрибутом этого комплекса является *перенос* центра собственной личности и ее интересов в воображаемое личностное поле вождя: *он – это мы, мы – это он*. Умиравший за вождя на поле боя пассионарий подсознательно верит в свое бессмертие, ибо ядро своей личности он вручил вождю, растворил в вожде, который не столько человек, сколько символ, а потому бессмертен. Если вождю во дворце тепло и сытно, то тепло и сытно голодному пассионарию в лачуге, в землянке, в сыром окопе. Но долго ли этот обморок может длиться? Все было бы прекрасно, да вожди, оказывается, не вечны не только как существа из плоти, но и – о, ужас! – как символы (хотя за символизм этот долго не затихает борьба, измученные и сбитые с толку пассионарии держатся за него как за последнюю соломинку). В Китае прошлого века это дошло до гомерической метафоры: *вэнь вэнь суй Мао джуси* (10 тысяч лет жизни Председателю Мао)! Но каким потрясением была смерть Сталина в коммунистической России! Народ к тому времени был уже доведен до приличной степени иррациональности, в смерть «отца народов» он поверил лишь ча-

* Продолжение. Начало см. в журнале «Век глобализации». – 2008. – № 1. – С. 144–153.

стью души. По свидетельству Корнея Чуковского, Эммануил Казакевич мрачно-то шутил в марте 1956 г., как раз после XX съезда: «Вдруг в “Правде” печатается крупным шрифтом “В Совете министров СССР”: вчера в 12 часов 11 минут считавшийся умершим И. В. Сталин усилиями советских ученых ВОСКРЕШЕН и приступил к исполнению своих обязанностей. Вместе с ним воскрешен и заместитель председателя Совмина Лаврентий Павлович Берия”. И никто даже не удивился бы».

Да просто бы возликовали! Ибо, если не считать бывших лагерников да горстки диссидентов, основная масса ждала подобного пришествия. И ждет по сию пору. Отрекшись от президентства до срока, Борис Ельцин поступил мудро. Ведь этим нестандартным шагом (оставим за скобками вопрос о том, насколько он делал это по своей воле) часть народного расположения к себе вернул. Но он не мог этого сделать, пока не нашел того, кто хотя бы отдаленно напоминал по повадкам вождя. Не предводителя-умницу, гуманного теоретика и знатока экономических тонкостей, а вождя сурового со взглядом сосредоточенно-прохладным. Этого обстоятельства в своей политической практике не учитывают, не используют, не понимают (и, видимо, никогда не поймут) умный экономист Явлинский и иные демократические лидеры правой и центристской ориентации. Вот почему, кстати, их электорат никогда не выйдет за роковую черту в 6–7 %, сколько ни комбинируй и ни соединяй.

Еще в 1929 г. Ортега-и-Гассет назвал коммунизм и фашизм «ложными зорями человечества». Русский же марксизм он прямо окрестил «маскировочной шкурой, наброшенной на волчий имперский аппетит России». Но не этот ли заимствованный (и сильно искаженный) «марксизм» провозгласил своей главной целью освобождение трудящихся всей земли, включая небезразличную Ортеге Гренаду? Какая прекрасная легенда для завоевания мира! И так ли здесь важен марксизм, если эта цель была поставлена Россией куда как раньше – во времена Филофея и Ермака. (Справедливости ради отметим, что примерно в тот же исторический период католические короли Испании ставили похожие задачи перед своей страной.) Что касается XIX в., особенно его конца, то обратимся вновь к такому умному писателю, как Энгельс. Еще в начале 1890 г. в большой статье «Внешняя политика русского царизма» он так прямо и заявил: *основной целью России является мировое господство*. И подтвердил сей вывод довольно внимательным анализом, отрывки из которого нелишне здесь вспомнить.

Известно, что в Европе Россию недолюбливали, в Европе России опасались. Еще в октябре 1825 г. русский посол в Лондоне князь Христофор Андреевич Ливен докладывал депешей из Англии: «Вся Европа с ужасом смотрит на этот русский колосс, гигантские силы которого ждут только сигнала, чтобы двинуться против нее. В ее интересах поэтому поддерживать турецкую державу, этого естественного врага нашей империи».

Энгельс через 65 лет продолжает эту тему, говоря прямо: одно уже пассивное существование Российской империи представляет для нас угрозу и опасность. (Под словом *нас* Энгельс разумеет западноевропейское рабочее движение, но из дальнейшего текста видно, что естественным синонимом было бы простое слово *европейцы*. Характерно, что на протяжении всего XX в. мысль эту будут повторять самые разные политики Европы и Америки, хотя будет и немалый период *очарованности* [части западных интеллектуалов] коммунистическими преобразования-

ми в России.) И что делать? Ответ Энгельса вытекает из его логики социалиста: «мы... заинтересованы в победе русской революционной партии». Ему казалось, что русская революция уничтожит русский агрессивный напор (и «русскую реакционность»). Не одному ему так казалось. Получилось все наоборот. Коммунизм (но не Маркс, а ненавистный ему казарменный) сделал Россию просто свирепой. Почему? Как? Чуть позже мы к этому вернемся. Впрочем, сам Энгельс приводит мнение специалиста по русской дипломатии англичанина Давида Уркарта, на протяжении полувека утверждавшего, что каждый европейский либерал и революционер является сознательным или бессознательным орудием России. Энгельс к сему мнению отнесся иронически: «Систематические занятия русской дипломатией привели Уркарта к убеждению, что она – всемогуща, что она и в самом деле является единственным активным фактором современной истории, все же другие правительства – лишь пассивные орудия в ее руках; так что если бы не его столь же преувеличенная оценка силы Турции, нельзя было бы понять, почему эта всемогущая русская дипломатия давно уже не захватила Константинополь». Как видим, Уркарт в большей степени, нежели Энгельс, выступил последователем Токвиля. Однако если француз России не боялся, то англичанин, аристократ и наследник империи, опасался чрезвычайно. А вслед за ним, противореча самому себе, и социалист Энгельс. Последний напомнил в 1890 г., что еще в 1848 г. Маркс первым указал и с тех пор неоднократно подчеркивал, что западноевропейская рабочая партия вынуждена будет не на жизнь, а на смерть бороться с русским царизмом. (Когда царя заменит генсек, разве что-нибудь изменится? И какой насмешкой истории звучит то обстоятельство, что партия Гитлера называлась рабочей и социалистической!)

Энгельс по-своему подхватывает мысль Уркарта. Вот что он пишет в упомянутой статье: «Русская дипломатия образует своего рода современный орден иезуитов, достаточно мощный, чтобы преодолеть в случае необходимости даже царские прихоти и коррупцию в своей собственной среде, чтобы тем шире распространить ее вокруг. (Не остро современно ли это звучит? – А. К.) Вначале этот орден набирался по преимуществу из иностранцев: корсиканцев, как например Поццо-ди-Борго, немцев, как Нессельроде, остзейских немцев, как Ливен; иностранкой была и его основательница Екатерина II... Именно это тайное общество, набравшееся вначале из иностранных авантюристов, и подняло Российскую империю до ее нынешнего могущества. С железной настойчивостью, неуклонно преследуя намеченную цель, не останавливаясь ни перед каким вероломством, предательством, убийством из-за угла, пресмыкательством, не скупясь ни на какие подкупы, не опьяняясь победами, не падая духом при поражениях, шагая через миллионы солдатских трупов и по меньшей мере через один царский труп, – эта шайка, настолько же бессовестная, насколько и талантливая, содействовала больше, чем все русские армии, расширению границ России от Днепра и Двины за Вислу, до Прута, Дуная и Черного моря, от Дона и Волги за Кавказ, к истокам Оксуса и Яксартажа, это она способствовала тому, чтобы сделать Россию великой, могущественной, внушающей страх и открыть ей путь к мировому господству».

Я надеюсь, что у читателя не свело скулы от цитат из г-на Энгельса. И не в том дело, что нынче ссылаться на «основоположников» немодно, и даже не в том, что прежде, в советских работах, имел место, за редким исключением, лишь набор

дежурных цитат из их произведений при полном искажении общего смысла, а в том, видимо, что во второй половине XIX в. действительно едва ли найдешь людей умнее господ Маркса и Энгельса. Во всяком случае, более глубокого и трезвого анализа российской политики в 90-е гг. позапрошлого века лучше Энгельса не сделал никто. А то, что Энгельс многого не увидел, так на то нам и даны лишние 120 лет, чтобы хоть каким-то боком да освежить и, чем черт не шутит, углубить картинку.

Между прочим, после приведенных слов Энгельса пройдет не более трех десятков лет, и вот эта упомянутая им «шайка» (точнее, ее полуграмотные наследники – от Парвуса до Ульянова, от Дзержинского до Белы Куна), рекрутируя в свои ряды еще большее количество иностранных авантюристов и называя себя *коминтерном* (чему Энгельс несказанно удивился бы), завоеует полмира. Что бы сказал Энгельс, увидя границы России середины XX в. – от Одера до Вьетнама, с проникновением в Африку и на Кубу? Что бы он сказал о значении несчастных Проливов в век спутников и баллистических ракет? Что бы он сказал, услышав слова вооруженного этими самыми ракетами Хрущева, весело и нагло обращенные к Америке, ко всему Западу, – «*Мы вас похороним!*»? Бедный Никита всего-то хотел сказать: «Похороним не людей, нет, но лишь капитализм, то есть “плохой” общественный строй заменим на “хороший”, социалистический, для вашего же, господа капиталисты, счастья в дружной семье народов», поскольку именно эту цель вдальблывали в его не слишком отягощенную знаниями голову на краткосрочных партийных курсах. Но кто тогда на Западе это воспринял именно так? Кто способен был заглянуть под черепную коробку этого странного лысого низкорослого толстяка, притащившего ракеты под бочок Америки на Кубу и стучавшего башмаком по столу в ООН?

В итоге мы видим, что главное из анализа Энгельса сохранилось в первоизданном виде: уверенность России (точнее, определенной части ее народа и элиты), что она призвана *освободить* или, что то же самое, захватить, завоевать, *подчинить своему влиянию* весь мир (а для начала хоть малую часть). И для этой призрачной цели тратились (а точнее, проматывались) гигантские ресурсы России, что подрывало не только национальную экономику, но и биологические силы ее народов. Во внешней политике (в том числе и в военном ее сегменте) было много надуманного, ложного, фанфаронского, но в мире все это воспринимали куда как серьезно и с немалой тревогой.

Царьград – рухнувшая мечта

Но днесь, когда мы вновь со славой
К Стамбулу грозно притекли,
Твой холм потрясся с бранным гулом,
Твой стон ревнивый нас смутил,
И нашу рать перед Стамбулом
Твой старый щит остановил.

А. С. Пушкин, «Олегов щит»

Что оставалось наивной, провинциальной, но уже сверхбогатой и сверхтехнологичной Америке? Она приняла вызов. А во время еды, как известно, приходит аппетит. Постепенно к Америке, некогда оплоту изоляционизма, стало приходить

и чувство, и понимание, что это она должна руководить миром. За океаном сформировался свой образ однополярного мира. Процесс этот шел не менее полувека, и если сейчас многим кажется, что задуманный то ли в Белом доме, то ли в Лэнгли план-образ воплотился в реальную жизнь, то по меньшей мере любопытно задуматься над двумя вопросами. Первый: как же это все-таки произошло? И второй: а произошло ли это на самом деле?

Но сначала о том, почему не состоялся, почему рухнул «русский оптимальный вариант»?

А он и не мог состояться. Историческая попытка была предпринята с негодными средствами (страной «не на уровне истории»). Словно оправдывая иронию Энгельса, Россия так и не добралась до Стамбула.

Кто ее остановил в 1829 г.? Неуверенность царя? Страх перед Европой?

Кто ей мог помешать в 1945 г.? Весной этого победного года еще не были сброшены бомбы на Японию, фактора ядерного оружия еще не существовало, военного конкурента в Евразии у России не было, а верность Сталина Ялтинским соглашениям и американскому союзнику вызывает глубокие сомнения. К тому же годом ранее не был принят план Черчилля об открытии Второго фронта в Греции, чтобы, продвигаясь на север, западные союзники могли отсечь Восточную Европу от наступающих войск коммунистической России. (Чего британский премьер справедливо опасался. Не случайно он, пытаясь сохранить хоть что-то, хитро разменял со Сталиным Грецию на Румынию. Сохранился сделанный рукой Черчилля тайный набросок: Румыния на 90 % советская и лишь на 10 % – прозападная, зато Греция на 90 % под западным влиянием, и лишь на 10 % – под советским. Поставив на этой бумаге галочку, Сталин выразил согласие и Грецию отдал. А ведь мог этого и не делать. Мог поторговаться.)

Между прочим, в первых числах апреля 1945 г. случился в бункере имперской канцелярии любопытный эпизод. Уже давно «потухший» фюрер вышел в одно прекрасное утро к окружению в необычно приподнятом состоянии. И хотя уже был слышен дальний гул русской артиллерии, нацистский лидер, сверкая глазами, произнес нечто странное: мы спасены, русские армии вскоре повернут на юг; Берлин вне опасности. И в изумленные физиономии штабных генералов бросил аргумент: русским не нужен Берлин, потому что у них есть лишь одна вековая мечта – Босфор и Дарданеллы. Гитлер в своем больном сознании всерьез вообразил вполне реальной короткую войну между СССР и Турцией, ради быстрой победы в которой Сталин будто бы оттянет наступательные дивизии из Германии (и тогда, может быть, сверкнет для нацистов надежда на сепаратный мир на Востоке!). Стратегически для Сталина это было бы не так уж и глупо – сохранить кусочек гитлеровской империи (пусть Запад с ней воюет, если хочет, еще лет тридцать), зато легко прийти на берега Мраморного и Средиземного морей с надежными идеями пролетарского братства. Ах, как бедный фюрер ошибался! Но такова была сила магнетизма Гитлера – ему поверили, и весь день в имперской канцелярии шла веселая попойка. Тяжкое похмелье случилось через считанные дни, когда русские пушки загрохотали в предместьях Берлина и на Зееловских высотах.

Но если значение Проливов и старинную русскую тоску по ним понимал Гитлер, неужели этого не знал или не понимал Сталин? Или он оказался честен перед союзниками и южными соседями? Или просто не решился? Но ведь напал же он

на глазах всего мира на крохотную Финляндию. Его за это из Лиги Наций исключили. Ну и что? Он не постеснялся после этого и Польше в ее трагические дни нанести удар в спину (заранее с нацистами спланированный). И есть немало свидетельств (правда, косвенных), что, разделив с Гитлером Польшу, он начал тайно планировать на июль-август 1941 г. тотальный удар по Германии (наверняка с тяжкими сомнениями и не до конца подавленным страхом). Однако же в случае успеха собирался идти до Атлантики, «освобождая» Данию, Францию, Бельгию и Голландию от «фашизма», а заодно и от «капитализма». А уж весной-то 1945 г. испытанными в боях неудержимыми корпусами как было не ударить по недавно дружественной Гитлеру Турции?.. Между прочим, в противоположной ситуации турки едва ли были бы столь же щепетильны. Осенью 1941 г. они сосредоточили к югу от Кавказа 45 отборных дивизий и ждали лишь падения Москвы. До этого, сознавая свою слабость и отчаянно трусая, они выступить не решались. Но Москва так и не пала. Казалось бы, что стоило Сталину любой случайный выстрел на грузино-турецкой границе использовать как повод для нападения на южного соседа? Но обстановка 1945 г. уже совсем не напоминала обстановку предвоенную. К тому же ловкие турки успели не только разорвать отношения с Гитлером, но и объявить ему войну.

Есть немало рациональных объяснений дальнейших шагов советского правительства, но здесь плоским рационализмом не обойдешься. Без историософских соображений (увы, порою несколько туманных, да еще с легким налетом художественно-исторической мистики) тут едва ли возможно разобраться.

Разумеется, как уже говорилось выше, в век космического оружия дело вовсе не в каких-то там Проливах. Но символ, символ! К тому же доля стратегического значения у этих узких ворот в Средиземное море сохранилась (хотя бы для прохода танкеров с нефтью или отдельных сторожевых кораблей). Но отпадение Украины, скандал с Севастополем и флотом, наполовину иррациональное напряжение с Грузией делают всю картину для России столь печальной, запутанной и провальной, что, казалось бы, о чем говорить?

Америка еще совсем недавно являла собой страну энергичную и эффективную. Было, было чему у нее поучиться. Однако это не означает, что пресловутая «американская модель», во-первых, идеально хороша, а во-вторых – повсеместно применима. И не копировали ее слепо ни японцы, сохранившие свою семейно-азиатскую клановость, ни китайцы на Тайване, ни южные корейцы, ни малайзийцы. Есть, есть непреходящее своеобразие и у японцев, и у китайцев, и у индийцев. Есть оно и у России. Только перечисленные народы не несли и не несут в себе тайной (а порой и явной) идеи завоевания мира, а Россия несла. И вот вопрос – отказалась она от этой фантомной идеи или нет?

Вот ведь сказал же не так давно Путин, что в случае вступления Украины в НАТО Россия будет вынуждена нацелить на ближайшего нашего соседа (а в сущности, и близкого родственника) стратегические ракеты. А если какой-нибудь остров в Полинезии вступит в НАТО, и на него нацелим? Странным образом идея национальной безопасности неотделима у нас от идеи войны со всем миром. Так как же нашим ближайшим (а заодно и дальним) соседям нас не опасаться? Что творится в головах российских руководителей? Ведь предельно ясно, что военный конфликт с НАТО не просто невозможен. Хуже того, он означал бы историческое поражение человечества.

ва. (Обугленная планета? Это уже исторически невозможно.) Или эти воинственные телодвижения предназначены лишь для внутреннего употребления?

Умер ли марксизм?

Маркс впервые нащупывает то, что с тех пор для него будет выступать как парадигма и цель всемирной истории, – субъективная свобода каждой личности, несущей в себе полноту субстанционной свободы.

Карл Кантор

Вот схлынут ожесточение и накипь, и станет ясно то, что многие давно уже поняли: есть коммунизм и *коммунизм*. На самом деле в России был повержен не коммунизм в его более или менее идеальных вариациях, а нечто иное, что только носило (в сущности, незаконно) кличку «реального социализма», «коммунизма» и т. п. Есть страшный опыт русских, китайских, кампучийских, северокорейских и прочих горе-коммунистов и есть набросанные вчерне, хотя и грандиозными мазками, некие ориентиры выхода человечества на новые исторические высоты, когда не труд будет освобожден (как это превратно поняли и Плеханов, и Ленин), но человек будет освобожден от труда и весь отдан творчеству. У Маркса подлинное творчество – это свободное время, а не труд. Элементы классового и жесткого назидательного историзма – это у него проходящее. Доживи Маркс до XX столетия, он от многого устаревшего с легкостью бы отказался, пойдя куда дальше Бернштейна, Каутского, Маркузе, еврокоммунистов и социалистов. Впрочем, это только предположение. Лично я не стал бы спорить с утверждением, что в марксистской доктрине немало элементов утопии. Возможно, и так. Но есть в ней и очень красивые, и очень глубокие построения относительно того выбора, который человечеству предстоит сделать в будущем. Был опыт в 70 дней. Затем случился опыт в 70 лет. Оба предприняты были с негодными средствами и окончились провалом. Когда будет третья попытка? Через 50 лет? Через 150? Предсказывать сроки не берусь, но то, что она будет, – несомненно. История не остановилась и не думает останавливаться. Фрэнсис Фукуяма выступил несколько лет тому назад как какой-то окарикатуренный Гегель. У него вышло так, что Мировой дух воплотился без остатка в западном рыночном либерализме, так что остались лишь мелкие косметические доделки. Примерно то же самое, но на иной манер, думали наши младореформаторы в 1990-е гг. И как провалились! Эти «чикагские мальчишки» всерьез уверовали, что американской модели (так, как они ее понимали) альтернативы нет.

Итак, рухнуло ли учение Маркса?

У недавно ушедшего российского философа Карла Кантора существует оригинальная (и, на мой взгляд, достаточно глубокая) концепция по поводу современного и будущего состояния Марксова наследия¹.

Марксизм (подлинный) он рассматривает как новейшее (для XIX и последующих веков) издание глубинной христианской идеологии *равенства в свободе и творческом выборе* (Кантор внимательно и детально показывает, что настоящий

¹ Кантор, К. М. Двойная спираль истории: Историософия проектизма. – М.: Языки славянской культуры, 2002.

Маркс, критиковавший земную церковь, отнюдь не был примитивным безбожником, более того, не был и противником, но, скорее, творческим продолжателем дела Христа, перед образом которого пылкий семнадцатилетний юноша из Трира дал обет служить людям).

Всего таких *изданий* было три.

Первое – учение евангелистов и отцов церкви.

Вторым по счету было великое искусство Возрождения, подхватившее эстафету у заплутавшей к XIV–XV вв. христианской церкви и выразившее на своем специфическом языке великие принципы соотношения мира, человека и Бога, и удержавшее тем самым свет истины Христовой (в скобках замечу и о позже пришедшем своеобразном *русском Возрождении*, породившем удивительное явление – классическую литературу XIX – начала XX вв., выполнявшую ту же миссию – удержание света в душе человеческой).

В случае *социального учения* Маркса речь должна идти об *издании* третьем по счету, но весьма масштабном и надолго определяющем пути человечества. Подобное понимание позволяет Кантору не только увидеть специфические *мессианские черты* в марксизме (на что внимание, разумеется, обращалось и раньше), но даже разглядеть, как в своеобразном облике марксистского учения по миру продолжает распространяться христианство (как идеология личностной свободы, как система нравственных принципов и ориентиров, а не как церковный институт). При таком подходе становится понятным быстрое распространение Марксова учения в стране, которую сам Маркс считал для этого учения не очень пригодной, – в России (читайте ответ Маркса Вере Засулич). В этой связи отмечу совпадение, которое можно трактовать символически: Карл Маркс и Федор Достоевский были практически ровесниками и прожили свои творческие жизни в одни и те же годы.

Еще более удивителен случай Китая. Конфуцианский и буддийский Китай не смог бы принять христианство в его канонически-церковном виде (разве что только в очень ограниченных масштабах, например, в виде специфической и малочисленной китайской католической церкви), однако он легко воспринял христианские идеи в их марксистских одеждах (точнее, увы, в одеждах упрощенных и искаженных). Но даже в таком виде они пришли на свободное ментальное поле, слабо задевая сложившиеся ценности конфуцианского общества, практически не создавая конкуренции на уровне и в плоскости религиозных догматов или в аспекте церковных общин.

Построения К. Кантора остро дискуссионны, это очевидно, однако они не лишены серьезной логики. Можно лишь повторить, что, к сожалению, упомянутые *одежды*, перекроенные и перешитые последователями, быть может, более горячими и нетерпеливыми, но не столь глубокими и тонкими, оказались во многом псевдомарксистскими, что очевидным образом ускорило крах политического эксперимента (тем более, что и для чисто марксистских опытов время, по всей видимости, еще не пришло).

Но здесь важно отметить вот что: принципиально глобальный (планетарный) характер Марксова учения, фактически первым заговорившего о человечестве и его судьбах как о целом, хотя начальный толчок этому дали христианские проповедники («Несть эллина и несть иудея...»).

«От тайги до британских морей»

За то, что я верна осталась
Печальной родине моей...

Анна Ахматова

И снова вопрос: зачем, к чему эта безмерная мука всемирного завоевания? Что за дикая блажь? Что за бездонный аппетит? Неужели всего лишь для тривиального грабежа на манер примитивных племен? Энгельс, кстати, так и назвал – грабежом – попытки России выйти за пределы традиционно русских (восточнославянских) областей. Но ведь мы в России хорошо знаем, что это не совсем так. Не для грабежа это делалось. Конечно, наша национальная искренняя убежденность – еще не аргумент. Да ведь Россия почти никогда не грабила. Ни в Москве, ни в Петербурге не найти свидетельств ограбления колоний, не существует грандиозных имперских построек за счет украинских, прибалтийских или среднеазиатских ресурсов, дворцы и дома в метрополии никогда не были набиты бухарским золотом, текинскими коврами или кавказской и балтийской утварью, нет музейско-складов награбленного искусства и прочего, в Эрмитаже все куплено за денежки. (И лишь некоторые последствия 1945 г. в связи с запутанной проблемой реституции составляют тему особого разговора. Здесь скажу лишь, что волокли «трофейное» имущество в Россию не аристократы, правившие страной несколько столетий до того, а большевистские начальники и «мужицкие» генералы – этой же публике грабительский душок был, увы, не в диковинку.)

И все же, если вернуться к теме безмерного расширения русского пространства, – не для грабежа. Тут явно что-то иное. Сильное мессианское чувство в русском сознании – не выдумка. И как похоже на реальность то обстоятельство, что коммунистическая идея проникла в Россию в очень специфическую для страны эпоху, и это чуть подостывшее чувство вогнала в новый вираж.

Господство над миром. Казалось бы, возникновение этой темы должно быть связано с Римом. Разве не эта империя впервые поставила вопрос о планомерном завоевании земель до краев ойкумены? Все так, если говорить о тупом военном овладении пространством. Но Рим, рассылая легионы до кельтских островов и дакийских провинций, провалился духовно. Императоры (хотя бы в лице Константина) поняли это с запозданием, ибо всю уже шел процесс духовного завоевания (объединения) мира. И началось это даже не с христианства, а с двух более ранних, но весьма могучих ветвей культуры – с иудейского монотеизма и античной (греческой) диалектики. Явление Христа лишь обозначило слияние этих ветвей и новый нравственный порыв. Но ни Миланский эдикт Константина и Лициния 313 г., признавший христианство наряду с другими религиями, ни Никейский собор 325 г., ни Константинопольский эдикт Феодосия I в 392 г. уже не смогли спасти изнемогший Рим. Кончилось тем, что не Рим (пусть уже с христианством как государственной религией) захватил мир, но скорее мир (в лице варваров) захватил Рим. Позже, как мы знаем, это случилось и со Вторым Римом. У средневекового русского писателя Нестора Искандера в «Повести о взятии Царьграда турками в 1453 г.» падение Второго Рима подается с провиденциальной силой – как поворотное историческое событие. Спустя полвека Великий князь Московский Василий III, собирая русские земли, присоединил в числе прочих городов и Псков. И тогда монах Елизарова монастыря во Пскове написал князю, что он, князь, –

наследник великих императоров, что его град отныне – мировой центр и оплот истинной религии.

Но трещит в наши дни и съезживается Третий Рим. Неужто и его готовы растоптать «*новые варвары*»? Христианство, растворенное в коммунистическом учении и усиленное утопическими призывами («Разбить цепи рабства на всей планете»), поначалу подвигло нацию на мощные порывы, но все это за несколько десятилетий выдохлось, ибо было замешано на наивной вере пополам с тривиальным враньем очень быстро переродившихся «*вождей*».

Спасет ли нас, вернет ли созидательную энергию возврат к ортодоксальному христианству? Есть ли серьезное будущее у Русской Православной Церкви? Надо ли нам продолжать поиски национальной идеи в более широком поле?

Вернет ли России имперско-мессианский дух то обстоятельство, что она, приостановив пространственный развал, включилась в нешуточную борьбу за небольшие земельные пространства на своих южных границах, в поле сложнейших этнических сплетений? Актуальна ли эта борьба на фоне неизбежно разворачивающихся процессов глобализации и постепенного таяния традиционных экономических и политических границ?

И еще вопрос: существуют ли ныне достаточные основания для того, чтобы страна за океаном стала бы если не в открытую величать, то хотя бы ощущать себя Римом Четвертым? Последние события придают этому вопросу какой-то нервозно-иронический характер, еще более запутывая достаточно актуальную тему однопольности-многопольности мира.

«Всю тебя, земля родная...»

О наша крепость и оплот!
Великий Бог! Веди нас ныне,
Как некогда ты вел в пустыне
Свой избранный народ!..

Федор Тютчев

Россия изнутри и Россия снаружи – словно две различных страны. Издали на нее всегда смотрят косо (по меньшей мере, с той поры, когда об этом написал князь Ливен). Те же иностранцы, которые задерживаются в России, живут годами – нередко влюбляются в нее.

Американцы же по сей день изображают в шпионских фильмах русского человека как существо коварное, холодное и беспредельно жестокое. Эдакого завоевателя, который, если его не обуздать, не остановится ни перед чем. Увы, неоправданная, немотивированная жестокость встречается в русской жизни, в остальном же – удивительное непопадание, дань устаревшим взглядам. Мы категорически не в силах узнать себя в этих киношных монстрах. А вот в фильмах с *чеховской нотой* (про людей милых и слабых) мы себя охотно узнаем.

Итак, добрый, мятущийся, неуверенный и самоуглубленный человек – при взгляде изнутри (изнутри страны, особенно изнутри собственной души). Недостаточно окультуренный, не до конца воспитанный, однако же настойчивый и коварный завоеватель – если смотреть снаружи (многие так и смотрят).

Россия несет в себе противоречиво оба этих начала. Причем изнутри по большей части *мы* видим (желаем видеть) некую духовно-культурную сторону наших

экспансионистских претензий (отсюда бесконечные разговоры о какой-то особенной русской *духовности*, о всемирной отзывчивости русского человека, об особой тонкости и глубине культуры), в то время как *они*, смотрящие на нас снаружи, видят нас несколько в ином свете – отсталыми, варварски-агрессивными и отчасти загадочными (западный миф о русской душе, о Достоевском, Чехове, Пастернаке...).

Противоречие это отразилось и в Русской Православной Церкви, в лице лучших своих представителей поднимавшейся до высочайшего духовного подвига, но в целом отсталой, горделиво-провинциальной, завязанной на приземленную и старомодно-пышную ритуальность, давно сдавшей свои позиции перед государственностью и основательно погрязшей в интригах церковного начальства среднего и высшего звена.

И вот мы подбираемся к важному. Для чего нужны были «магнитки», «кузбасы», «днепрогэсы» и «Коминтерн»? Для лучшей, более зажиточной жизни обывателя? Как бы не так. Лучшая жизнь, конечно, обещалась, громко и прилюдно, но был этот фактор по счету третьим, если не пятым. А на первом – освобождение трудящихся всех стран: «Чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать». А для этого надо, чтоб «от тайги до британских морей Красная Армия...» и все такое прочее. Заметим по этому поводу, что, например, к 1941 г. Англия имела на вооружении 50 танков, а Гитлер – целых пять с половиной тысяч. Фюрер упивался таким грандиозным превосходством. А сколько танков было в СССР, он не знал. Но полагал, что мало. И разведка его во главе с Канарисом бубнила, что русская промышленность мало на что способна. А в СССР их действительно было не так уж много. Всего-то около 30 тысяч. Из них свыше двух тысяч новейших, с дизельными двигателями (из-за чего танки было труднее поджечь), длинноствольными пушками и великолепной броней (КВ, ИС, Т-34), каких и у немцев не было. И зачем были нужны эти танки? Штанов-то из них не сошьешь. А еще были военные корабли, подводные лодки, самолеты – истребители, бомбардировщики, штурмовики, миллионы парашютов. Была лучшая в мире артиллерия. И так далее. И все это – для обороны? Но оборонительных полос никто не строил, зато старые были старательно снесены.

Сейчас, в наши дни, мы вновь готовы заняться вопросом: для чего были нужны эти «норильские никели», эти «красноярские алюминиевые» – неужели для того лишь, чтобы на неожиданном историческом витке внезапно оказаться «приватизированными» (втемную, нагло и за гроши), чтобы какие-то пронырливые личности положили на свои заграничные счета сотни миллионов, миллиарды долларов? Это не только не похоже на либеральный рынок, это с трудом смахивает на капитализм не только времен Маркса и Энгельса, но и времен пирата Дрейка. Хотя, впрочем, в своей классической работе Маркс говорит: «Преобразование карликовой собственности многих в гигантскую собственность немногих, эта мучительная, ужасная экспроприация трудящегося народа – вот источник, вот происхождение капитала...». И не поймешь, кого он имеет в виду, – Ротшильда и Моргана или Дерипаску с Абрамовичем.

Но, быть может, этот вновь явившийся грубый капитализм отрезвит Россию? Лишит ее былой агрессивности, не погонит (вопреки логике Ленина) к империалистским соблазнам? И цивилизованные народы с восторгом распахнут нам объятия?

Тем более, что транснациональные корпорации давно перекроили и заново сшили мир поверх государственных границ. Значение же последних, о чем уже упоминалось выше, тает на глазах. Тогда почему мы так вцепились в остатки своих протяженных границ? Почему не хотим отпустить на все четыре стороны малые несговорчивые народы на южных наших границах? Где объяснение?

Тут без теории рациональности по Фрейду не обойтись. То есть всякими внешне правдоподобными рассуждениями мы пытаемся (сами от себя!) скрыть, замаскировать, затушевать свой древний комплекс. Разве маленькая Чехословакия, превращаясь в Чехию и уменьшаясь вдвое, не проигрывала стратегически? Еще как! Но она не сочла это доводом, чтобы довести дело до войны со Словакией. Если бы в Квебеке за отделение проголосовало бы большинство, неужели Оттава стала бы воевать с Монреалем? Конечно, забавно будет посмотреть, ежели шотландцы возьмут вдруг да и проголосуют за отделение от Великобритании. А почему бы и нет?! Шотландия по размерам и населению напоминает Данию. У них схожи даже широты и географическая форма. Почему бы вольнолюбивой Шотландии, разгромившей английскую армию еще в XIV в., захваченной силою во второй половине XVII в., а официально присоединенной к Англии лишь в XVIII столетии, не пожить отдельно и на свой вкус?

Если мы цивилизованная страна (а вроде бы по-другому мы вопрос и не ставим), то разве не ясно, что проблемы типа северокавказских распутать «на уровне истории» (подлинно демократически) можно только одним способом – грамотными переговорами, мирным союзным соглашением либо – в случае крайнем – цивилизованным разводом.

А объяснения нашей приграничной воинственности – те самые рациональные покрывала по Фрейду. Единая и неделимая Россия! А то смотри, вот-вот развалится. Кто поверит, что Урал или Вятская губерния проголосуют вслед за Чечней или, допустим, Ингушетией за отделение от Московии? А чему суждено отвалиться, то отвалится рано или поздно. Вот, скажем, Тюрингия, которая каких-то 20 лет тому назад была «социалистической», вовсе не собирается отделяться от «Великой Германии», равно как и ганзейские города, которые помнят времена вольности. Хитрость проста – у них сейчас свободы не меньше. В этом смысл и ценность, скажу упрощенно, открытого общества.

В историческом смысле гораздо умнее вести дело к тому, чтобы межгосударственные границы постепенно теряли свое прежнее значение, как это делается в Европе.

На самом деле на крохотном пятачке Чечни (шире – Северного Кавказа) решалась историческая задача. Россия имела возможность показать, что это уже не лязгающая зубами полубессильная (но все еще опасная) империя, что это уже *новая страна* с прекрасным демократическим потенциалом и воистину замечательным будущим. Причем не *проклятым западникам* показать, но прежде всего самой себе, своему народу, измученному, задерганному и дезориентированному. А то ведь он и сам ныне не знает, что он такое есть. А вот когда мы станем действительно богатыми и добрыми (своим трудом и умом, ничем иным), тогда сразу изменится отношение к нам соседней, и с удовольствием будут ездить по делам в Москву как в свой город и украинцы, и казахи, и грузины, и абхазцы, и те же эстонцы. Впро-

чем, в известной степени все это уже существует. Так что есть и добрые итоги наших демократических реформ. Не на 100 % они провальны.

Кстати, отказ России от коммунизма потому и принят был благожелательно, что его понимали как отказ от доктрины «освободить трудящихся всех стран», то есть от коммунистического империализма. Но оказалось, что имперскость имеет несколько покровов. Сброшен верхний, обнажился под ним лежащий. Сколько их всего и до каких глубин? Что же касается коммунистической экспансии, то каких только анекдотических мнений о ней не складывалось! Голда Мейер рассказывает в своих мемуарах, как саудовский король Фейсал в приватной беседе раскрыл Генри Киссинджеру «страшную тайну»: коммунизм придумали евреи, чтобы сначала захватить Россию, а уже с ее помощью весь мир. (Замечательна в своей объясняющей простоте эта формула марксизма-глобализма. И роль в этом деле коммунистической России – как на ладони!) Фейсал настойчиво убеждал американского госсекретаря передать это открытие президенту Никсону, ибо, по убеждению короля, от этого зависели вся мировая политика и будущее человечества.

(Окончание в следующем номере.)

ТРИАЛОГ О НООСФЕРНОЙ ПРИРОДЕ И СУДЬБЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

В. Н. Василенко

Ноосфера – последнее из многих состояний эволюции биосферы в геологической истории – состояние наших дней.

В. И. Вернадский

В кулуарах IV Российского философского конгресса «Философия и будущее цивилизации» (Москва, МГУ, май 2005 г.) состоялся любопытный триалог философа, демографа и эколога о судьбе российского народа и ответственности органов власти.

В триалогe «выясняется», что Карл Линней (1707–1778) при первой систематизации живых видов планеты назвал человека разумным – по латыни *Homo sapiens* (1858 г.). Кто же он, *Homo sapiens* – царь природы, венец творения, венец эволюции природы, субъект ноосферы человечества в биосфере Земли?!..

Спор умов, похоже, скоро иссякнет из-за начала вымирания самого вида природы. Но тогда название человека (*Homo sapiens*) заставило другого натуралиста, а также несостоявшегося священника Чарлза Дарвина (1809–1882) не только выдумать теорию эволюции живых видов природы, происхождения *Homo sapiens*, но даже попытаться найти место человеку разумному в «пирамиде» видов биоразнообразия природы Земли (1859 г.).

Последний натуралист Владимир Вернадский (1863–1945) вообще был вынужден не только «открыть» человечеству, считавшему себя вполне разумным (уже овладевшему к тому времени глобальной геологической силой), биосферу Земли – среду жизни, мысли, труда поколений, а также показать роль разума человека в эволюции биосферы в ноосферу. Более того, он заявил о ноосферной природе, статусе, функции человека разумного в биосфере Земли, которые мы, *Homo sapiens* (по названию Линнея), обязаны учитывать во взаимодействии поколений народов государств с природой планеты.

Оказывается, академик, с царских времен привыкший отстаивать полную свободу научного творчества личности граждан, считал, что эту роль ученых обществу следует учитывать в функциях институтов власти государств, без которых (института научного знания поколений) якобы вообще невозможна разумная жизнь человечества. Он даже попытался объяснить Сталину в телеграмме 1943 г. «Что и зачем нам нужно знать о ноосфере». Сталин на ноосферу внимания не обратил, как и исторические преемники власти.

Получается, мировоззренчески опасно, стратегически близоруко сильные мира сего (*Homo institutus*) не замечают ни человека разумного, ни ноосферу и биосферу. Но депопуляция народов России уже подтверждает и «прометчивое» название

Линнеем человека разумным (*Homo sapiens*), и «недоказанную» после Дарвина эволюционную и генетическую связь человека с природой, и вообще – утопическое учение авторитетной личности Вернадского о биосфере, его идеи об эволюции биосферы в ноосферу.

Сегодня, во время торжества благ глобализации общества потребительства, вообще вызывающе навязывать свободному (от чего?!) человеку пресловутую идею об ответственности человека разумного за жизнеспособность поколений народов Отечества в биосфере. Ишь чего эти последователи Линнея, Дарвина, Вернадского хотят – учитывать человеку разумному свою ноосферную природу и статус в жизнеустройстве народонаселения государства, вообще жизни людей в регионах нашей планеты Земля!

Тут бы о детях, внуках позаботиться, их наследстве, дать им образование, женить-замуж выдать. Все-таки мы ведь, слава Богу, не от Дарвина произошли – *Homo sapiens*.

Может, нужно сменить научное наименование человека, чтобы не думать об этой биосфере-ноосфере?! Все-таки век информации, компьютеров, Интернета, клонирования...

Но как же нам – детям человечества – теперь называться, чтобы не вымереть?!

Подумаем над триалогом участников Российского философского конгресса.

Эколог – философ и демографу: Да, коллеги, старик Мальтус прав исторически – в условиях глобализации закон убывающего плодородия выступает законом убывающего воспроизводства поколений человечества в биосфере. Планете грозит не демографический взрыв, а наоборот, оскудение человечества. Я согласен с Моисеевым: экологический императив сдерживает воспроизводство поколений. Старая Европа, Американские Штаты, иные лидеры глобализации утрачивают «физиономию»: сами рожают все реже и сохраняют численность за счет мигрантов из развивающихся стран, народу коих не хватает своих ресурсов. Почему же в России, экологическом доноре человечества, на двоих рожденных умирают трое, через полвека будет нас менее ста миллионов?!

Демограф: Россию поможет спасти глобальное собрание соотечественников. Кроме того, нужно остановить катастрофическую «утечку» российских умов и переломить отношение коренных жителей к мигрантам: их удел – только непрестижные работы.

Философ: Коллеги, вы оперируете понятиями *глобализация, депопуляция, миграция, «утечка умов*», не вникая в природу феномена. Думаю, для решения проблем выживания, точнее, повышения потенциала жизнеспособности народов в биосфере Земли, нужно «пересмотреть» мировоззренческий подход государств к реалиям жизни поколений. Коли человек разумен по «природе», почему мы, разумные дети человечества, не учитываем собственную экологическую безопасность в жизнеобеспечивающем взаимодействии народонаселения с природой в реальных социо-эколого-экономических условиях жизни поселений наших государств в скудеющих регионах планеты?!

Демограф: Задайте вопрос систематикам видов биоразнообразия, населяющих планету, тому же Карлу Линнею. Думаю, самоназванием человека – *Homo sapiens* – в биоразнообразии живых видов Линней «дал» аванс, но указал на необходимость подтверждения поколениями разумного природного статуса вида в

жизни народов человечества в регионах биосферы Земли. Именно в реальностях природной, социальной, иных аспектов жизни общества вид *Homo sapiens* должен доказывать потенциал жизнеспособности поколений в биосфере: разумность человечество должно подтверждать целями стратегии территориально безопасного жизнеустройства народонаселения государств в функциональном взаимодействии субъектов поселений с природой.

Эколог: Увы, цели развития народов человечества, осознающего себя планетарным и даже космическим, определяет вовсе не разумный опыт, накопленные знания поколений о порогах жизнеспособности вида *Homo sapiens* в экосистемах биосферы Земли. Будущее поколений человечества в «руках» человека экономического (*Homo economics*), то есть во власти слепых субъектов рынка власти и капитала планеты. А человек экономический во власти (*Homo economics institutus*) живет мифами «свободы» субъектов общества от законов природы – среды жизни, мысли поколений народов человечества в биосфере Земли, если по Вернадскому... Но есть ли в реальности жизни разумный выход человечества из тотального кризиса «рыночной» глобализации?!

Философ: Есть. Во взаимодействии субъектов поселений общества с природой нужно соблюдать нормы ноосферного реализма человека разумного – соблюдать принципы экологического императива в жизнеустройстве народонаселения государств в регионах биосферы Земли. Поколения разумного человечества планеты обязаны действовать как субъекты ноосферы в реальных социо-эколого-экономических условиях жизнеустройства поселений народонаселения государств в регионах Земли, своем незамещаемом доме.

Эколог: Выходит, что естественно-историческая жизнеспособность человечества как безопасность поколений народов России, СНГ, Китая, Европы, США, других стран планеты стоит ниже выгод *Homo economics*. Значит, академик Вернадский прав: будущее и власть в нем должны принадлежать людям науки, в его понимании – субъектам ноосферы поколений человечества, накапливающим опыт безопасного жизнеустройства поселений. Но в реальности рынок подчиняет своим интересам истощающиеся природные ресурсы человечества и даже интеллект поколений. *Homo economics* во власти возводит в культ экономические интересы рынка: *Homo businnes берет верх над Homo sapiens*.

Демограф: Не значит ли это, что депопуляция поколений – это признак глобальной победы *Homo businnes* над разумом поколений, институтами науки планетарно единого человечества? Выходит, прав не Вернадский с его законом эволюции биосферы в ноосферу, а Мальтус: глобализация жизненных потребностей человека, закон убывающего плодородия почв биосферы выражает законом убывающего воспроизводства поколений.

Философ: Именно поэтому в конце жизни Вернадский говорил о соединении силы государства с ноосферным потенциалом научного творчества личностей – субъектов ноосферы человечества, то есть научной мысли народов государств как планетарного явления. Преодоление депопуляции – в стратегии перехода от власти капитала к власти разума поколений – разумному жизнеустройству народов России в семье человечества.

Эколог: Значит, органами власти и бизнесом должен востребоваться самый ценный природный капитал суверенных государств планеты – ноосферный интел-

лект жизнеспособности поколений Homo sapiens человечества в регионах биосферы Земли!

Демограф: Иного разумного выхода из депопуляции у России и человечества нет...

Эколог: Но это означает необходимость принятия общей конституции человечества, определяющей цели, стратегию безопасности государств единой семьи народов планеты. Не является ли это новой планетарной утопией человечества?!

Философ: В принципе – мировоззренчески, этически и институционально – экологи правы. На уровне неправительственных организаций Йоханнесбургского саммита «Рио+10» обсуждался российский проект Ноосферной этико-экологической конституции человечества. Идея глобальной Ноо-Конституции не встретила противников. Пока...

Демограф: Пожалуй, Ноо-Конституция не менее важна, чем Декларация тысячелетия ООН по устойчивому развитию, принятая в 2000 году. Но она не работает.

Философ: Глобальная Ноо-Конституция человечества не только единственный, но и, думаю, самый неотложный документ, который мог бы ограничить угрозы, риски, которые несет поколениям народов государств стратегический либерализм Homo economicus.

Эколог: Выходит, Фукуяма прав: наши правнуки будут свидетелями конца не истории вообще, а естественной истории жизни человечества – разумного вида природы.

Демограф: Западные футурологи мнят себя «учителями» жизни всего человечества, но они мыслят категориями неизбежного конфликта цивилизаций: конфликта Запада с Востоком, Севера с Югом, не понимая причин конфликта и не видя ноосферный потенциал жизнеспособности поколений называющего себя разумным человечества.

Философ: На самом деле они находятся в мировоззренческой ловушке стереотипов человека экономического – сначала царя, а ныне – эгоистического покорителя сил, потребителя ресурсов природы. Прав не Фукуяма, а Вернадский: человек разумный, чтобы выжить в биосфере Земли, должен упреждать приближение конца истории. А для этого нужно самоосознание поколениями своего разумного статуса в природе и жизни поселений сообществ государств в регионах биосферы Земли – нашем общем доме.

Эколог: Ты говоришь о мировоззрении, ценностях ноосферного реализма выживания поколений, а это всего лишь форма нравственного императива народов человечества: не вреди себе, другим видам, среде своей жизни и мысли – природе биосферы. Это экологический императив выживания человечества, который можно считать нравственным императивом ноосферного реализма жизнеспособности поколений в регионах Земли.

ЧЕЛОВЕК И СОВРЕМЕННОСТЬ

ТЕХНОНАУКА, ЧЕЛОВЕК, ОБЩЕСТВО: АКТУАЛЬНОСТЬ ГУМАНИТАРНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ*

Б. Г. Юдин

Один из главных векторов, которыми можно охарактеризовать направленность развития науки (да и техники) в эпоху глобализации, – это ее неуклонное приближение к человеку, к его потребностям, устремлениям, чаяниям. В результате происходит, если можно так выразиться, все более плотное «обволакивание» человека наукой, его погружение в мир, проектируемый и обустраиваемый для него наукой и техникой. Конечно, дело при этом вовсе не ограничивается одним лишь «обслуживанием» человека. Наука и техника приближаются к нему не только извне, но и как бы изнутри, в известном смысле делая и его своим производением, проектируя не только для него, но и его же самого. В самом буквальном смысле это делается в некоторых современных генетических, эмбриологических и т. п. биомедицинских исследованиях¹.

Симптомы этого изменения вектора развития науки вполне ощутимы не только внутри исследовательских лабораторий, но и на уровне ожиданий и предпочтений общества. Можно констатировать, что спектр ожиданий, предъявляемых науке со стороны общества, серьезно трансформировался. Параллельно с этим меняются и ориентиры государственной научной политики. Отныне от научных исследований все больше начинают требовать того, чтобы их результаты позволяли удовлетворять запросы общества и потребности человека.

Происходит переориентация финансовых потоков, направляемых на поддержку науки, при этом все больше средств выделяется на биомедицинские исследования. Так, в конце 60-х – начале 70-х гг. прошлого столетия в США перед исследователями стали ставить такие амбициозные цели, как победа к заранее заданному сроку над онкологическими или сердечно-сосудистыми заболеваниями. И хотя полного триумфа в борьбе с ними добиться не удалось, успехи, достигнутые в этих направлениях, особенно в борьбе с сердечно-сосудистыми заболеваниями, оказались в высшей мере впечатляющими. А по мере того, как люди на собственном житейском опыте ощущали те эффекты, которые порождены этими научными достижениями, все более разнообразными и настойчивыми становились и их запросы и вожеления, адресованные науке. Ее растущая практическая эффективность в тех областях, которые ближе всего к повседневным нуждам и интересам

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ, грант № 08-06-90104-Мол. а.

¹ К примеру, Ф. Фукуяма выделяет науки о мозге, нейрофармакологию, исследования в области prolongation of life and genetic engineering в качестве таких «путей в будущее», неконтролируемое движение по которым может в корне изменить природу человека (см.: Fukuyama, F. Our Postmodern Future: Consequences of the Biotechnology Revolution. – N. Y.: Farrar, Strauss and Giroux, 2002).

рядового человека, таким образом, начинает действовать в роли стимула, ориентирующего и ускоряющего ее собственное развитие.

Параллельно с этими изменениями приоритетов научно-технической политики сходная переориентация происходит и в сфере бизнеса, который весьма преуспел в перенаправлении исследовательских интересов на создание того, что будет привлекательным именно для массового потребителя. И характерно, что как раз те отрасли индустрии, которые теснее других связаны с медициной – фармацевтическая промышленность, медицинское приборостроение, биотехнологические производства, – оказались в числе наиболее успешных. Таким образом, люди во все большей мере становятся потребителями знаний, технологий и продуктов, создаваемых в биомедицинских исследованиях и на соответствующих промышленных предприятиях.

Научные исследования и бизнес все более интенсивно подстегивают друг друга, порождая и непрестанно обновляя технологии, которые благодаря массированному воздействию рекламы настойчиво навязываются рядовому человеку. Тенденция коммерциализации науки подкрепляется и усиливается тенденцией «онаучивания» бизнеса, включающего исследовательскую лабораторию в качестве уже едва ли не обязательного подразделения сколько-нибудь успешной фирмы. Исследование в современной науке – это в подавляющем большинстве случаев вовсе не стремление построить какую-то новую оригинальную теорию, а попытка создать эффективную технологию с хорошими рыночными перспективами.

Интересно сопоставить процессы переключения приоритетов науки в область биомедицины с тем, что происходило и происходит в области информатики и компьютерных технологий. Здесь ключевым моментом стало создание персонального компьютера, который стремительно вытеснил громоздкие и сложные в управлении ЭВМ прошлого. И опять-таки мы видим ту же самую тенденцию – современные технологии подходят все ближе к человеку, радикально меняя стиль его жизни, а вместе с тем и его восприятие мира, и формы и направления его взаимодействия с миром.

В этой связи имеет смысл обратить внимание и на следующее. Если в начале и середине прошлого столетия техническая мощь человека ассоциировалась прежде всего с циклопическими размерами его творений, таких как гидроэлектростанция, атомоход, шагающий экскаватор, гигантские электронно-счетные машины, то в наши дни наиболее характерные символы технического прогресса стали соразмерны человеку. К их числу относится и все то быстро разрастающееся многообразие информационных технологий, которые реализуются в масштабах персонального компьютера, и биомедицинские технологии, которые по определению сомасштабны человеку и сегодня позволяют осуществлять манипуляции с генами человека на молекулярном уровне.

Таким образом, научно-технический прогресс все более ориентируется на интересы и нужды отдельного человека, который выступает в качестве главного и притом массового потребителя того, что дает этот прогресс. Но более того, сами эти интересы и нужды теперь становятся стимулом, во многом определяющим направления и темпы научно-технического прогресса.

Такое приближение науки к нуждам человека, впрочем, происходит отнюдь не безболезненно – за все приходится платить. Одна из наиболее серьезных составляющих этой платы – то, что возникает необходимость специально исследовать и сами потребности и нужды человека, и пути и способы их удовлетворения. А это, в свою очередь, означает и возникновение насущной потребности в проведении

все новых и новых экспериментов на человеке – именно для того, чтобы выяснить, как можно улучшить условия его жизни. Сам человек, таким образом, все чаще становится объектом самых разнообразных научных исследований.

Таким образом, научные исследования во все больших масштабах направляются на познание, с одной стороны, самых разных способов воздействия на человека и, с другой стороны, возможностей самого человека. Наиболее характерным выражением и того и другого, естественно, оказываются многочисленные эксперименты, в которых человек участвует в качестве испытуемого. Каждый такой эксперимент, вообще говоря, призван расширить наши познания о свойствах того или иного препарата, устройства, метода воздействия на человека и т. п. Необходимость его проведения при этом бывает обусловлена потребностями развития какого-то конкретного раздела биологии или медицины, или другой области знания.

Если, однако, попытаться представить себе что-то вроде интегральной совокупности таких экспериментов (взятых безотносительно к дисциплинарной определенности каждого из них), то окажется, что она дает нам некое знание о человеке. Мы можем констатировать: чем больше наука претендует на то, что она служит интересам и благу человека, тем более значительную роль в ней должны играть эксперименты с участием человека. Но участие в таких экспериментах всегда сопряжено с большим или меньшим риском для испытуемых. Таким образом, мы оказываемся в ситуации конфликта интересов: с одной стороны, исследователь, стремящийся к получению нового знания; с другой стороны, испытуемый, для которого на первом месте – терапевтический эффект, скажем, излечение недуга, ради чего, собственно, он и соглашается стать испытуемым.

И в той мере, в какой именно на человеке начинает концентрироваться мощь научного познания, в какой наукой разрабатываются все новые, все более тонкие и эффективные средства воздействия на него, неизбежно возрастают элементы риска и опасности, которым он подвергается. Следовательно, актуализируется задача защиты того же самого человека, ради которого и осуществляется прогресс науки и техники, от негативных последствий этого прогресса. В результате резко обостряется необходимость выявлять такие последствия и тем или иным образом реагировать на них.

Разумеется, наиболее отчетливо обозначенные нами тенденции проявляются в странах с развитой экономикой и высоким научно-техническим потенциалом. Вместе с тем сегодня, в век глобализации, научно-технические новации, и особенно те, которые ориентированы непосредственно на человека, довольно быстро достигают и самых отдаленных уголков планеты. И это справедливо не только в отношении тех новых возможностей, которые открываются для человека благодаря этим достижениям, но и в отношении неблагоприятных воздействий, факторов риска, очень часто порождаемых теми же самыми достижениями.

В последние десятилетия в сфере биомедицинских исследований оформилась новая социальная практика, направленная именно на то, чтобы по возможности предвидеть и минимизировать риски и тяготы, которым подвергается человек, когда он становится участником таких исследований. Эта практика получила название *этической экспертизы*. Суть ее в том, что *каждый* исследовательский проект может осуществляться только после того, как заявка будет одобрена независимым *этическим комитетом*. Эта структура создается и существует именно для того, чтобы проводить этическую экспертизу.

Главная цель такой экспертизы – определить, с каким риском для испытуемых может быть связано их участие в исследовании и оправдан ли этот риск значимостью тех новых научных знаний, ради которых предпринимается исследование. Речь, стало быть, идет об одном из механизмов защиты участников исследований. Таким образом, можно зафиксировать то, что этическая экспертиза (в отличие от гуманитарной), во-первых, проводится в рамках специально для этого создаваемой и существующей структуры – этического комитета и, во-вторых, имеет достаточно четко определенные цели. Этические комитеты существуют в каждом научном учреждении, проводящем биомедицинские исследования с участием человека или животных. Во многих странах мира (но пока, увы, не в России) необходимость предварительной этической экспертизы исследований закреплена законодательно.

Особой проблемой в проведении этической экспертизы является обеспечение *независимости* осуществляющей ее структуры, то есть *этического комитета*. Эта проблема имеет много аспектов, остановлюсь лишь на одном из них. Независимость экспертизы предполагает, в частности, и то, что оценка риска для испытуемых не должна определяться исключительными интересами науки и общества. Как отмечается в Хельсинкской декларации Всемирной медицинской ассоциации – одном из наиболее авторитетных документов, в которых излагаются этические принципы медицинских исследований: «В медицинских исследованиях на человеке соображения, связанные с благополучием испытуемого, должны превалировать над интересами науки и общества»². Данная норма фигурирует и в других документах, обеспечивающих этическое и правовое регулирование биомедицинских исследований. Тем самым признается, что их проведение сопряжено с возможным конфликтом интересов, когда на одной чаше весов оказываются здоровье, благополучие, человеческое достоинство и даже сама жизнь испытуемого, а на другой – перспективы получения новых научных знаний, потенциально важных для развития науки и (или) для борьбы с теми или иными болезнями, что может быть важно с точки зрения общества.

Для того, чтобы способствовать соблюдению этого принципа и, более конкретно, обеспечивать – насколько это возможно – независимость позиции этического комитета от интересов исследователей, в числе членов этого комитета *обязательно* должны быть те, кто не является профессиональными медиками. Иначе говоря, в состав комитета входят как эксперты, компетентные в собственно научном содержании исследовательского проекта, так и «эксперты», не являющиеся профессионалами (по-английски – *laypersons*) в биомедицине.

Для первых важнее всего научная обоснованность проекта, что, между прочим, имеет весьма существенный этический смысл. Ведь если в силу тех или иных причин исследование не сможет принести достоверных и значимых результатов, то это значит, что испытуемые будут подвергаться необоснованному риску и тяготам. Естественно, речь не идет о том, чтобы загодя гарантировать получение весомого научного результата, – исследовательская деятельность по своей природе исключает возможность таких гарантий. Тем не менее, проект исследования должен быть достаточно продуманным и обоснованным, чтобы дать возможность получения существенных результатов.

Что касается непрофессионалов, то они должны представлять интересы не науки и не исследователей, а именно тех, кто участвует в исследовании в качестве

² Хельсинкская декларация Всемирной медицинской ассоциации. В кн.: Кэмпбелл, А., Джиллет, Г., Джонс, Г. Медицинская этика. – М.: ГЭОТАР-МЕД, 2004. – С. 382.

испытуемых. Непрофессионал, или человек со стороны, может быть юристом, специалистом по этике, психологом, социальным работником, священником и т. п.³ Важно только, чтобы он никак не был связан с исследователями и с учреждением, проводящим исследование, и, таким образом, оценивал смысл и содержание исследования именно с точки зрения тех рисков и тягот, которыми оно чревато для испытуемых. Более того, особой проблемой оказывается сохранение у непрофессионалов той «наивности», неискушенности в отношении собственно научных вопросов, которая позволяет им оставаться неангажированными при участии в экспертизе.

Одним из следствий участия в этической экспертизе непрофессионалов является то, что цели и задачи исследования, связанный с ним риск, наличие альтернативных методов диагностики или терапии и т. д. – все это должно быть объяснено в таких терминах, которые будут понятны непрофессионалу. Необходимость такого «непрофессионального» объяснения обусловлена еще и тем, что для привлечения испытуемого к исследованию обязательным является получение его информированного согласия. Именно то обстоятельство, что непрофессионал в процессе экспертизы представляет интересы того человека, который будет участвовать в исследовании, и позволяет говорить о *гуманитарной* природе этической экспертизы. Эта экспертиза предназначена не для того, чтобы *решать что-то за человека*, а для того, чтобы *человек сам, и притом осознанно, мог участвовать в принятии затрагивающего его решения*.

Описанная здесь в самых общих чертах практика этической экспертизы, на мой взгляд, может (естественно, с соответствующими модификациями) быть понята как образец, как частный случай другой социальной практики, которую принято называть *гуманитарной экспертизой*. В этом отношении принципиальное значение имеет то, что выше было охарактеризовано как суть этической, а именно – ее направленность на защиту человека, оказывающегося в роли испытуемого при проведении биомедицинских исследований. Гуманитарную же экспертизу можно представить в качестве социальной практики, сутью которой является защита человека в той мере и в тех ситуациях, когда он подвергается воздействию (или, иначе говоря, когда ему приходится взаимодействовать) многочисленных новых технологий, включая технологии социальные.

Следовательно, область возможных применений гуманитарной экспертизы намного более широка и намного менее определена, чем более или менее жестко фиксированная область применения этической экспертизы. Далее я попытаюсь обрисовать некоторые аспекты этой неопределенности, имея при этом в виду, что сама по себе неопределенность отнюдь не всегда является недостатком, который следует как можно радикальнее изживать.

Во-первых, существует неопределенность по поводу того, чем является гуманитарная экспертиза, – особым родом, формой деятельности либо особым социальным институтом? Если согласиться с первым, то мы можем трактовать ее как деятельность принципиально незавершенную, как прежде всего форму диалога, взаимодействия, коммуникации (коммуникативная рациональность)⁴. При этом во

³ Так, во Франции этический комитет обычно включает 12 человек, в том числе представителей разных областей медицины, а также младшего медицинского персонала; 4 члена комитета должны быть непрофессионалами.

⁴ Скирбекк, Г. Есть ли у экспертизы этические основы? // Человек. – 1991. – № 1. – С. 86–93; Skirbekk, G. Rationality and Modernity. – Oslo: Scandinavian Univ. Press, 1993.

главу угла ставится не столько конечный результат экспертизы, сколько процесс, в ходе которого участники приходят к более глубокому пониманию ценностей, мотивов действий и т. п. – и собственных, и своих оппонентов.

Во втором случае существенной, напротив, оказывается «конечность» экспертизы, которая должна приводить к принятию решений, поскольку сама она встроена в некоторые объемлющие структуры деятельности. При этом каждый отдельный эксперт выступает не столько в качестве одной из сторон диалога, сколько в качестве того, кто наделен определенной частью властных полномочий, распределенных между членами экспертной комиссии (комитета). Очевидно, рассматривавшаяся ранее этическая экспертиза относится ко второму типу ситуаций: целью является не столько коммуникация, сколько выработка окончательного решения. А это значит, что этическая экспертиза отнюдь не исчерпывает всех возможностей, которые несет в себе экспертиза гуманитарная.

Вообще говоря, было бы неверно трактовать гуманитарную экспертизу, скажем, какой-либо новой технологии как одноразовое мероприятие. Хотя во многих случаях одноразовой экспертизы и бывает достаточно, однако нередко не удается ограничиться только ею, а приходится отслеживать все новые и новые явления и эффекты, порождаемые данной технологией, оценивать вновь обнаруживающиеся ее возможности, как и факторы вызываемого ею риска.

Характерным примером в этом смысле является история компьютеризации, ее человеческих и социальных последствий. В этой истории можно уже выделять целые этапы, характерные сменой фокуса гуманитарного анализа, в котором последовательно оказывались то опасности порабощения человека машиной, то связанная с компьютеризацией угроза безработицы, то изменения человеческого интеллекта в процессах взаимодействия человека с компьютером и т. д.

Во-вторых, необходимо задать вопрос о том, кто такой эксперт: изощренный профессионал или «рядовой обыватель» (layperson)? Вот весьма характерное изложение первой позиции: «Эксперт – это хороший аналитик, подлинный ученый-исследователь, блестящий администратор... Эксперт – это исследователь назначенного предмета, профи в данной области, искусный и мудрый оценщик, знаток нужной сферы, спец в определяемом научном и практическом пространстве, настоящий ас среди родственных профессионалов»⁵.

В этой характеристике обращает на себя внимание постулируемая исключительность не только профессиональных, но и личностных качеств. Вместе с тем остается непонятным, кто и как будет оценивать наличие и степень выраженности у конкретного индивида всех этих качеств. Не предполагается ли при этом наличие особого класса «экспертов по экспертам», то есть тех, кто полномочен делать выбор среди совокупности кандидатов? Более того, во власти таких суперэкспертов неизбежно оказывается и установление «назначенного предмета», и выявление «нужной сферы», и задание «определяемого научного и практического пространства».

Мне представляется, что от участника гуманитарной экспертизы, вообще говоря, вовсе не обязательно требовать всех этих исключительных качеств. Более того, во многих случаях именно для гуманитарной экспертизы первостепенное значение имеет способность эксперта адекватно выразить интересы, надежды и опасения того самого «рядового обывателя», о чем уже шла речь при обсуждении этической экспертизы. Например, сегодня в обществе идут острые дискуссии

⁵ Ярская, В. Н. Методология конструирующей экспертизы: опыт работы эксперта // Современное российское общество: власть экспертизы. – Саратов: Изд-во Саратовского мед. ун-та, 2003. – С. 7–15.

о модернизации (или реформировании) образования, здравоохранения, социального обеспечения и т. п. На мой взгляд, принципиальная ограниченность многих таких дискуссий обусловлена тем, что в них участвуют только «спецы» с их ведомственно задаваемым и очерчиваемым кругозором. Между тем крайне ограниченными оказываются возможности представить свои позиции у тех, на кого, собственно, эти модернизации и реформы направлены и кто непосредственно на себе будет испытывать последствия этих реформ.

В качестве конкретного примера более широкого понимания экспертизы мы можем сослаться на опыт проведения в 1994–1995 гг. междисциплинарной экспертизы, объектом которой было содержание гуманитарного образования в средней школе⁶. Экспертиза проводилась в рамках программы «Трансформация содержания гуманитарного образования», осуществлявшейся фондом «Культурная инициатива». В качестве экспертов намеренно были привлечены специалисты-гуманитарии, не связанные непосредственно со школьным преподаванием. Это было сделано для того, чтобы выявить представления не столько профессиональных педагогов (на которых не может не сказываться груз устоявшихся стереотипов), сколько более широкого, «экстрапедагогического» гуманитарного сообщества, так как в условиях глубоких реформ, переживаемых нашим образованием, необходимо более широкий и объемный взгляд на содержание гуманитарных знаний, преподаваемых будущим поколениям россиян.

Экспертам, представлявшим такие дисциплины, как история, экономика, этика, политология, культурная география, экология, право, философия и т. д., было предложено ответить на вопросы, касающиеся:

- общей оценки сложившейся системы гуманитарного образования и его содержания;
- определения того, что в рамках учебных курсов утратило актуальность, а также «лакун», то есть тех фрагментов гуманитарного знания, которые, по мнению экспертов, обязательно должны быть усвоены школьниками, но отсутствуют в нынешних программах и учебных курсах;
- выявления «сквозных» тем, освещение которых не может быть ограничено рамками какого-то одного учебного предмета.

Благодаря проведенной экспертизе удалось сформулировать конкретные предложения по поводу изменений, которые необходимо внести в содержание школьного гуманитарного образования.

В-третьих, с только что рассмотренной неопределенностью тесно связана еще одна. Коль скоро мы говорим о *гуманитарной* экспертизе, естественно задаться вопросом: является ли она гуманитарной в смысле применяемого инструментария либо в смысле решаемых ею задач?

В первом случае имеется в виду следующее: экспертизу делает гуманитарной то, что в качестве экспертов выступают представители различных областей гуманитарного знания. Аргументация при этом бывает примерно такой. Каждая из гуманитарных (или, может быть, социально-гуманитарных) дисциплин так или иначе изучает человека, но при этом каждая из них воспринимает его в своем контексте. Иначе говоря, каждая из них по-своему конструирует человека как предмет изучения. В результате в дисциплинарных рамках человек осмысливается в соответствующей перспективе: как «*Homo economicus*», «*Homo sociologicus*» и т. п. Таким образом, та или иная, в общем-то, частная по отношению к нему квалифи-

⁶ Рубцов, А. В., Юдин, Б. Г. Новые ориентиры гуманитарного образования // Человек. – 1995. – № 2–4.

кация мыслится как его всеобщее определение, как *differentia specifica*. Гуманитарная же экспертиза, будучи междисциплинарной, позволяет преодолеть эти ограничения.

Вызывает, однако, сомнения то, удастся ли при этом отойти от предметного (будь оно даже «межпредметным») восприятия человека. Мне представляется, что гуманитарный характер экспертизы можно и нужно понимать иначе – в смысле ее отнесенности к человеку как таковому, который выступает в этом случае как своего рода «точка отсчета».

Разумеется, при этом возникает вопрос о том, можно ли (и если да, то какими средствами) отойти от предметного восприятия человека? У меня нет готового ответа, но я думаю, что средством выхода за рамки такого сугубо предметного понимания человека является открытая и, разумеется, методологически проработанная апелляция к ценностным установкам эксперта. Взаимодействие экспертов при этом будет выступать как сопоставление и взаимодействие не только различных сфер знания, но и различных (и притом эксплицированных!) ценностных позиций в отношении к человеку. В таком случае можно надеяться, что гуманитарная экспертиза будет экспертизой *не по поводу человека*, а экспертизой *для человека*.

В-четвертых, имеет смысл задаться таким вопросом: а что является объектом гуманитарной экспертизы – тот или иной *предмет*, который воздействует на человека и с которым человеку приходится так или иначе взаимодействовать, либо технология как нечто включающее не только предмет, но прежде всего возможные способы взаимодействия с ним?⁷

Наиболее естественно понимать в качестве объекта гуманитарной экспертизы прежде всего научно-технические или социальные новации. Однако здесь необходимы некоторые уточнения и пояснения. Вообще говоря, всякое новшество, входящее в нашу жизнь, в социальную практику, можно рассматривать как некоторый «предмет» (даже при фигуральном понимании этого термина применительно, скажем, к социальной жизни). Такое «предметоцентрическое» понимание, впрочем, нередко оказывается чересчур узким, теперь уже в силу не столько того, что человек при этом отодвигается на второй, если угодно, служебный, план, сколько того, что это новшество, помимо того, что оно есть определенный предмет, предполагает также и определенные способы, практики его применения, оперирования с ним и т. п.

И на личностном, и на социальном уровне именно эта сторона дела и является наиболее существенной, поскольку последствия для человека и общества обычно порождает не сам предмет, а сопряженные способы взаимодействия с ним, те результаты, к которым ведут эти наши взаимодействия, и, наконец, те изменения в нас самих, которые вызываются этими взаимодействиями. Иначе говоря, мы имеем дело не столько с самими по себе предметами, сколько с сопряженными технологиями.

Впрочем, не только в онтологическом, но и в методологическом отношении в процессе гуманитарной экспертизы имеет смысл обращаться не к предметам, а к технологиям, поскольку лишь при таком подходе мы можем осмысленно выделять и факторы риска, и те параметры, на которые можно воздействовать и которые можно изменять. Именно технологии – в отличие от изолированных предметов – обладают теми свойствами комплексности и целостности, которые и позволяют их рассматривать в качестве объектов при проведении гуманитарной экспертизы.

⁷ Ашмарин, И. И., Юдин, Б. Г. Основы гуманитарной экспертизы // Человек. – 1997. – № 3. – С. 76–86.

(Замечу, что в качестве технологий, подвергающихся экспертизе, могут выступать и социальные нововведения, например, решения законодательной или исполнительной власти, дающие начало новым *социальным практикам*, то есть новым формам взаимоотношений между людьми и социальными институтами, причем таких, которые носят не разовый характер, а воспроизводятся в сходных ситуациях.)

Имеет смысл далее обсудить вопрос о происхождении, если угодно, об источниках тех технологических новаций, которые могут быть объектами гуманитарной экспертизы. Ясно, что одним из таких источников является научно-технический прогресс, который, безусловно, вносит немало нового в жизнь человека. Но и эти новшества воздействуют не сами по себе, а в тех социально и культурно опосредованных формах, в которых они и доходят до человека. Именно эти опосредующие формы во многом и определяют воздействие научно-технических новаций на человека, на его развитие и потенциал, именно поэтому они и должны быть главным объектом экспертизы.

Другой источник технологических новаций – сама социальная практика. Здесь необходимо особо выделить технологии, порождаемые решениями и действиями властных структур. По отношению к ним применение предваряющей гуманитарной экспертизы представляется вполне естественным, а во многих случаях и просто необходимым, поскольку позволяет предвидеть и скорректировать как прямые, так и опосредованные, отдаленные неблагоприятные последствия.

Таким образом, гуманитарная экспертиза сегодня – это феномен, имеющий множество неопределенностей. Именно это обстоятельство я и стремился подчеркнуть в данной статье. Более того, мне представляется принципиально важным исходить из максимально широкого понимания гуманитарной экспертизы, налагая на него там и тогда, где и когда это необходимо, те или иные ограничения. В конечном счете любой анализ, направленный на оценку всех тех воздействий, которые оказывает на человека новая технология, можно воспринимать именно в таком качестве. А это значит, что, вообще говоря, каждый, кто начинает размышлять о социальных и человеческих последствиях применения новой технологии, выступает в роли эксперта.

При таком оперировании понятием гуманитарной экспертизы какие-то из описанных в статье (как и многих других) неопределенностей, видимо, в дальнейшем будут разрешены. Вместе с тем многие из них, на мой взгляд, внутренне присущи гуманитарной экспертизе как особому виду деятельности. Сомнений в том, что эта деятельность становится и будет становиться все более социально значимой, у меня нет. Более того, осуществляемая в тех или иных формах гуманитарная экспертиза уже сегодня представляется мне необходимой составляющей нашего человеческого бытия, коль скоро нам приходится жить в современном глобализирующемся мире, подверженном разнообразным и чрезвычайно интенсивным воздействиям множества технологий.

КУЛЬТУРА МИРА, ТОЛЕРАНТНОСТЬ И МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Д. Ж. Маркович

1. Философия старается рассмотреть мир как можно полнее. Поэтому философы изучают не только историю философии и ее категории, но и проблемы современной жизни и чрезвычайно сложные отношения в современном глобализирующемся обществе. Исследуя и описывая эти взаимоотношения, они сознают, что не существует готовых теоретических образцов или теорий об этих отношениях и их актуализация, возможно, происходит вне теоретических концепций. В современном многостороннем и противоречивом обществе при подобном изучении и философском размышлении наряду с такими понятиями, как *глобализация*, апеллируют, конечно же, к таким понятиям, как *культура мира*, *толерантность* и *диалог*, представляющим собою в некотором смысле инструменты ее осуществления. Так, например, в конце прошлого века – в течение последних двадцати лет – наряду с такими понятиями, как *глобализация*, *глобальное общество*, *глобальная экономика*, *глобальные проблемы* и *глобальное развитие*, все чаще стали употребляться такие понятия, как *культура мира*, *диалог* и *толерантность*. Распространение этих понятий и их применение при изучении и решении социальных проблем свидетельствуют в некотором смысле об их взаимосвязи с первой группой понятий. В действительности противоречия, которые влечет за собой глобализация, требуют новых способов и инструментов для их разрешения. На пути поиска новых способов и инструментов появились и новые понятия: *культура мира*, *диалог* и *толерантность*. Глобализация способствует объединению человечества, созданию *мирового*, *глобального* сообщества. Движущая сила такого объединения, то есть создания в некотором смысле мирового сообщества, – капитал, ищущий сферу своего приложения, то есть возможности для своего увеличения (оплодотворения), так как в прежних границах это уже невозможно. Глобализация представляет собой продуманный способ расширения границ для увеличения капитала посредством освоения новых рынков. Первый раз в истории человечества рынок осваивается без применения силы, без войны. Деньги становятся основным движущим мотивом и главным регулятором жизненной активности. Территориальные единицы значительных масштабов и цели государства претворяются в социальные общности, функционирующие по законам мощных денежных систем и огромного капитала. Глобализация ведет к тесной интеграции государств и народов мира, снижая расходы на транспорт и коммуникацию, разрушая искусственные барьеры в движении товаров, услуг, капитала, знания (в меньшей степени) и людей через границы, увеличивая число транснациональных корпораций и их растущую доминацию над национальными экономиками. Все это говорит о том, что происходит самоуничтожение «узаконенного» устрой-

ства мира, в котором господствуют национальные государства, и дело здесь не в столкновении цивилизаций, «а в борьбе за культуру человечества, в которой возможно совместное существование различных традиций»¹.

В формирующемся «глобальном», «мировом» сообществе во второй половине прошедшего XX в. на нашей планете появляется *глобальная система*. Она обладает определенной самостоятельностью и проявляется посредством трех процессов: процесса экономической взаимосвязи (экономической глобализации), глобализации культуры и формирования международной менеджерской буржуазии – транснационального капиталистического класса. Отношения этих процессов чрезвычайно сложны. *В глобальной системе нет единства. В силу того, что она своим появлением обязана рынку, глобальная система в процессе своего формирования не только не сохраняет уже существующие противоречия, но и пополняется новыми, со всеми их противоположными интересами.* В такой ситуации возможны столкновения не только на локальном, но и на региональном и глобальном уровнях. Что особенно вероятно – на глобальном уровне, так как выравнивание условий для экономической деятельности (условий для оплодотворения капитала) и извлечения экономической выгоды влечет за собой и выравнивание обособленных культур, представляющих собой сущность уникальных цивилизаций; это в свою очередь может привести не только к столкновениям культур (Ф. Фукуяма), но и к столкновениям цивилизаций (С. Хантингтон), ставя под вопрос существование не только человеческой цивилизации, но и условия существования жизни на целой планете.

По существу, глобализация порождает противоречия между государствами, их отдельными регионами, между различными социальными слоями, группами и этническими общностями, преследующими противоположные интересы, в том числе и на поле глобальной экономики. С глобализацией, которую «устанавливают сильные против бедных» (У. Бек), мир превращается в опасно неоднородное пространство, драматично увеличивая нищету в слаборазвитых зонах планеты. «В то время как западные государственные деятели одушевляются десятилетием неожиданного мира и богатства, все большее количество стран сталкивается с ростом долгов, безработицей и разорением. То, что выгодно западным концернам, как, например, строгое проведение дерегуляции, приватизации и флексибилизации, – для развивающихся стран оборачивается гибелью»². В действительности мировая глобальная экономика – это не что иное, как освоение планеты западными транснациональными компаниями в интересах этих компаний, но не в интересах народов планеты.

Крупный капитал создал для денег игровое поле огромных размеров, а взамен требует свободу действий, подчиняющуюся только одному закону: праву сильного. «Глобализация нуждается в жестком, решительном соревновании без милосердия, большой прибыли и больших вложениях, ей нужна жесткая селекция, так как она ведет грубую игру, в которой нет места для слабых. Ясно и громко: она нуждается в игровом поле, на котором действует только одно правило: побеждает сильнейший»³. Неолиберальная глобализация насаждает свое влияние на политической арене и внутри различных национальных партий, не слышащих приверженцами достижений развития цивилизации. В таком контексте звучит высказы-

¹ Бек, У. Моћ против моћи у доба глобализације. – Загреб: Школска књига, 2004. – С. 14.

² Бек, У. Цит. дело. – С. 55.

³ Борико, А. NEXT – Мала књига о глобализацији и свету будућности. – Београд: Народна кига, Алфа, 2002. – С. 4.

вание о том, что прогресс, достигнутый в «процессе цивилизации», диаметрально противоположен «закону джунглей», то есть физической силе или власти над международными отношениями, реализуемой посредством монетарных и других экономических рычагов. На фоне таких отношений в условиях неолиберальной мировой (глобальной) экономики возникают противоречия на глобальном уровне. «Человечество вновь находится на переломном этапе своего развития. С одной стороны, находятся силы, требующие от народов отказаться от своей истории, культуры и духовности, так как все противоречия между государствами возникают якобы вследствие культурно-цивилизационных различий. С другой стороны – все, кто настаивает на своей национальной самобытности, поддаются под давление глобализации, представляющей собой угрозу для культурно-цивилизационного разнообразия мира» (С. Лавров).

В таком современном мире с различиями, которые в контексте основных противоречий имеют разные виды проявлений, возникает потребность в переосмыслении путей и возможностей разрешения противоречий в условиях глобализации с точки зрения объективного и закономерного развития цивилизации. Например, глобализация порождает не только различные виды взаимозависимости, но и способствует появлению противоположных интересов во многих обществах (государствах). Перспектива мира требует нового равновесия сил и влияний, которое должно базироваться на открытом и плодотворном диалоге и полном уважении достоинства других или, другими словами, на уважении культурной специфичности каждого народа. В этом смысле нужно иметь в виду, что мысль о том, «что современное общество может существовать без своего поля устоявшихся традиций, является утопией и так же, как и любая другая утопия, имеет репрессивно-тоталитаристические импликации»⁴.

А для того, чтобы выжил мир, поделенный в силу многих причин, необходим целый набор правил, обеспечивающих возможность совместного сосуществования одних возле других, несмотря на все существующие различия между индивидуумами и группами. Правила нужны для решения споров мирным путем, прежде чем дело дойдет до насилия. В стремлении найти способы решения споров без применения силы, мирным путем, и появились такие понятия, как *культура мира* и *толерантность*. Они ставят акцент на способах решения споров между государствами (и общественными группами) мирным путем, без применения насилия. Но их принятие и употребление не исключают потребности критического осмысления, прежде всего их содержания и достижения общественных целей, которые при их помощи достигаются или могут быть достигнуты.

2. *Культура мира* является относительно новым термином в сфере общественных наук. С момента его появления едва ли прошло 10 лет. Культура мира формируется вместе с расширением глобализации и противоречий широких масштабов в человеческом обществе (принимая все больше черт мирового сообщества) и созданием Организации Объединенных Наций, призванной разрешать противоречия без употребления силы, мирным путем. В сфере общественных, особенно социологических и политических, наук нет общего согласия относительно дефиниции культуры мира, но все больше находит применение дефиниция, в соответствии с которой *культура мира* представляет собой ту часть общей культуры, которая включает ценности, убеждения, позиции, символы, предрасполо-

⁴ Дивјак, С. Проблеми идентитета: култура, етичко, национално и индивидуално. – Београд: ИК «Службени гласник», 2006. – С. 105.

женности и образцы поведения по отношению к миру как условию совместного существования, то есть к реализации всеобщей безопасности на планете как условию выживания и развития глобального сообщества, регионов, отдельных государств и индивидуумов на планете Земля. Становление культуры мира, понятой в таком контексте, требует изменения всех культурных парадигм, представляющих собой насилие, и принятия универсальных ценностей как средств борьбы против распада человеческого рода и его сообщества. В принятии этих ценностей нужно руководствоваться сходством глубочайших чувств людей относительно смысла жизни, к которой они стремятся, и общим участием в формировании системы ценностей. По существу, культура мира должна привести к нравственно-этическому регулированию международных и межэтнических отношений, а фокусом этих отношений, как бы парадоксально это ни звучало, является защита созданной человеком цивилизации от самого человека, от его агрессивности, уничтожения ресурсов и разрушения его собственной экологической и социальной среды обитания. В этом контексте говорится и о новой этике как совокупности этических воззрений в атомно-космической эре информационной цивилизации, философско-культурологический вектор которой направлен не только на нравственно-политическую, гуманистическую экспертизу новой реальности и идей, но и на методологическое, научно-прикладное обоснование. Так, например, информационная цивилизация – это не только освоение и использование во всех сферах жизни общепризнанной информационной технологии, но и объединение сообщества посредством духовно-нравственных особенностей отдельных общностей. Эта связь должна укрепляться за счет новых нравственно-этических факторов, появляющихся в условиях модернизации техносферы информационного общества, а также посредством творческого испытания опыта человечества.

Толерантность – другой, наряду с культурой мира, путь разрешения противоречий между государствами, общественными группами и внутри них. Она базируется на сознании того, что, несмотря на все то, что нас не удовлетворяет в убеждениях и поведении других, нужно считаться с этим фактом, так как люди могут совместно жить и созидать, даже не принадлежа к одной вере, одной нации, не разделяя одних и тех же нравственных и политических убеждений. И при таких обстоятельствах могут мирным путем достигаться противоположные интересы, решаться столкновения и развиваться демократические начала во взаимоотношениях. Терпимость как один из видов выражения толерантности является средством достижения определенной возвышенной цели (определенного идеала, ценности или добродетели). Она не является идеалом, ценностью или добродетелью, только помогает их проявлению. *И вследствие того, что терпимость служит определенной высшей цели или смыслу, она не является ценностью самой по себе, то есть добродетелью. Являясь таковой, она должна была бы иметь только позитивное значение, но это не так: нельзя быть терпимым по отношению ко всему.* «Терпимость по отношению ко всему представляет собой равнодушие, нейтральность, увиливание, трусость, лицемерие, снисходительность и т. д. Она представляет собой требование выражения своей позиции по отношению к основным положениям, убеждениям, предрасположенностям или поведению, с которыми вы не согласны»⁵. В принципе, начало терпимости – это определенный вид выражения начала свободы как универсального начала, в соответствии с которым люди

⁵ Шушьић, Ђ. Толеранција // Енциклопедија политичке културе. – Београд: Савремена администрација, 1993. – С. 1186.

свободны распоряжаться своей жизнью по своему усмотрению. Между тем *они могут осуществить это только при том условии, если их выбор не угрожает свободе и правам других людей. В случае если их выбор не является таковым, если угрожает свободе и правам других, он заслуживает не поддержку, а предотвращение.* В этом смысле нужно понимать и высказывание о том, что нельзя быть терпимым по отношению к нетерпимым. Терпимость не означает, что все имеет абсолютную поддержку: можно *думать* что хочешь, но нельзя *делать* что хочешь. Терпимые имеют право ограничить свободу нетерпимых, если последние угрожают основам свободы. Терпимость имеет свои границы, так как если признать позицию, в соответствии с которой нужно быть терпимым по отношению ко всем, это бы подразумевало, что нужно быть терпимым и по отношению к тем, кто сам является нетерпимым. При таком понимании терпимости она становится абсолютной, при существовании опасности уничтожения себя самой. Терпимость по отношению к нетерпимым – самоуничтожающаяся. Нетерпимость по отношению к нетерпимым также самоуничтожающаяся. Нетерпимость может быть оспорена без применения силы двумя способами: самому избегая нетерпимого поведения или убеждая нетерпимых в том, что они находятся на ошибочном пути. Но если посредством свободной дискуссии не удастся убедить нетерпимых в их ошибочном направлении и они продолжают действовать в соответствии со своими ошибочными убеждениями, тогда общество во избежание нежелательных последствий имеет право им воспрепятствовать. Таким воспрепятствованием, через терпимость, проверяется цивилизационная зрелость (государства, общества, группы) для будущего.

При формировании культуры мира и толерантности *диалог* является необходимым средством разрешения общественных противоречий и конфликтов мирным путем, без применения силы. Люди, выражая свое согласие на разговор и приступая к переговорам, уже проявляют минимум толерантности. Однако диалог – это не только элементарная техника ведения переговоров, но и реализация иного способа жизнедеятельности (и понимания человека в его самосознании). Поэтому разговор, возможно, и является самым глубоким из всех видов человеческих отношений, подтверждая античное высказывание о том, что человек есть не существо, которое говорит, а существо, которое разговаривает. Поэтому разговор – это встреча двух (или более) свободных людей, желающих обменяться мнениями по поводу важного вопроса, давая на него различные ответы, с тем чтобы при равных условиях дошло до решения, которое бы удовлетворяло их обоих (или более). В процессе разговора всякие попытки применения силы сводятся в рамки спора или столкновения, разрешая их без тяжелых последствий. В тот момент, когда индивидуумы и группы откажутся от насилия как способа решения споров и противоречий, их мысли и дух открываются для поиска новых путей, так как больше нет возможности опираться на старый способ достижения цели посредством силы. Диалог – это не только способ, содействующий разрешению существующих противоречий мирным путем, без прибегания к силе, но и способ предотвращения столкновений между государствами, общественными группами и внутри них, проявляющими противоположные интересы. Однако разговор между институтами стесняет и делает невозможным разговор между личностями, что может иметь негативные последствия для реализации предварительно достигнутых договоренностей. Наступление подобной ситуации зависит от того, используется ли культура мира и толерантность для решения мирным путем проблем между государствами и общественными группировками, или же под этим предлогом

используется для удовлетворения социальных, прежде всего межэтнических, интересов (столкновений). Но, не упуская из вида такое утверждение, нужно иметь в виду и то, что чаще всего в той или иной степени существует связь между противоположными интересами государств и общественных групп и противоположными интересами и этническими столкновениями. Подобная связь проявляется или может проявиться и стать очевидной в зависимости от существующих исторических и политических обстоятельств.

3. Существует тесная взаимосвязь между культурой мира и толерантностью при использовании диалога для решения мирным путем общественных столкновений, в том числе межэтнических и связанных с ними. С теоретической (и практической) точки зрения их связь и взаимообусловленность представляют собой существенную предпосылку для установления добрых цивилизованных отношений между этническими общностями, интересы которых (территориальные, экономические и культурологические) не только различны, но и противоположны и требуют решения. *Однако для того, чтобы теоретическая возможность превратилась в реальность, необходимо, чтобы все заинтересованные стороны, особенно когда речь идет о межэтнических отношениях, придерживались начал культуры мира в своих взаимоотношениях и проявляли толерантность, прибегая к диалогу.* Если этого нет, если отдельная сторона или отдельная этническая общность, особенно когда речь идет о межэтнических отношениях, использует такой подход, а другая – нет, то решение конфликтных ситуаций не только не достигается мирным путем, но и часто не придерживающиеся начал культуры мира и не уважающие принципы толерантности во взаимоотношениях «награждаются» удовлетворяющими их решениями во вред другим, придерживавшихся начал культуры мира, толерантных и выражавших готовность к диалогу. Поэтому реализация культуры мира и толерантности при разрешении противоречий на глобальном, региональном и межгосударственном уровне, особенно когда речь идет о межэтнических отношениях, должна быть рассмотрена и продумана в контексте существующих исторических обстоятельств.

Начала культуры мира используются или, вернее, должны использоваться прежде всего для решения споров между государствами мирным путем. Именно на это направлена деятельность ООН и ЮНЕСКО. Реализуя свою основную цель, состоящую в обеспечении мира и ее социальных основ, ограничивая национальный эгоизм и духовную экспансию, ООН выступила с инициативой о принятии программы культуры мира, содействуя решению конфликтов между государствами мирным путем. С распространением глобализации формируется международное сообщество, субъектами которого являются государства, имеющие различные интересы, прежде всего на поле глобальной экономики как совокупности национальных экономик. Оно представляет собой единую противоречивую систему, состоящую из богатых и бедных, в которой богатые становятся еще богаче, а бедные – еще беднее, со множеством социальных последствий, в том числе и в форме различного рода конфликтов. По существу, с глобализацией открываются два различных направления отношений между цивилизациями. Одно проявляется посредством их плодотворного переплетения и взаимного обогащения, другое – посредством конфликтов или войны цивилизаций и множества столкновений внутри одной и той же цивилизации, чаще всего между государствами. Так, например, с глобализацией открываются новые пространства и горизонты для деятельности. Политика больше не действует внутри определенных границ и государств. Происходит креативное самоуничтожение «узаконенного» устройства мира, в котором господствуют националь-

ные государства. Судя по всему, только одно государство оказывается способным действовать глобально – Соединенные Штаты Америки. Эти его возможность и мощь базируются на том факте, что все, что имеет признаки глобализма, происходит из США. Штаты контролируют институции ООН или не оказывают им поддержку, если те не принимают во внимание их интересы. Вдобавок ко всему США доминируют в НАТО и ЕС или же манипулируют ими. Таким образом, США доминируют в трех самых значительных областях: военно-технической, монетарно-промышленной и области идеологии и массовой информации.

Ограничение или отрицание суверенности и территориального интегритета национальных государств и рост мощи США при существующем монополярном устройстве мира сопровождаются противоречиями и столкновениями интересов государств по ряду причин. Существуют и просчеты США в политике по отношению к государствам, названным «государствами-отщепенцами», а после и «проблематичными государствами». *В глобализирующемся мире, все менее монополярном, а все более многополярном, возникают противоположные интересы как между центрами, так и в пределах отдельных частей тех центров, в которых мир может представлять собой нечто более худшее, чем война. Поэтому необходимо различные интересы артикулировать мирным способом.* А для того, чтобы выжил мир, поделенный в силу многих причин, необходим целый набор правил, обеспечивающих возможность совместного сосуществования одних возле других, несмотря на все существующие различия. Правила нужны для решения споров мирным путем, прежде чем дело дойдет до насилия.

Однако необходимо, чтобы правила создавали те, к кому они относятся (кто их применяет), вместо их насаждения всем, кто не принимал участия в их составлении. Определенное общество является справедливым в той же степени, в какой мощь определения поступков и регулирования важных процессов одинаково распределена. Другими словами, общественная справедливость препятствует доминированию отдельных индивидуумов и общественных группаций над остальными. *В контексте такого подхода, только частично описывающего сложность общественных условий, необходимых для применения начал культуры мира при решении международных конфликтов и регулировании отношений в международном сообществе (субъектами которого являются государства), следует, что вариант «мир любой ценой» не всегда возможен и оправдан.* Но, руководствуясь разумом, необходимо попытаться использовать последствия компромисса. Судя по всему, компромисс, если вообще может быть достигнут, должен исходить из уважения того факта, что субъективность этноса есть часть нашей существующей реальности, то есть он должен искать формулу уравновешенности между этническим и конституционным идентитетом.

Реализация идеи культуры мира и толерантности в межэтнических отношениях непосредственно связана с процессами, происходящими в современном государстве, и идеей и практикой (этнических) прав меньшинств. Длительный кризис и невозможность существования национального государства, дополнительно усложненные процессом глобализации и сопровождающими ее процессами интеграции, способствуют признанию идеи о регионализации государства. Эту мысль подтверждает и высказывание о том, что программы ЕС, такие как, например, «Европа регионов», потенциально способствуют развитию социально-экономического кризиса, питаемому идеей о дезинтеграции национальных государств. Вдобавок ко всему существуют определенные идеи о том, что «государство тем

либеральнее, чем больше в нем прав у меньшинств»⁶. В свете подобных идей встают вопросы: до какой степени права меньшинств могут иметь интеграционную функцию в том смысле, что меньшинствам, особенно этническим, дается возможность ощутить широкую политическую общность (государство) как свою собственную; с какого момента те права превращаются в функцию дезинтеграции, доводящую до вытеснения примата индивидуальных прав и разрушения общей правовой и политической идентичности государства? В этом контексте говорится: несмотря на то, что политика и репрезентативные права могут способствовать общественной интеграции и политическому единству, право на самоуправление может поставить под вопрос интеграционную функцию гражданских прав. Требования самоуправления часто являются выражением желания ослабить связи с широкой общностью в лице государства. Проявление и реализация таких желаний могут быть и становятся источником межэтнического напряжения и доводят до подозрительности этнического большинства по отношению к этническим меньшинствам и стремления к установлению этнонационального государства. В принципе, гарантирование прав меньшинств небольшим этническим общностям и группам, обеспечивающее их сохранение, культурную самобытность и идентитет, может иметь двойственное значение. Оно может быть фактором интеграции этих общностей в более широкую общность, в ее политические организации и особенно в структуры государственной власти. И если права этнических меньшинств имеют именно такой характер и функцию, представители этнического большинства по отношению к таким желаниям должны быть не только толерантны, но и посредством диалога с этносом меньшинства должны способствовать реализации таких стремлений. Однако если реализация этнических прав меньшинств не имеет подобной функции, а доводит до угрозы территориального интегритета государства, в таком случае может существовать угроза и правам представителей этнического большинства. С этой стороны показателен опыт Югославии и Сербии в связи с наличием албанской этнической общности в Косове и Метохии. Так, например, в этом крае права албанцев, представляющих собой этническое меньшинство в Сербии, а большинство – в Метохии, не были реализованы, так как не были направлены прежде всего на сохранение и проявление своего этнического идентитета, а ставили под угрозу правовой и территориальный интегритет государства, которое им эти права и обеспечивало. Толерантность этноса большинства и государства по отношению к правам этнических меньшинств имело негативные последствия для представителей этноса большинства, проживающего в том крае, начиная от невозможности реализации, вернее, утраты, личных прав, таких как право на свободу передвижения, общения на своем родном языке и право на вероисповедание, и заканчивая изгнанием с территории, на которой этническое меньшинство реализует свои права. Дошло до того, что нетолерантные поставили под угрозу права толерантных. Взаимоотношения сербов и албанцев, вернее, отношение албанцев к сербам, в Косове и Метохии, так описываются в одном из выступлений: «Питались (имеются в виду албанцы) нашей (сербской) толерантностью, смотрели на нее как на выражение страха и опирались на инфериорность сербского государства, которое во имя непонятных и эгоистических целей оставляло своих людей незащищенными и подвергающимися всякого рода террору»⁷. Выражение и реализацию стремления этнического боль-

⁶ Дивјак, С. Цит. дело. – С. 236.

⁷ Табаковић, Ј. Убија ме туга за Косовом. – Београд: Правда, 2007.

шинства сохранить свой культурный идентитет нельзя понимать как угрозу прав меньшинств. *Представители этноса большинства имеют право на сохранение своего культурного идентитета как в проявлении толерантности по отношению к правам этнических меньшинств, так и в связи с процессами интеграции, сопровождающими глобализацию, и актуальными процессами европейских интеграций.* В том смысле нужно понимать и высказывание: «Что касается меня – даже если и никогда не войду в Европу, – придерживаюсь мнения, что сербы ничуть не умнее, но и ничуть не глупее других народов; не считаю Сербию наилучшей страной на свете, но и не “черной дырой, из которой нужно бежать”, не упиваюсь идеей о “наидревнейшей письменности”, но и не избегаю писать теми же буквами, которыми писали мой отец, дед и прадед»⁸.

Применение принципа и метода культуры мира и толерантности в межетнических отношениях предполагает обдуманное общественное поведение, основанное не только на сознании того, что культурное разнообразие содействует развитию взаимопонимания, реальному видению культурной идентичности и «поиску того, что является общим для большинства цивилизаций»⁹, но и на том, что их применение представляет собой вклад в решение глобальных проблем современного мира. Эти проблемы должны решаться на основе новых этических принципов и повышенной ответственности не только тех, кто принимает решения о судьбе человечества, но и деятелей науки и культуры. Эту мысль подтверждает и высказывание о том, что необходимо предпринять «огромное общее усилие наилучших умов одной нации для того, чтобы существующая общественная реальность преобразилась и поднялась до уровня своих оптимальных исторических возможностей»¹⁰. В этом отношении определенную роль играет и философия, которая не просто наука, но и не нечто, отличное от науки. «Она не только знание или нечто, что может быть создано без знания. Она представляет собой усилие человеческого духа взвиться до высот, с которых бы было возможно увидеть мир как можно целостнее»¹¹.

⁸ Антонић, С. Срби и «евро-Срби». – Београд: Политика, 2007.

⁹ Хангтингтон, С. Сукоб цивилизација. – Подгорица: ЦИД; Бања Лука; Романов, 2000. – С. 61, 354.

¹⁰ Марковић, М. Критичка друштвена наука / М. Марковић // Изабрана дела. – Београд: БИТЗ и др., 1994. – Т. 4. – С. 299.

¹¹ Марковић, М. Филозофски основи науке. – Београд: Српска Академија наука и уметности, 1981. – С. 63.

ГЛОБАЛЬНАЯ ПЕРСОНА

УЧЕНИЕ МАРКСА: УНИВЕРСАЛИЗМ И ГЛОБАЛИЗМ

К. М. Кантор

Нынешний мировой финансовый кризис – явление беспрецедентное и, может быть, впервые носящее отчетливо глобальный характер – среди прочего привел к одному забавному следствию: с полок книжных магазинов в странах Запада (где еще совсем недавно дальнейшее процветание либерального рынка не подвергали сомнению) стали сметать книги Карла Маркса. Интерес к Марксу едва ли можно назвать случайным. Все больше свидетельств тому, что мировой исторический процесс, если смотреть на него макровзглядом, начинает подчиняться широкому марксистскому предвидению. Так это или нет – вопрос серьезных научных и философских дискуссий.

Сегодня мы помещаем заметки о К. Марксе недавно ушедшего от нас выдающегося российского философа К. М. Кантора (1922–2008). Написаны они в первый год наступившего столетия, но, на наш взгляд, точно и остро бьют в сущность нынешних проблем общей стратегии человечества. На деле эта статья – небольшая выдержка из масштабной историсофской работы автора «Двойная спираль истории. Историсофия проектизма» (М., 2002), в которой единому сквозному анализу подвергаются три великих течения мировой истории – христианство, возрожденческий гуманизм и марксизм.

Карл Моисеевич Кантор – человек необычной судьбы. Он родился в Аргентине, в семье русских эмигрантов. Когда ему исполнилось три года, его семья вернулась в СССР. Карл Кантор стал участником Великой Отечественной войны (как и его близкий друг А. А. Зиновьев, он был военным летчиком), после войны окончил философский факультет МГУ. Нелишне вспомнить, что в эти годы на факультете учились Борис Грушин, Александр Зиновьев, Владимир Зинченко, Эвальд Ильенков, Юрий Карякин, Юрий Левада, Мераб Мамардашвили, Иван Фролов, Георгий Щедровицкий и многие другие, оставившие заметный след в истории русской мысли второй половины XX века.

К. М. Кантор был одним из пионеров возрождения отечественной традиции по исследованию промышленного искусства, технической эстетики, проблем дизайна и маркетинга, но последние годы жизни в основном посвятил глубоким и оригинальным исследованиям в области философии истории.

Александр Кацура от имени редакции

1. Маркс и Христос

Исторические судьбы учения Маркса переплелись с историческими судьбами всего человечества. То, каким стал мир сегодня, в значительной мере определялось борьбой как за Маркса, так и против него, как стремлением воплотить в жизнь его учение, так и противодействием этому стремлению, как плодотворным развитием его идей, так и их искажением, опошлением, вульгаризацией. Учение Маркса сегодня, как и прежде, в центре мировых духовных противостояний.

Снова и снова ставятся вопросы: что же оно из себя представляет, в чем его сущность, каков его генезис, чем оно стало сегодня и какова его будущность? Обсуждению подвергаются и его политэкономия, и теория классов, и диалектический метод, и этика, и эстетика. Все эти вопросы – результат того, что учение Маркса является сложнейшим духовным образованием, наиболее всесторонним и наиболее глубоким со времен античности и Библии синтезом религии, искусства, научных знаний, философских идей, гуманистических идеалов. Его невозможно мерить обычной меркой науки или меркой философии, меркой идеологии. Оно является нерасторжимым единством всех основных форм духовно-практического и теоретического, рационального и интуитивного освоения действительности. Ему нет аналогов среди современных политэкономических, политологических, исторических и иных научных дисциплин, современных учений, мировоззрений, концепций и доктрин.

Учение Маркса кто-то считает противоположным религии. Не соглашаясь с этим, допущу на минуту, что это так. Но чем же объяснить, что его духовное воздействие на массы сравнимо только с мировыми религиями? Убежденный противник марксизма, крупнейший религиозный английский историк Арнольд Тойнби признал, что по своему значению во всемирной истории Маркс должен быть поставлен в один ряд с Христом, Буддой, Мухаммедом, Лао-Цзы, Конфуцием, Ганди.

В отношении свободного развития индивида будущее представлялось Марксу не сужением, а расширением горизонтов индивидуальной свободы. Он предсказал Возрождение Возрождения.

Развитие Запада после Маркса шло не совсем так, как он предполагал: в каких-то отношениях оно опровергало иные его предположения, но все же в основных своих тенденциях оно двигалось по Марксу – через интенсивный научно-технический прогресс, превращение науки в непосредственную производительную силу, все большее освобождение трудящихся от рутинного труда, расширение сфер свободной самодеятельности, упрочение демократических институтов. А это куда важнее для обретения свободы, чем полицейски контролируемое «марксистское идолопоклонство».

Всего существовало три осмысленных (парадигмальных) проекта истории: религиозный христианский, эстетический ренессансный (раблезианский) и научный марксистский. Парадигмальной основой христианского проекта истории явился античный гуманизм. Парадигмальной основой второго великого проекта всемирной истории явился возрожденческий гуманизм. От античного гуманизма до появления христианства прошло примерно 300 лет. От кульминации ренессансного гуманизма до появления марксизма – столько же. Культуру эллинистическую сменила культура эллинизма, культуру Ренессанса – то, что я назвал бы «возрожденческим эллинизмом», подразумеывая под этим распространение западноевропейской цивилизации на заокеанский материк, а затем и по всему миру.

Ренессанс не столько второй парадигмальный проект истории, сколько все та же парадигма, которая в процессе ее исторического развертывания обогатилась смыслами первого парадигмального проекта – христианства, что и сделало возможным и необходимым создание третьего парадигмального проекта всемирной истории – марксизма.

В начале XXI столетия нельзя быть истинным марксистом, настоящим последователем Маркса, не будучи истинным христианином (последователем Иисуса Христа), как нельзя быть истинным христианином, не будучи истинным марксистом. Речь, разумеется, идет о личном христианстве, не обусловленном какой-либо конфессией. Речь, разумеется, идет о личном марксизме, независимо

от какой-либо исторической формы марксизма, от «марксистской» или «марксистско-ленинской» (или «марксистско-маоистской» и т. д. и т. п.) партийной и государственной идеологии.

Наступило время синтеза вероучения Христа и учения Маркса. Для этого необходимы новая Реформация христианства и новая Реформация марксизма, новый возврат к первохристианству и возврат к первомарксизму (каковой еще никогда не осуществлялся). При этом синтез учения Христа и учения Маркса не может быть осуществлен за счет устранения из христианства Высшей творческой силы Вселенной. Возможен и необходим такой синтез, при котором признание Высшей духовной субстанции сохранится. Элиминирован может быть без ущерба для учения Маркса его атеизм. «Теология Освобождения» указывает на эту дорогу. Маркс и Энгельс постоянно соотносили свой проект как с античным и ренессансным гуманизмом (двумя спиралями парадигмы истории), так и с христианским проектом истории, намечая выход из вновь образовавшегося социального тупика.

Обновленное христианство и обновленный марксизм будут еще служить делу человеческой свободы (хотя и не в качестве государственных идеологий). Им нечего делить между собой: домен христианства – жизнь потусторонняя, домен марксизма – земная.

И разве полнота духовной жизни не в том, чтобы объединить небеса и землю?

2. Свободная личность как идеал парадигмального проекта истории Карла Маркса

Если не видеть преходящий характер переживаемой ныне эпохи, если не брать процесс в его целостности, если придерживаться метода генерализации индивидуальной ситуации, то пессимистический вывод относительно гуманистического хода истории становится неизбежным. И наоборот. Понимание рассматриваемого процесса в единстве его основных черт, не снимая полностью тревоги за судьбы человечества, предохраняет от довольно распространенных похоронных настроений, проявляющихся всякий раз, как только речь заходит о человеческой личности, ее свободе, духовности, цельности.

Обращение к Марксу в связи с проблемой человека и впрямь бесполезно, хотя и не как к автору сциентистского Апокалипсиса (как его изображают некоторые критики, не замечая, что в этой неуклюжей попытке умаления содержится комплимент учению, воспроизводящему на новом уровне не внешнюю мишуру воплощения и эмпирического бытования, а целокупность генотипических черт породившей его европейской социокультуры и истории). Оптимистическая эсхатология марксизма содержит в себе в отличие от своего религиозного аналога и прототипа идею неизбежной смены исторических форм жизни, разделяемому современной наукой.

Я не имею в виду противопоставить Маркса-ученого Марксу-моралисту, политического борца – гуманисту, социального обличителя – провидцу. Напротив, я исхожу из необходимости брать учение Маркса в единстве всех его разнонаправленных определений, усматривая в его поливалентности адекватное выражение богатства, рожденного синтезом азиатских и европейских, античных и иудаистских духовных оснований и представлений.

Аттестовать марксистский проект только лишь как выражение европейской идеи свободы личности – значит упрощать не только учение Маркса, но и европейскую социокультуру. Столь любимые Марксом идеи организации человека

и борьбы за свободу принадлежат европейской социокультуре не в меньшей степени, нежели идея абсолютного достоинства самоцельной личности.

Когда христианскую мораль противопоставляют «непоследовательности» марксистского гуманизма, «подпорченного» идеей классовой борьбы, забывают, что и человеколюбие Евангелия не безупречно, что заповедь любви к ближнему подкрепляется угрозой возмездия за неследование этой заповеди. Впрочем, на том основании, что Христос верил в вечное наказание инакомыслящих в загробной жизни, не следует отказывать в моральной ценности христианству (как это пытался делать Бертран Рассел), также как не следует и пытаться, реставрируя «подлинный» текст Священного Писания путем устранения из него всего несовпадающего с чистотой всепрощающего добра (как это делал Лев Толстой), доказывать его нравственную безусловность. Стремление к преодолению противоречий свойственно европейскому сознанию, но ему присуща и страсть к порождению противоречий.

Для европейской культуры, двумя историческими полюсами которой являются христианство и марксизм, характерна борьба противоречий внутри самого гуманистического идеала, ибо в *нем самом* человек выступает как себе довлеющий, но также как следствие внешних причин. И если Маркс действительно представляет западную философскую традицию, как говорит Э. Фромм, то не потому только, что он верит в индивидуальную свободу не только от гнета экономической бедности, но и от духовного обнищания, но и потому, что для него путь к этому состоянию лежит через борьбу и ограничения свободы, потому, что само это состояние духовной свободы принадлежит лишь царству необходимости, возвышающемуся над социокультурной организацией материального производства, внутри которой человек вынужден вести себя как подчиненный ее организации элемент. Пытаться полностью устранить эти противоречия – пустая затея; это противоречия не логического мышления, а социокультуры.

«Гражданин мира», как он сам себя называл, Маркс действительно сумел собрать в себе, в своей личности и в своем учении распавшиеся и ослабевшие в своем разъединении части европейского духа культуры: способность исторического проектирования и рационального практического расчета, служение долгу, максимы «подвергай все сомнению» и «ничто человеческое мне не чуждо», а также то, что выразил столь близкий ему по духу Данте: «Следуй своей дорогой, и пусть другие говорят что угодно».

Проблема человека стала для Маркса не темой моралистических декламаций, а делом науки и революционной практики. Учение Маркса кладет начало новой культуре, уже не европейской, остающейся при всем своем «индивидуализме» и «полифонизме» обособленным пространством, а научному парадигмальному проекту мировой истории, то есть культуре *всемирно-личностной*, и именно поэтому способной укорениться и в иных культурных пространствах. В этом плане можно считать абсолютно принципиальным тезис Маркса о том, что *свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех*.

3. Глобальный характер учения Маркса

Ни одна из мировых религий не стала верой всех народов мира: христианство, ислам, буддизм локализовались в обширных, но вполне определенных регионах мира. Что же касается учения Маркса, то оно распространилось буквально на весь мир, оно нашло для себя почву как в странах христианских, так и в странах, исповедующих ислам, буддизм, индуизм, шаманизм. В странах самозванного «социализма» как на Западе, так и на Востоке на вульгаризированный марксизм опирались государства так называемой «социалистической» ориентации (на короткое,

к счастью, время). Многие положения учения Маркса, чаще всего искаженные, используются и в некоммунистических партиях, даже таких как социалистическая в ФРГ, официально исключившая учение Маркса из своих программ. Творческое наследие Маркса так или иначе ассимилируется всеми формами современного социального и гуманитарного знания, независимо от того, стоят ли ученые или философы на позициях марксизма как целостного учения, принимают его частично или отвергают его. Это было признано такими столпами современной науки и философии, как Толкотт Парсонс и Клод Леви-Стросс, Дэниэл Белл и Раймон Арон, Мартин Хайдеггер и Карл Поппер. Даже современные теологи (как, например, Жак Эллюль или христианская подвижница мать Тереза) считали необходимым использовать многие Марксовы выводы относительно несправедливости современного общества, отчужденности труда и его установку на действенное отношение к жизни в своих сочинениях и проповедях.

Такого поистине всемирного распространения не знала ни одна предшествующая идеология – ни религиозная, ни светская. Однако сто лет для утверждения принципиально нового парадигмального проекта истории – срок ничтожный. За первые сто лет христианство еще не успело даже выработать окончательно своей догматики, еще не были написаны Евангелия; понадобилось триста лет, чтобы христианство стало государственной религией Римской империи, и еще сотни лет для его распространения как среди народов этой империи, так и среди других народов.

Тем более поразительна быстрота и интенсивность становления новой всемирной парадигмальной культуры, какой явилось учение Маркса. Но не следует обольщаться. Учению Маркса уже пришлось многое вынести, «пострадать», и более всего от мнимых его последователей; ему еще предстоит нелегкая дорога к его действительно всемирному признанию, адекватному его реальному содержанию. Удивительно не то, что марксизм до сих пор вызывает возражения, несогласия, злобу, стремление его опровергнуть, упразднить; удивительно не то, что появляются «воображаемые марксизмы» (Р. Арон), не то, что на марксизм пытаются взвалить ответственность за все те злодеяния, которые совершались от его имени (старый левый лейборист Тони Бенн заявил: если Иисус должен быть освобожден от какой-либо ответственности за мучительства и убийства, осуществленные инквизицией, то и с Маркса должны быть сняты любые обвинения за аресты и казни, совершенные в России по приказу Ленина, Троцкого, Сталина), – удивительно то, что, несмотря на все это, марксизм сохраняет свою притягательность для самых различных слоев населения во всех странах мира.

Это свидетельство того, что в учении Маркса содержится нечто, не поддающееся опровержению ни на основании обнаружения «логических несоответствий», ни на основании существующего до сих пор и неизбежного пока что (хотя и досадного) несоответствия практики и теории. Это свидетельство того, что в учении Маркса содержатся идеи и идеалы, отвечающие чаяниям современного человечества. Как ни бьются самые крупные умы Запада предложить миру что-либо равноценное, из этого ничего не получается.

Учение Маркса одновременно и чрезвычайно сложно, и необыкновенно просто, доступно.

Западная Европа никогда не была сплошь «марксистской», не «упивалась» им, как это имело место в России, но зато и не присоединилась к хору российских клеветников. Как бы резко ни критиковали учение Маркса и Энгельса на Западе, всегда это делалось достаточно корректно (за исключением нацистского периода в Германии).

Запад устами самого Збигнева Бжезинского уже давно признал великих теоретиков коммунизма своими сыновьями. Те же, кто считает, что марксизм на Западе ныне переживает новый ренессанс (первый имел место в 60-е годы ушедшего столетия), убеждены, что это стало возможным лишь благодаря тому, что Россия, ставшая на путь реставрации капитализма, отеклась от учения Маркса официально и всенародно. (Фактически Ленин отрекся от марксизма еще в 1903 г.) Получается так, что Западная Европа снова принимает «блудных детей» К. Маркса и Ф. Энгельса под отеческий кров.

В связи с «открытием» в начале 70-х гг. экологического кризиса и прогнозированием возможной глобальной экологической катастрофы западный «культурный мир» впал в состояние самообличения и самоотрицания, доходящего до сердцевины, до основ западной цивилизации – до античной мифологии и философии, до христианства и возрожденческого гуманизма, из которых будто бы и возникли «злые силы» науки и технического прогресса, подрывающие природные условия человеческого существования. Вспомнили Шпенглера, предрекавшего гибель западной цивилизации, а ведь он как раз рассматривал учение Маркса как вернейший симптом заката. В крайних проявлениях либеральной самокритики учение Маркса предстало в качестве последнего и наиболее концентрированного продукта «человекобожеских», антиприродных ценностей западной культуры, ответственных за надвигающуюся экологическую катастрофу. Мартин Хайдеггер назвал марксизм вариантом «фаталистически трактованного технического мессианства».

В современных условиях, породивших уверенность, что все опасности для ставшего привычным образа жизни Запада миновали, что шпенглеровским пророчествам о гибели западной культуры и научным предвидениям Маркса о крушении капитализма не суждено сбыться, наиболее подготовленные к реалистической оценке сложившегося положения ученые вынуждены были иначе, чем прежде, отнестись к теоретическому наследию Маркса, то есть не просто как к величественному памятнику социальной мысли XIX в., интересному сегодня лишь для структуралистских «археологических изысканий». Шпенглер называл марксизм предвестником гибели западной цивилизации, сам же Маркс выступал как критик отнюдь не западной цивилизации как таковой, а капитализма, да и то не как абсолютного зла. Согласно Марксу, капитализм содействовал существенному прогрессу западноевропейской цивилизации, положил начало всемирному распространению ее ценностей, но стал в конце концов помехой для дальнейшего развития и самого Запада, и всего остального мира.

Тут было над чем задуматься, что выбирать. Является ли учение Маркса простым воспроизводством отдельных сторон (или даже целостности) европейской культуры или, сохраняя, а отчасти, может быть, восстанавливая нарушенную капитализмом ее тотальность, не является ли оно в то же время культурным зародышем, ядром новой, действительно всемирной общечеловеческой культуры?

Если западные экологи-алармисты ищут выход из кризиса западной цивилизации в отказе от коренных ценностей западной социокультуры в пользу даосизма, буддизма и соответствующего этим религиям старовосточного образа жизни, то реформаторы, подобные Майклу Харрингтону, предпочитают сбросить с терпящего бедствие корабля Запада балласт капитализма, чтобы сохранить корабль. Запад останется Западом, справедливо полагает Майкл Харрингтон, и после того, как «демократический социализм» придет на смену капитализму. Ради этого он и обращается к Марксу.

Книгу «Сумерки капитализма», самим названием полемизирующую со шпенглеровскими «Сумерками Запада», М. Харрингтон начинает знаменательным посвящением: «Будущности почти забытого гения: врагу любой догмы, защитнику человеческой свободы и демократическому социалисту – Карлу Марксу».

Следует иметь в виду, что у Харрингтона были и есть единомышленники. Среди них и те представители образованной Америки, которые еще вчера были убеждены, что Северная Америка навсегда останется исключением, что Марксовы «законы капитализма» писаны не про нее и потому марксистского социализма в Соединенных Штатах (как о том писал в начале прошлого века В. Зомбарт, а вслед ему, умножая его доказательства, Д. Белл) быть не может!

Маркс соединил то, что *было разорвано*, соединил в новом синтезе философию, науку, социальное проектирование, теорию и революционную практику и в этом смысле, если угодно, осуществил действительный разрыв со всей предшествующей историей западной культуры и возврат к ней на новом, высшем уровне по закону отрицания отрицания (который так не любят структуралисты) к тому состоянию знания и философствования, которое в античности воплотил в своем творчестве Платон. Вот историческая фигура, о которой следует вспомнить, когда мы пытаемся оценить масштаб переворота, осуществленного Марксом. Ибо подобно тому, как Платон начинал собой «историю философии» как обособленной от практики формы знания (она еще не обособилась вполне и была наполовину искусством, проповедью, моральным поучением, отчасти и руководством к действию), так Маркс завершал ее (объединив с наукой, искусством, руководством к действию, связав ее с революционной практикой).

Коренной недостаток современной марксологии (как западной, так и постсоветской) – в неспособности понять учение Маркса как новый парадигмальный проект истории, в котором преодолен разрыв теории и социального действия и который нельзя рассматривать вне контекста *глобального процесса исторического шествия человека к свободе*.

4. Свидетельства несогласных

Всемирное значение марксизма получает подтверждение в том влиянии, которое он оказал на высшие достижения немарксистской и антимарксистской мысли в философии, историософии, социологии, социальной философии. Марксу противопоставляли П. Струве, Н. Бердяева, С. Булгакова, М. Вебера, К. Поппера. Последнему приписывали заслугу разоблачения «нищеты» марксизма, несовместимости его с демократией, с открытым обществом. А Мартина Хайдеггера (может быть, самого крупного философа XX столетия) считали философским антиподом Маркса. Но вот что говорят о Марксе сами эти (и некоторые другие) мыслители.

Петр Струве: «*Универсализм* Маркса обострил его социологическое зрение. Так, он дал Марксу гениально схватить тот антагонизм между интересом рода и интересом индивида, который обнаруживается в фактическом и социальном развятии».

Николай Бердяев: «В марксизме меня всего более пленил историософский размах, широта мировых перспектив. По сравнению с марксизмом старый русский социализм мне представляется явлением провинциальным... Маркса я считал гениальным человеком и считаю сейчас».

Сергей Булгаков: «Под личиной холодного рационализма и теоретической жесткости в нем (марксизме) скрывается грусть человека о самом себе, тоска “царя природы” в плену у стихий этой самой природы, равнодушной, даже враждебной. В этом скорбном учении нашел выражение хозяйственный трагизм челове-

ской жизни, о чем и говорит экономический материализм, ибо что же это, как не проклятие, – эта неволя разумных существ у мертвой, неосмысленной, чуждой нам природы... Такова тоска, которая слышится в экономическом материализме, и такова правда, облеченная в его научный иероглиф».

Хосе Ортега-и-Гассет: «Я страстно с ним сражался, но это как раз свидетельствует о том, как я высоко его ценю... Какая изумительная иллюминация внезапно озарила сумрак прошлого, когда Маркс и его соратники бросили в эту гигантскую пещеру теней и отголосков факел своей отважной мысли».

Макс Вебер: «Каждый, кто когда-либо работал с применением марксистских понятий, хорошо знает, как высоко неповторимое эвристическое значение этих идеальных типов, если пользоваться ими для сравнения с действительностью, но в равной мере знает то, насколько они могут быть опасны, если рассматривать их как эмпирически значимые или даже реальные действующие силы».

Карл Ясперс: «В наши дни стало совершенно очевидным, что от характера труда и его разделения зависят структура общества и жизнь людей во всех ее разветвлениях. Это понимал уже Гегель, а Маркс и Энгельс разработали это положение в своей теории, имеющей эпохальное значение».

Мартин Хайдеггер: «Поскольку Маркс, осмысливая отчуждение, проникает в сущностное измерение истории, постольку марксистский взгляд на историю превосходит другие исторические теории... Абсолютная метафизика вместе со своими перевертываниями у Маркса и Ницше принадлежит истории бытийной жизни. Что исходит от нее, то нельзя ни сразить опровержениями, ни тем более устранить... Всякое опровержение в поле сущностной мысли – глупость. Спор между мыслителями – это любящий спор самой сути дела».

Карл Поппер: «Влияние Маркса на христианство можно, по-видимому, сравнить с влиянием Лютера на Римскую церковь. Если христианство встало сегодня на путь, отличный от того, которым следовало всего тридцать лет назад, то этим оно в немалой степени обязано влиянию Маркса».

Джон Гэлбрейт: «Маркс глубоко воздействовал и на тех, кто не принимал его системы. Его влияние распространилось на тех, кто предполагал, что были не подвержены этому влиянию... Одним из следствий отказа от неоклассической модели является возрождение интереса к теории марксизма...»

Альбер Камю: «Требуя для труженика подлинных богатств, заключающихся не в деньгах, а в праве на отдых и свободное творчество, Маркс, в сущности, требовал восстановления достоинства человека».

Есть у него фраза, на редкость ясная и резкая, которая раз и навсегда отказывает его торжествующим ученикам в величии и гуманизме, свойственных ему самому: «Цель, нуждающуюся в неправедных средствах, нельзя считать праведной целью»».

Фридрих Энгельс: «Маркс настолько превосходит всех нас своей гениальностью, своей чуть ли не чрезмерной научной добросовестностью и своей баснословной ученостью, что если бы кто-либо попытался критиковать его открытия, то он только бы обжегся на этом... Я вообще не понимаю, как можно завидовать гению. Это настолько своеобразное явление, что мы, не обладающие этим даром, заранее знаем, что для нас это недостижимо; но чтобы завидовать этому, надо уж быть полным ничтожеством».

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ, ОБРАЗОВАНИЕ

ФАКУЛЬТЕТ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ МГУ ИМ. М. В. ЛОМОНОСОВА

Интервью главного редактора журнала «Век глобализации» с научным руководителем факультета глобальных процессов МГУ им. М. В. Ломоносова, Главным федеральным инспектором по г. Москве Аппарата Полномочного представителя Президента Российской Федерации в Центральном федеральном округе, доктором исторических наук, профессором Игорем Ишеналиевичем Абылгазиевым и членом-корреспондентом РАЕН, деканом факультета глобальных процессов МГУ им. М. В. Ломоносова, кандидатом геолого-минералогических наук, доцентом Ильей Вячеславовичем Ильиным

– О необходимости подготовки специалистов в области глобалистики в научных кругах говорилось давно. Теперь, в условиях разрастающегося глобального кризиса, когда тема глобализации и ее последствий оказалась в центре общественного внимания, эта проблема стала особенно актуальной. Выходит, что Московский государственный университет, первым открывший факультет глобальных процессов, сработал на опережение. Когда и при каких обстоятельствах появился этот факультет? Какие идеи легли в обоснование его создания, какие цели и задачи он призван решить?

И. И. Абылгазиев: В последнее время стало очень популярным емкое слово «миссия». Забавно, но его активное использование, кстати, также является следствием глобализации. Так вот, миссия факультета состоит в насыщении отечественной сферы наукоемкого управления и аналитики специалистами, понимающими или, если хотите, чувствующими природу и динамику глобальных изменений вообще и процессов глобализации в частности. Совершенно очевидно, что задачу создания российской школы геостратегического планирования (а таковая в целом виде сейчас пока отсутствует) не решить без подготовки соответствующих кадров. А наша задача – привлечь все лучшее, все самое ценное, что есть в отечественной науке, к обучению и воспитанию наших студентов.

И. В. Ильин: Отвечу на Ваш первый вопрос. Факультет глобальных процессов – один из самых молодых факультетов Московского университета. Первый набор студентов факультет провел в 2005 г., а в настоящее время на четырех его курсах обучается 255 студентов. В мае 2007 г. решением Ученого совета МГУ факультет был реорганизован – созданный поначалу как смелый эксперимент факультета педагогического образования, он из отделения глобальных процессов стал полноправным факультетом.

– Глобалистика – новая интегральная сфера междисциплинарных исследований, что принципиально отличает ее от конкретных научных дисциплин, сфор-

мировавшихся, как правило, в результате дифференциации научного знания. Как это обстоятельство сказывается на подготовке специалистов в данной области? В чем принципиальное отличие возглавляемого вами факультета от других факультетов МГУ? Кого готовит ваш факультет и чем предстоит заниматься будущим специалистам в сфере глобальных процессов?

И. И. Абылгазиев: Прежде всего это специалисты-международники. Специальность, по которой мы готовим студентов, называется «Международные отношения». Читатели хорошо знают, что крупнейшим и главным вузом нашей страны в этой сфере является МГИМО(У) – Московский государственный институт международных отношений. Долгое время он был единственным в этой сфере, но в последние годы многие крупные университеты не только в Москве, но и в регионах России успешно готовят специалистов этого профиля. А совсем недавно и в Московском университете появилась эта специальность: возникли факультет мировой политики, а затем и наш. Хотя не могу не отметить, что история подготовки профессиональных знатоков-страноведов в Московском университете насчитывает более двухсот лет, сам МГИМО был образован на базе Международного факультета Московского университета, а более 50 лет назад в структуре МГУ появился Институт стран Азии и Африки, выпускником которого я являюсь. Традиционно специальности «Международные отношения» и «Востоковедение и африканистика» разделены, хотя имеют много общего. «Международные отношения» делают упор на дипломатическую службу, знание международных соглашений, основ международной безопасности, а «Востоковедение и африканистика» помимо своей чисто географической специфики все же ближе к регионоведению.

В принципе, у каждого учебного заведения, готовящего международных, своя специфика. Наш факультет готовит специалистов, которые будут помимо глубокого понимания геополитических и геостратегических основ международных отношений успешно и эффективно учитывать быстро меняющуюся ситуацию в глобальной экономике, международном экономическом и гуманитарном сотрудничестве, состоянии природной среды, то есть все те «сюрпризы», которые и преподносят нам глобальные социоприродные процессы и глобализация в различных ее проявлениях.

– Интересно, а каков конкурс на новый факультет, пользуется ли он популярностью у абитуриентов?

И. В. Ильин: Конкурс на факультет стабильно растет год от года. Если в 2005 г. он составил чуть больше пяти человек на место, то уже в следующем превысил 6, в 2007 – 8, а в этом году достиг второго результата среди всех факультетов МГУ – 13 человек на место. И это при том что число первокурсников в этом году по сравнению с предыдущим выросло вдвое. В общем и целом интерес к получению образования на нашем факультете растет.

– Нет сомнения в том, что выпускники Московского государственного университета найдут достойное применение своим знаниям, но все-таки где будут востребованы выпускники факультета глобальных процессов прежде всего?

И. И. Абылгазиев: Во-первых, там же, где и другие международники: на государственной дипломатической службе, в международных организациях, общественных организациях и фондах, крупных российских корпорациях, ведущих свою деятельность на мировом рынке. Кроме того, уверен, что их ждут исследова-

тельские центры, аналитические лаборатории, правительственные учреждения, аппараты политических партий, средства массовой информации, освещающие международную проблематику.

Этим летом студенты, успешно закончившие третий курс, прошли первую учебную практику в таких государственных учреждениях, как Администрация Президента России, Аппарат Правительства России, секретариат Государственной думы Федерального Собрания Российской Федерации, федеральные министерства и ведомства: Министерство иностранных дел, Министерство финансов, МЧС, Минобрнауки, Центробанк, Федеральная служба охраны, а также Департамент внешнеэкономической деятельности и международного сотрудничества Правительства Москвы и другие государственные учреждения. Наши студенты получили самые высокие оценки от будущих работодателей, некоторых из них эти солидные учреждения уже пригласили для дальнейшей работы. Конечно, заинтересованность в наших выпускниках проявляют не только государственные учреждения, но и крупные компании, работающие в России. Наши четверокурсники ждет производственная практика и там.

– Любое новое дело, тем более, такое масштабное, не может состояться без серьезной поддержки и содействия. Хотелось бы знать, кто в наибольшей степени содействовал созданию факультета и как научная общественность отнеслась к появлению факультета глобальных процессов?

И. И. Абылгазиев: Можно сказать, научная общественность встретила появление нашего факультета с большим воодушевлением. В октябре прошлого года мы провели международную научно-практическую конференцию «Глобалистика как сфера научных исследований и преподавания», оргкомитет которой возглавили ректор Московского университета академик В. А. Садовничий и ваш покорный слуга. Было отрадно слышать, как многие видные отечественные и зарубежные философы, политологи и экономисты приветствовали создание факультета глобальных процессов. Среди них – известные специалисты в области глобалистики: директор Института водных проблем, член-корреспондент РАН В. И. Данилов-Данильян; инициатор создания фундаментальной энциклопедии «Глобалистика», первый вице-президент Российского философского общества, профессор А. Н. Чумаков; известный немецкий экономист, профессор Тамаш Бауэр; заведующий сектором Института философии РАН, профессор И. К. Лисеев; ведущий специалист по проблемам взаимодействия природы и общества, профессор В. В. Снакин и многие другие. Все они говорили о важности данного шага руководства Московского университета, о широких перспективах глобалистики – этой бурно развивающейся междисциплинарной сферы научного знания, предлагали посильную помощь в развитии нового начинания. Мы, в свою очередь, пригласили их подключиться к учебному процессу и быть нашими, так сказать, научными кураторами и консультантами.

Факультет продолжает привлекать к сотрудничеству ведущих специалистов в области гуманитарных и естественных наук. 11 октября, когда по всей Москве по инициативе нашего ректора академика В. А. Садовничего проходил Третий фестиваль науки, наш факультет также организовал ряд интересных мероприятий. Факультетская программа фестиваля открылась первым заседанием Экспертного совета факультета, в который помимо уже упоминавшихся ученых вошли такие авторитетные специалисты, как крупный дипломат и государственный деятель,

а ныне профессор Академии ФСБ И. И. Антонович, профессор, доктор политических наук О. Г. Леонова, профессор, доктор исторических наук В. А. Змеев, крупнейший в России специалист в сфере биополитики, профессор, доктор биологических наук А. В. Олескин и др.

Предстоит дальнейшее обсуждение вопроса о роли и месте глобалистики и изучения глобальных процессов в современной системе университетских дисциплин. Мы не отказываемся от того, что специалисты факультета – прежде всего гуманитарии и обществоведы. Проблемы человека, общества, развития духовного мира, человеческих потребностей стоят у нас на первом плане. Важно, однако, создать прочный мировоззренческий мост между естественными и гуманитарными науками для будущих специалистов, в чьих руках, возможно, окажутся судьбы крупных регионов и всего мира в целом.

И. В. Ильин: Дискуссия, о которой говорит Игорь Ишеналиевич, была продолжена и на других конференциях, посвященных стратегии ФГП, куда мы пригласили наших коллег, имеющих предложения по развитию факультета, в частности на Российско-китайском энергетическом форуме, Ломоносовских чтениях, круглом столе «Национальное мировоззрение в глобальном мире: pro et contra», проведенном специально для молодежи в рамках Международной молодежной научной конференции «Ломоносов-2008». В дни работы конференции успешно прошла работа секции «Глобалистика», в которой приняли участие 80 представителей из 6 стран, из них около 20 студентов, аспирантов и молодых ученых представляли страны ближнего зарубежья, а еще 5 – дальнего (это были студенты из университетов Гумбольдта и Гёте, Германия).

По итогам конференций вышел в свет первый выпуск студенческого научного альманаха факультета, названный просто и объемно – «Глобус». Кроме того, факультетом выпущен научный сборник «Глобалистика как область научных исследований и сфера преподавания», в котором наряду с трудами классиков глобалистики представлены работы ученых, имеющих непосредственное отношение к образовательному процессу на факультете или входящих в наш Экспертный совет.

Издательская деятельность факультета ширится: серия «Библиотека факультета глобальных процессов», созданная в прошлом году, пополнилась помимо вышеперечисленных изданий программами практически всех читаемых курсов, готовится к публикации ряд учебных, методических и научных изданий.

Постоянно обновляется официальный сайт факультета, на котором помимо официальной информации есть много студенческих статей – политические заметки, новости студенческой жизни, научные работы и т. д.

– Да, за столь короткое время удалось сделать действительно много, и планы на будущее у вас масштабные. Но ведь при таком обилии задач довольно сложно выстроить адекватно отвечающий им учебный план. Как построена эта работа? Какие дисциплины преподаются на вашем факультете?

И. В. Ильин: Трудности налаживания образовательного процесса, к счастью, вполне преодолимы. Должен сказать, что многое было сделано нашими предшественниками, впервые взявшимися за это сложное дело. И здесь мы должны быть благодарны первому декану факультета, выдающемуся математику и специалисту в сфере высшего образования профессору Н. Х. Розову, возглавляющему факультет педагогического образования, а также всему коллективу этого факультета. Эти

люди провели труднейшую работу по выстраиванию концепции преподавания, включающую как дисциплины гуманитарного цикла, так и достаточно серьезную подготовку в сфере математики и информатики. Мы развиваем и дополняем ее нововведениями: приказом ректора МГУ утверждено разделение факультета на два отделения: «Геополитики и дипломатии» и «Глобальной экономики и управления», и с этого года мы принимали студентов на наш факультет раздельно, по отделениям.

В прошлом учебном году наши третьекурсники уже приступили к освоению раздельных учебных планов. При обучении на первом отделении делается акцент на политологическую составляющую: мировая политика, геополитика и геостратегия, внешняя политика России, политические технологии, философия политики, теория и практика международных отношений; на втором преобладают экономические дисциплины: мировая экономика и международные экономические взаимоотношения, экономическая интеграция, менеджмент и маркетинг. В зависимости от отделения меняется и математическая нагрузка, однако мы стараемся учитывать интересы и склонности самих студентов: хочешь – выбирай углубленный курс информатики и серьезных математических методов анализа, хочешь – сосредоточивайся на традиционных подходах к изучению политических и социально-экономических проблем.

– Но ведь факультет еще очень молод, а проблема формирования преподавательского состава даже для давно существующих факультетов всегда является важнейшей задачей. Кто же преподает студентам все это обилие столь разных дисциплин?

И. В. Ильин: Факультет – часть Московского государственного университета. Его преподаватели – это прежде всего ведущие специалисты Института переподготовки и повышения квалификации преподавателей гуманитарных и социальных наук МГУ, экономического, механико-математического, географического факультетов, факультета иностранных языков и регионоведения, вычислительной математики и кибернетики, сотрудники Музея землеведения и Экологического центра МГУ. Среди них хотелось бы особо отметить директора ИППК МГУ, доктора философских наук, профессора Л. Н. Панкову, доктора исторических наук, профессора В. А. Змеева, доктора политических наук, профессора О. Г. Леонову, доктора исторических наук, профессора Ш. Ш. Шахалилова, доктора экономических наук, профессора А. В. Сидоровича, которые стали для наших студентов настоящими Учителями с большой буквы. Кроме того, я хотел бы назвать декана факультета иностранных языков и регионоведения, доктора филологических наук, профессора С. Г. Тер-Минасову, директора Музея землеведения и Экоцентра МГУ, профессора А. В. Смурова, академика РАО В. И. Купцова, блестящего филолога профессора Т. В. Картаву, всех наших преподавателей, сотрудничество с которыми прекрасно доказывает единство университетской корпорации. Мы также ценим сотрудничество с Вами, Александр Николаевич, главным редактором первого профильного журнала по глобалистике – «Век глобализации», а также с коллективом редакционной коллегии этого издания, принимающим активнейшее участие в нашей деятельности.

Всего у нас трудятся более 60 профессоров, доцентов и преподавателей. Некоторые из них специалисты-практики: члены Общественной палаты РФ, сотрудники Администрации Президента РФ, советники и консультанты органов власти.

И. И. Абылгазиев: Несколько слов о языковой подготовке, которая для обучающихся международных студентов как хлеб насущный. Обязательны два языка: английский и второй по выбору (западноевропейский или восточный), хотя надо сказать, что некоторые студенты факультативно берутся и за три; интенсивная подготовка, которая для английского языка недавно начала сочетаться (впервые для Московского университета) с регулярной проверкой знаний на основе кембриджских тестов; постоянный поиск и внедрение самых современных методов. Так что студентам и с этой стороны скучать не приходится, тем более что впереди у многих из них – зарубежные стажировки. У нас хорошие контакты с университетом имени И. В. Гёте во Франкфурте-на-Майне, с Азиатско-Тихоокеанским университетом в Бейпю (Япония), готовятся соглашения с ведущими университетами КНР.

И. В. Ильин: Добавлю, что цикл стажировок для старшекурсников уже начался с длительной командировки одного из них в университет города Тюбинген в Германии. К вопросу о международном сотрудничестве добавлю, что не забыты Малая Азия, а также Египет: готовятся договоры с ведущими университетами Стамбула и Российско-египетским университетом, находящимся в Каире. Из европейских коллег можно добавить университет города Сент-Гален (Швейцария), с его помощью планируется организовать краткие учебно-ознакомительные стажировки, поездки наших студентов с посещением штаб-квартиры ООН, крупнейших финансовых центров и других «глобальных» достопримечательностей.

Особое развитие получили контакты с университетом имени И. В. Гёте. Уже дважды приезжали к нам студенты-экономисты под руководством известного ученого, профессора Т. Бауэра, и уже дважды представительная делегация (каждый раз около 20 студентов) факультета глобальных процессов принимала участие в недельном семинаре во Франкфурте-на-Майне. Хотя семинар посвящен экономическим проблемам, доклады и дискуссии затрагивали многие геополитические аспекты жизни Евросоюза, сотрудничества России и Германии, ЕС в целом. Этот семинар невероятно полезен нашим студентам и вызывает у них большой интерес.

Чтобы не увлекаться перечислением того, что сделано и планируется сделать, скажу, что идей и сил для их осуществления немало, ведь деканат факультета составляют хоть и научно остепененные и уже получившие ряд престижных научных премий, но еще очень молодые люди. Достаточно сказать, что средний возраст наших штатных сотрудников – около 30 лет, но за их плечами солидный опыт организационной работы. Судите сами: пятеро из нас принимают активнейшее участие в подготовке крупнейшего в СНГ научного форума «Ломоносов», четверо – в других общеуниверситетских молодежных мероприятиях, таких как празднование Дня российского студенчества и многих других, трое являются членами бюро Координационного совета по делам молодежи в научной и образовательной сферах Совета при Президенте РФ по науке, технологиям и образованию, участвуя в проведении важных общероссийских и международных научных мероприятий. И еще: сам я возглавляю лабораторию воспитательных технологий и молодежной политики ИППК МГУ, в которой работает и один из заместителей декана. Надо сказать, что ввиду важности для университета темы молодежной политики нам приходится много работать и в этой сфере.

– Бытует мнение, что на такие престижные специальности, какие предлагает ваш факультет, поступают в основном москвичи. Так ли это на самом деле?

И. В. Ильин: Это мнение, к счастью, не соответствует действительности. Половина наших студентов живет в общежитии, а приехали они из самых разных регионов страны. В «студенческом народе» факультета представлено более 30 регионов: от сибирских до причерноморских. Есть и иностранцы – у нас учатся представители 7 стран, и не только ближнего, но и дальнего зарубежья, таких как Италия, Швейцария и даже Австралия. Кстати, не все окончившие московскую школу являются москвичами, таковы, например, многие ребята – выпускники Классического пансиона МГУ, который для нас примерно то же, что для естественных и точных факультетов – знаменитый на весь мир Специализированный учебно-научный центр имени А. Н. Колмогорова при МГУ, отбирающий ребят со всей страны и готовящий их здесь, в Москве, с помощью университетских преподавателей.

– А как организована студенческая жизнь помимо учебного процесса?

И. И. Абылгазиев: Помню, что для нас в свое время воспитательное значение студенческой жизни вне учебы было огромным: это и научное студенческое общество, и творческие кружки, дискуссии, диспуты и просто неформальные споры, спортивные состязания, работа в стройотрядах, общественная комсомольская работа, повышение собственного культурного уровня – мы не пропускали ни одной заметной театральной постановки в столице.

Ныне, мне кажется, необходимо особое внимание обращать на патриотическое воспитание наших студентов, тем более что их будущая специальность – это пусть и гражданская, но очень ответственная служба своей стране. Мы уже дважды посещали 2-ю гвардейскую Таманскую дивизию, где знакомились со славной историей этой легендарной части, бытом солдат, а затем не только ребята, но и девочки с удовольствием выходили на учебный огневой рубеж и вели огонь из самых разных видов стрелкового оружия.

В целом мы стараемся привлекать весь позитивный опыт организации воспитательной и общественной работы, который когда-то был накоплен в Московском университете еще в комсомольскую эпоху, и применять его теперь.

И. В. Ильин: Надо сказать, живут студенты дружно, сплоченно. При такой напряженной учебной нагрузке в так называемой «внеучебной» работе со студентами для нас главное – психологический комфорт, возможность всегда поделиться своими проблемами с любым сотрудником деканата, преподавателем. Не забываем мы и о студенческих мероприятиях. Прежде всего это дискуссионные клубы. По инициативе нашего научного руководителя создан политклуб «Глобус», гостями которого уже стали депутат Государственной думы ФС РФ К. Н. Затулин, видный китайский ученый-обществовед, профессор Ань Циньян, бывший президент Международного студенческого союза, легендарный политический деятель и человек интереснейшей судьбы Мирослав Штепан. В рамках факультетской программы Фестиваля науки в октябре этого года прошли лекции профессоров А. Н. Чумакова, И. И. Антоновича, А. В. Олескина, видного специалиста в сфере молодежной политики из Казани доцента А. Ю. Садыковой. Не оставлена без внимания и чисто студенческая инициатива – дискуссионный клуб «Феникс», в котором по-студенчески жарко обсуждались проблемы международной миграции и «косовский вопрос».

Всего «Феникс» провел в прошлом учебном году три заседания. А совсем недавно в рамках уже упоминавшегося Фестиваля науки прошли студенческие дебаты наших первокурсников «Будет ли стабильность в многополярном мире?». Ребятам удалось подготовиться к дебатам так основательно – с яркими презентациями, с солидной доказательной базой, что даже опытные члены Экспертного совета факультета, присутствовавшие на дебатах в качестве жюри, приняли их за старшекурсников.

Вообще первый курс у нас – это обширная, свыше 100 студентов, база своеобразной творческой лаборатории. В самом начале октября студенты старших курсов провели их посвящение в студенты, где от первокурсников потребовалось немало творческой смекалки и инициативы, затем – буквально через неделю – уже упоминавшиеся дебаты, только что завершился двухнедельный творческий марафон – инновационная образовательная игра «Выборы на Украине. День сурка». О ней хочется сказать особо.

Подобная игра проводилась молодой командой наших увлеченных коллег, выпускников Московского университета, с которыми мы давно сотрудничаем по общественной работе, и организовывалась в МГУ впервые. Студенты вживались в образы основных акторов политического процесса в братской славянской стране, проводили дебаты, выступали с заявлениями, писали листовки и плакаты, статьи в СМИ, вели тайные и явные переговоры – в общем, были максимально приближены к реальности. Игра дала почувствовать вкус жизни в большой политике, развеяла многие юношеские иллюзии и заставила ее участников по-новому взглянуть на свои способности и недостатки. Об успешности игры свидетельствует такой факт: поначалу с недоверием относившиеся к инновации четверокурсники, видя, как интересно их младшим коллегам вникать в тонкости украинской политики, попробовали поучаствовать в ней сами. И влились в процесс настолько удачно, что поддерживаемый ими кандидат, который в реальной жизни вряд ли сможет претендовать на роль общенационального лидера, совершил, казалось бы, невозможное и стал одним из победителей первого тура выборов! Здесь все же, думается, сказались опыт и умение наших старших ребят...

Мы внимательно следим за успехами наших студентов, и лучшие из них находят достойное применение своим талантам на общероссийских и международных мероприятиях, в которых мы участвуем или которые непосредственно организуем. Этим летом наши студенты представляли Россию на Международной студенческой модели ОБСЕ в Вене, на международных школах молодежного общественно-го актива в Тунисе и Болгарии, Международной летней школе молодых ученых СНГ в Новосибирске, Фестивале молодежного творчества СНГ «Содружество талантов-2008», в сентябре двое студентов приняли участие в работе VIII Российско-германского экономического форума «Петербургский диалог», а совсем недавно студенты ФГП вошли в состав делегации МГУ на IV съезде Содружества студенческих и молодежных организаций СНГ.

Надо сказать, творческая сторона студенческой жизни, конечно же, не ограничивается профессиональными интересами. По инициативе студентов в мае был проведен День факультета, где они выступили с неожиданной стороны, представ перед публикой певцами, танцорами, музыкантами, поэтами, а также актерами, режиссерами и сценаристами. Многие ребята и девушки успешно отстаивают

спортивную честь факультета и университета (у нас учатся мастера и кандидаты в мастера спорта), постоянно проходят встречи актива, интересные экскурсии, круглые столы, беседы за чашкой чая с руководством факультета – в общем, двери факультета для студентов открыты всегда. Наверное, в этом состоит некоторое преимущество малых факультетов, где практически у каждого с первых шагов появляется свой куратор, наставник, тьютор, где студент знает телефон, например, заместителя декана по учебной работе и всегда может сообщить ему о возникшей проблеме.

– Хорошо известно, что сильной стороной многих западных университетов является тесная связь образовательного процесса с фундаментальной наукой. Как вы предполагаете решать эту проблему в рамках вашего факультета?

И. И. Абылгазиев: Важно отметить, что наших студентов мы с первых курсов привлекаем к научной деятельности: курсовые работы, конференции, доклады на семинарах и дискуссиях – все это органично входит в круг задач по подготовке будущих специалистов в области международных отношений, свободно ориентирующихся в глобальной проблематике.

В мае этого года прошли первые защиты курсовых работ. Их тематика богата и разнообразна: здесь представлены и общеполитические проблемы – например, одна из работ называлась «Этическое в сфере политического»; вопросы регионалистики: исламский мир, Китай и Япония, Евросоюз, Латинская Америка, и, конечно же, ШОС, Россия и другие страны СНГ, различных сфер межрегионального сотрудничества; теоретические проблемы политической глобалистики, многополярности; глобальные тенденции в культуре, образовании, праве; проблемы экономического сотрудничества и глобальной экономики; затронута и сфера экологии; ряд работ был посвящен математическому моделированию социально-политических процессов и статистическим корреляциям между применяющимися рейтинговыми оценками экономического, финансового и человеческого потенциала и уровнем, например, зависимости страны от кредитов и инвестиций. И, конечно же, особый акцент мы делаем на роли России в процессах глобализации, на формулировании, так сказать, ее российской версии.

Надеемся, что в мае следующего, 2009 г., а может быть, несколько позже мы проведем в МГУ Первый международный конгресс «Глобалистика-2009» и будем очень рады участию в его организации членов редакционной коллегии журнала «Век глобализации».

И. В. Ильин: Мне кажется, здесь нужно сказать несколько слов о трудностях. Вы знаете, из всего сказанного в интервью может сложиться такая несколько благостная картина вымощенного розами пути нашего факультета в «светлое будущее». Можем заверить, что это не так. И особенно это касается программных научных исследований. Тематика глобалистики потрясающе разнообразна; и не только у нас, но и у специалистов постарше и поопытнее, которые приходят в эту сферу из самых разных дисциплин, подчас просто разбегаются глаза от обилия вопросов и проблем, которые ставит перед учеными наша междисциплинарная область знания. Поистине все науки связаны с глобалистикой, но иногда в рамках философии одной из них трудно обозреть весь, так сказать, «глобус проблем». И, видимо, нам еще некоторое время предстоит «собирать камни», прежде чем на основе выстраданного, но своего подхода ясно, точно, а главное – научно выступить с конкретными прогнозами, стратегиями или экспертными заключениями.

В этой связи нам очень нравится идея проведения на базе факультета масштабного исследования с пока условным названием «Кто есть кто и что есть что в глобалистике», в которое будут вовлечены не только профессора, преподаватели, но и студенты факультета. Составленная по его итогам обширная база персоналий и трудов по различным аспектам нашей молодой науки будет хорошим подспорьем как в ведении дальнейшей научной работы факультета, так и в организации обсуждения основных проблем глобалистики, выявлении сильных и слабых сторон в сонме ее достижений, который (а это уже мое личное мнение) должен служить формированию набора практических рекомендаций по глобальному управлению.

– А как решен вопрос с помещениями и в целом с материальной базой факультета? Было бы также хорошо озвучить координаты, по которым с вами можно связаться.

И. В. Ильин: Факультет успешно обжил 11-й этаж 1-го корпуса гуманитарных факультетов МГУ. Сделан хороший ремонт, неуклонно повышается техническая оснащенность наших аудиторий, заработал лингафонный кабинет, монтируется компьютерный класс.

Мы ждем всех, кто интересуется судьбами мира и просто хочет приобрести престижную и нужную специальность. А самое главное, мы сердечно приглашаем ученых и преподавателей, всех специалистов, видящих в глобалистике большие перспективы, к сотрудничеству с нами. И, как говорится, добро пожаловать на факультет глобальных процессов МГУ!

Наш сайт: www.fgp.msu.ru
e-mail: info@fgp.msu.ru
телефон: 939-43-23

ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ГЛОБАЛИСТИКИ

О. В. Малюкова, А. Г. Пырин

С 2001 г. в Москве на базе Института философии РАН и Российского философского общества под руководством профессора А. Н. Чумакова, профессора И. К. Лисеева и кандидата философских наук А. В. Кацуры ежемесячно¹ проходит междисциплинарный семинар «Философско-методологические исследования глобализации». Принимая во внимание непосредственную связь журнала «Век глобализации» с данным семинаром, который во многом послужил основой для появления такого журнала и где проходят обсуждение многие материалы, публикуемые в этом издании, мы предлагаем краткий обзор отдельных заседаний, состоявшихся в течение последнего года.

* * *

31 октября 2007 г. с докладом на тему: *«Россия – Европа: грани взаимодействия»* выступил кандидат юридических наук, доцент МГЮА П. А. Калинин. Он, в частности, отметил, что принципиальный интерес при рассмотрении процессов европейской интеграции вызывает вопрос о характере влияния ее на глобальные процессы. Европейская культурно-цивилизационная система – ключевой субъект глобализации. Неважно, кто сейчас извлекает дивиденды из этого процесса, глобализовали мир именно европейцы. Европейская интеграция – это современный исторический процесс, отражающий стремление европейских народов к объединению, своего рода способ самоидентификации европейской культурно-цивилизационной системы.

Геополитическая специфика этого процесса заключается в раздробленности Европы на полсотни национальных государств. Эти нации ввиду своих незначительных масштабов не способны по отдельности справиться не только с глобальными вызовами, но даже с регионализацией многих текущих проблем. Именно это является одной из главных причин кризиса и так называемого «отмирания» национальных государств в Европе. Это одно из проявлений кризиса всей системы, разразившегося в начале XX в., который был очень четко выражен многими мыслителями того времени, будь то О. Шпенглер в своем радикально-пессимистическом «Закате Европы» или К. Ясперс в оставляющем надежду на возрождение «Смысле и назначении истории». Кризис европейских наций катализировал разжигание двух жесточайших войн, принявших глобальный характер, которые окончательно похоронили старую Европу и окунули ее в темные (то есть последовавшие после заката по Шпенглеру) времена холодной войны.

Период мировых войн чрезвычайно сузил возможности для возрождения Европы в современных условиях глобализирующегося мира. Я хочу сказать, что у

¹ Заседания проходят в последнюю среду каждого месяца в 16.00 по адресу: Москва, ул. Волхонка, 14, Институт философии РАН, 5-й эт., зал заседания Ученого совета ИФ РАН.

европейской культурно-цивилизационной системы помимо интеграции сегодня нет иного пути к объединению. Европа никогда не была единой, многочисленные попытки объединения европейских народов, возникавшие, как правило, силовым путем в форме империй, никогда не охватывали всей Европы. Ни Священная Римская империя, ни завоевания Наполеона, ни Третий рейх не смогли создать альтернативы национально-культурной раздробленности Европы. Сотни кровавых томов европейской истории демонстрируют неэффективность и бессмысленность насильственных попыток объединения Европы. Интеграция в данном контексте выступает как единственный известный нам на сегодняшний день ненасильственный путь объединения. Поражает воображение тот факт, что начало интеграции в форме Сообщества, ненасильственно включившего 6 стран континентальной части Западной Европы, географически повторило границы империи Карла Великого.

Единство европейской культурно-цивилизационной системы предопределено не только географическим фактором. Она возникла на сплаве античности и варварства при восприятии христианства. Конечно же, европейские народы обладают общностью во всех формах общественного сознания – мировоззрении, науке, искусстве, морали, праве, политике и вере. Вместе с тем европейская культурно-цивилизационная система не является неким монолитом. Многократное перекраивание европейской карты привело к появлению как минимум 4 основных европейских культурно-цивилизационных типов, которые включает современная европейская система: средневропейского, евро-средиземноморского (включая греко-латинский и иберо-латинский), евроатлантического, евразийского.

Идея объединения всей Европы не нова. Ей, по меньшей мере, лет 700 – с момента выдвижения П. Дюбуа проекта создания христианской республики в начале XIV в. Чуть позднее вторжение тюрков в Европу вызвало к жизни проект короля Богемии Иржи Подебрада и герцога Сюлли объединения всех европейцев для борьбы против общего врага. Приверженцами объединения в Новое время выступили выдающиеся мыслители того периода: Бентам, Оккам, Вольтер, Руссо, Кант. А. Сен-Симон в XIX столетии разработал детальный план учреждения евромонархии. О «едином народе христианском» говорилось в Статуте Священного союза, образованного после наполеоновских войн русским императором Александром I. На стыке XIX–XX вв. бурное развитие получает панъевропейская идея, итогом которой явился план создания Соединенных Штатов Европы, выдвинутый в межвоенный период А. Брианом. Все это демонстрирует, что варианты ненасильственного объединения Европы были всегда, но возможность для реализации они получили только после исчерпания насильственных средств.

Развитие современной модели европейской интеграции берет свое начало с появлением 9 мая 1950 г. Декларации Шумана, которая воплотила в своих положениях основные тезисы концепции объединения, выдвинутой Ж. Монне. Концептуальная идея, выдвинутая Монне, заключалась в «постепенной интеграции через осуществление практических шагов в сфере экономики при достижении слияния неотъемлемых интересов на основе принципа работать сообща и разделить общей ответственности».

Базисом европейской интеграции стала экономическая интеграция путем создания общего рынка, выражающегося в свободном движении товаров, лиц, услуг и капиталов повсеместно по Сообществу. Эта идея заложена в Римском договоре об учреждении Европейского Сообщества 1957 г. В рамках Сообщества экономиче-

ский базис интеграции стали обеспечивать политическая (европейские институты) и правовая (европейское право) надстройки. Они вторичны по отношению к общему рынку, но принципиально важны для обеспечения его функционирования. Их появление стало возможным только при самоограничении суверенитета государств-членов Европейского Сообщества на основе идеи функционального суверенитета.

Появление Европейского союза (ЕС) в 1993 г. на основе Маастрихтского Договора стало логическим результатом развития экономической интеграции в рамках Сообщества, которая достигла уже в рамках ЕС уровня экономического и валютного союза. ЕС является не только экономическим, но и политическим объединением, о чем свидетельствует введение европейского гражданства и проведение общей внешней политики и политики безопасности. С другой стороны, ЕС – это не государство, это некая иная форма организации политической власти, производная от суверенной власти 27 государств-членов и противопоставленная им за счет разделения властной компетенции. Кроме того, Европейский союз – не единственная и не идеальная форма европейской интеграции. ЕС страдает врожденными и хроническими заболеваниями – недостаточной эффективностью институционального механизма ввиду чрезвычайной бюрократизации аппарата и дефицитом демократии при принятии властных решений. Именно эти факторы стали одной из ключевых причин провала Конституции Европы 2004 г.

С самого начала развития интеграционных процессов существовали иные, альтернативные формы европейской интеграции – Совет Европы, Бенилюкс, Северный Совет, Европейская ассоциация свободной торговли. На сегодняшний день среди альтернативных форм европейской интеграции доминируют ассоциативные формы взаимодействия ЕС с другими государствами Европы – ассоциация и квазиассоциации (интеграция «*a la carte*», партнерство, стратегическое партнерство).

Стратегическое партнерство между Россией и ЕС – это тоже иная форма европейской интеграции, имеющая ассоциативную природу и выражающаяся в создании 4 общих пространств: общего экономического пространства; общего пространства свободы, безопасности и правосудия; общего пространства внешней безопасности; общего пространства образования и науки, включая культурные аспекты. Россия крайне заинтересована в участии в процессах европейской интеграции. Это предопределяет не только тот факт, что Россия – самое крупное государство Европы, народы которого имеют общие этнические и религиозные корни с другими европейцами, но и единство общественно-политического и экономического устройства. Если мы сопоставим общие ценности, провозглашенные в ст. 6 Договора о ЕС 1992 г., с положениями главы 1 Конституции РФ 1993 г., формально мы не найдем различий.

Вместе с тем докладчик отметил, что он скептически относится к идее вступления России в ЕС в планируемом и прогнозируемом будущем, однако не исключил этого для отдаленного будущего (лет через 25 и более). Наиболее плодотворным для сегодняшнего исторического момента в отношениях между Россией и ЕС ему видится план экономического объединения России и нероссийской части Европы через создание общего экономического пространства на основе Северо-Евразийской зоны свободной торговли. Это приведет к созданию небывалого в истории человечества интегрированного рынка, экономической мощи и географическому охвату которого ни США, ни Китай противопоставить ничего не смогут (кроме объединения своих экономик, что практически невероятно).

Докладчику был задан ряд вопросов, в частности:

Вопрос. Действительно ли международное право отстаёт от решаемых задач?

Ответ. Международное право работает не везде и не всегда, не отражает реальностей новой беспоплярной системы. ООН стремительно теряет свои позиции, ее Устав уже на одну треть есть недействующий документ.

Вопрос. Каковы перспективы расширения Евросоюза?

Ответ. Такое расширение оправданно, а лучшие перспективы – у балканских стран. Но есть и особенности, связанные с Великобританией, Норвегией и Исландией.

* * *

29 января 2008 г. с докладом «*Триотрофная модель социогенеза*» выступила кандидат философских наук, доцент **О. В. Плебанек** (г. Санкт-Петербург). Очень сложно установить границу между социальным и биологическим, отметила она. Человек как социальный субъект конструирует артефакты, а не только использует природные средства. Четкие институты появились тогда, когда возникло неравенство. Избежать неравенства невозможно, в том числе и в эпоху глобализации. Глобальный век требует новых подходов, знаком которых стало появление связки – социогуманитарное знание. По мнению докладчика, можно выделить как минимум три вектора социогенеза: эволюционная линия, которая сформировала так называемые архаические, традиционные общества; эволюционная линия, которая привела к формированию номадических культур, образовавших вожества, квазиимперии и квазигосударства; эволюционная линия, приведшая к возникновению государств и цивилизаций. Таким образом, в современную эпоху сосуществуют общества, принадлежащие к разным культурным типам и в соответствии с этим в разной степени включенные в социокультурные процессы.

Современный мир представляет собой триотрофную систему. Термин заимствован из биологии, где он означает питательные связи, при которых ни одно из сообществ не может существовать без другого. Автотрофы – сообщества, которые способны непосредственно из метасистемы (среды) производить необходимые свойства жизнеобеспечения. Применительно к геополитическим системам это аграрные и природопользующие общества. Гетеротрофы – травоядные сообщества, которые нуждаются в продукции автотрофных обществ, но осуществляют для них (автотрофов) функцию перераспределения: возвращают в кругооборот веществ уже потребленные вещества. В социальной сфере гетеротрофы – социокультурные системы, осуществляющие международное распределение труда и продукции. Триотрофы в биологии – хищники, которые регулируют численность травоядных, позволяя сохраняться растительному покрову, который производит необходимый для тех и других кислород и из минеральных веществ органические, тем самым сохраняя жизнеспособность экосистемы. В глобальном сообществе роль триотрофов выполняют общества, осуществляющие производство новых технологий, стратегий разрешения глобальных проблем, новых ценностных ориентаций и т. д. Автотрофы и гетеротрофы нуждаются в существовании таких обществ, так как только в «элитарной» культуре (в данном случае высокотехнологичной, науко- и финансовоемкой и т. д.) возможно создание новых ценностных ориентиров и способов их достижения. Роль таких триотрофов в социуме выполняют геополитические лидеры.

В обсуждении доклада выступили:

Доцент **В. П. Веряскина**: Ваша концепция хорошо вписывается в антиутопию, но не вписывается в социальную структуру. Надо использовать язык соци-

альной науки, а не понятия по аналогии, последние есть лишь метафоры. Это социал-дарвинизм.

Член РФО **А. И. Корнющенко**: Мне нравится концепция автора. Ее не совсем правильно поняли. С основными понятиями я согласен. Жизнь их подтверждает. Творческое меньшинство всегда необходимо. Об этом писали Гераклит, Пифагор, Платон и др.

Кандидат биологических наук **Б. Г. Режабек**: То, что сказано в докладе, я воспринимаю не более чем метафору. Автотрофы потребляют неорганику, они питаются без посредников. Первые гетеротрофы – травоядные. Над ними находятся поедающие их хищники. Но человек не произошел ни от одного из них. Аналогия в данном случае не подходит.

Доцент **В. В. Колотуша**: Вы пытались создать целостную модель цивилизации путем аналогии с устройством биологического мира. И это не очень правомерно, так как мы прибегаем к редукции социального к биологическому. Отношение неэквивалентного обмена, в том числе паразитизма, широко распространены в отношениях между индивидами и социальными группами. Однозначно утверждать об их позитивном значении для общественного прогресса по меньшей мере – преувеличение.

* * *

27 февраля 2008 г. с докладом *«Роль религиозных институтов в решении глобальных проблем»* выступил доктор философии Гарвардского университета (США) **Ф. Т. Мерфи**, который отметил, что обычно религии оценивают по тому, насколько они приближаются к уровню толерантности. Но одной религиозной терпимости недостаточно, следует подняться выше – до ее ценностной эволюции. Толерантность может обозначать и недобрые чувства к противоположной стороне. Поэтому нужна также искренность в отношениях между религиями. Часто говорят, что причинами войны могут выступать религия или атеизм. Насилие есть результат низкого сознания, а не конфронтации религии и атеизма. Коммуникация – это та платформа, на которой может быть успешной реализация данной задачи. Первый уровень коммуникации религиозных культур называется эксклюзивизмом. Причины эксклюзивизма могут быть разными – это и вербальная (нетерпимость к иностранной речи), и культурная (нетерпимость к другим формам обрядности), и рациональная (нетерпимость к иным формам рассудка) и т. д. Более высокий уровень коммуникации – соборность, процесс обмена идеями разных религиозных культур. Это наиболее прогрессивный и успешный подход, но он имеет свои недостатки, так как нередко в процессе заимствования происходит искажение первоначальных идей. Следующий подход – постмодернистский. Он позволяет каждому высказывать мнение и определять для себя свое место. Этот подход удовлетворяет прежде всего тех, у кого нет религиозных практик. Слабость данного подхода в том, что мир, состоящий из кочующих относительных истин, не имеет опоры и ценностных критериев.

– Тип отношений, который предлагаем мы, – сказал докладчик, – учитывает горизонтальные связи между индивидами и не обращает серьезного внимания на вертикальные перегородки между религиозными практиками. Данный подход предложен психологией религии. Среди всех религиозных идей может быть выделен некий базисный субстрат – бескорыстное отношение любви в процессе религиозных практик. Диалог возможен прежде всего не через внешнее, а через внутреннее единство.

С содокладом выступил доктор философских наук, профессор **А. С. Тимощук** (г. Владимир). Религия – это живая традиция, подчеркнул он, которая тоже нуждается в обновлении. В новых глобальных условиях мы можем сравнивать между собой ценность тех или иных теологических конструкций. Так, авраамические религии индуцируют ожидание расплаты, суда, страх божий, покорность. Это очень низкий порог эмоциональности, который порожден апофатическим богословием. В авраамических религиях мало возможностей для выражения радости, восторга, удивления, юмора, привязанности. Возможно, редким исключением из правила являются пятидесятники в протестантизме, и именно поэтому они являются самой быстрорастущей конфессией в христианстве.

В условиях стресса, депрессии, одиночества человечество нуждается в других формах религиозности. Так, например, буддизм начинает не со страха, а с созерцательности. Буддизм также распространяет гуманизм на все живое, не ограничивая его человеком. Животных также надо наделить правом на жизнь, несмотря на то, что мы не можем потребовать от них выполнения обязанностей. Далее, в индуизме эмоциональность находит свое выражение в коллективном экстазе, достигаемом через совместное имяславие Харе Кришна/Харе Рама. Таким образом, индо-буддийские религии могут значительно обогатить эмоциональное отношение человека к сверхъестественному.

В обсуждении докладов выступили:

Доцент **С. В. Дворянов**: Космополитизм есть внутренняя эмиграция каждого человека. Политизация сферы религии ведет к экстремизму: исламскому, протестантскому и т. д. Грядет новое измерение, в котором техногенез заменяется антропогенезом.

Кандидат философских наук **А. В. Кацура**: Европа погрязла на многие века в религиозных войнах, несмотря на гуманизм христианской религии. Столкновение цивилизаций часто подается как столкновение религий. Войны были даже между христианами. Не было, однако, войны между христианами и буддистами. Ислам, христианство и иудаизм имеют один ствол, а значит, войны между ними будут продолжены. Восточные религии: буддизм, индуизм – не воюют между собой. Можно выразить надежду на влияние этих религий на западные конфессии.

* * *

6 марта 2008 г. с докладом *«Глобализация: объективная реальность и субъективные восприятия»* выступил издатель и редактор журнала «Свободная мысль», доктор экономических наук, профессор **В. Л. Иноземцев**. По его мнению, можно говорить о нескольких волнах глобализации. Относительно содержания терминов «глобализация», «глобалистика» идут дебаты и нет согласованной позиции. Процесс глобализации, полагает докладчик, есть смешение разных обществ в интегрированную экономическую систему. Термин был востребован в силу того, что в XX в. шел процесс доминирования Запада над периферией. Западная экономика и культура распространялись по миру. Развивающиеся страны вынуждены были воспринимать это навязывание западных порядков. В XXI в. такое воздействие Запада на остальной мир становится все менее выгодным. Запад постепенно снимает с себя ответственность за развитие периферии. Режим «свободного плавания» экономики оказывается более выгодным, так как он дает гораздо больше преимуществ. Глобализация уменьшает возможности национальных государств. Транснациональные компании не несут ответственности за страну, где они нахо-

дятся. В ближайшие 30–50 лет значимость центров принятия решений упадет. Рынок в настоящее время определяется во многом не потребностями, а спекулятивной игрой. Глобализация наращивает неравенство, но она к нему безответственна. Так, в США быстро растет имущественное неравенство: если в XIX в. 1 % населения владел 13 % национального богатства, то сейчас 1 % населения имеет 41 % этого богатства. Расслоение в мире идет быстрее, чем раньше. Кто виноват в этом? Как противостоять неравенству? Эти вопросы стоят перед человечеством. Преобладает процесс доминирования компаний, а не стран. Часто объем продаж компаний отличается от объема ВВП страны. Распространение прав человека иногда может давать отрицательные результаты. Например, в Бангладеш принятие закона о запрете использования детского труда привело к резкому росту детской проституции. Политические инициативы все реже появляются, так как происходит добровольный отказ многих стран от суверенных прав ради экономических и политических выгод. Особенно наглядно это происходит в Европейском союзе. Степень свободы все большая, а уровень правовой культуры не поспевает за ней развиваться. Поэтому будут нарастать конфликты в экономической и политической глобализации. В заключение докладчик ответил на вопросы.

Профессор МГЮА А. Г. Пырин: *В газете «Ведомости» Вы приводили данные опроса, согласно которому граждане ЕС считают себя больше европейцами, чем представителями коренной национальности. Как в этом отношении обстоит дело на евразийском пространстве?*

Ответ. В СССР была идея о формировании новой исторической общности людей – советский народ. Однако эта возможность была упущена. В ЕС нет прессинга, там понимают, что выжить в одиночку нельзя, страны жмутся друг к другу. На Евразийском пространстве Россия не хочет быть равной. Например, в Таможенном союзе она добилась для себя 57 % голосов. Поэтому по вине России мало возможностей для формирования единой общности.

Профессор В. В. Мантатов (г. Улан-Удэ): *1) Возможна ли конвергенция социализма и капитализма? 2) Есть ли будущее у общества потребления?*

Ответ. 1) Единства мира не будет, наоборот, идет процесс разобщения. Что касается конвергенций капитализма и социализма, то, например, во Франции уже сейчас многие не работают, а живут на социальные пособия. 2) В XXI в. господствует ординарная личность, а она – стабильный потребитель. Наоборот, возникает вопрос: что будет, если разрушится общество потребления?

* * *

28 мая 2008 г. с докладом «**Свобода совести в контексте глобализации современного мира**» выступил кандидат юридических наук **С. А. Бурьянов**, представитель независимой организации «Институт свободы совести».

Глобализацию как процесс интеграции современного мира в некую единую систему невозможно отменить или запретить, считает докладчик. В последние годы актуализировалась проблема терроризма, который является во многом реакцией на монополизацию власти. Доступность разрушительных технологий усугубляет ситуацию. Терроризм, прежде всего ядерный, является очень серьезной проблемой.

В целом экономическая, экологическая и другие виды интеграции успешны, но политическая интеграция плохо продвигается. Пока экономика и политика не идут «нога в ногу». Между ними существует разрыв. Социальные потрясения и политическая дезинтеграция идут в противовес экономической интеграции. Про-

блемы сохранения окружающей среды, преодоления нищеты и отсталости, ограничения гонки вооружений и сокращения военных расходов требуют укрепления сотрудничества, политического единства и интеграции (вплоть до уступки как минимум части национального суверенитета) с целью их немедленного решения. Попытки сотрудничества и интеграции в XX в. – Лига Наций, затем ООН, ЮНЕСКО, ЮНЭП и др. – оказались не вполне удачными. Следует отметить, что национальные государства хоть и становятся анахронизмом, но объективно являются отправной точкой для формирования единой мировой системы, призванной на новом уровне решать глобальные проблемы, стоящие перед человечеством.

Почему же тормозится политическая интеграция? Позитивной интеграции препятствуют разделительные принципы, эксплуатируемые национальными государствами, которые наследуются международными организациями. Последние состоят из первых и строятся на тех же принципах. Разделительные принципы, которые традиционно эксплуатируются политиками, – этнические, национальные, конфессиональные, деление на «своих» и «чужих» и т. п. Этнический и религиозно-конфессиональный факторы тесно взаимосвязаны, а в качестве разделительного принципа этноконфессиональный фактор является самым значительным и труднопреодолимым. На протяжении почти всей истории человечества определенная религия была основой идентичности племени, нации, общины и как следствие фактором разделения и нарушения прав меньшинств. В итоге политические конфликты, замешанные на этноконфессиональной основе, полыхают по всему миру.

Для устранения препятствий позитивной интеграции необходимо в правовом поле разграничить религию и политику, сформировать эффективные правовые механизмы, направленные на ограничение политической эксплуатации этноконфессиональных факторов. К этому следует прибавить необходимость развития глобального мышления с целью устранения этноконфессиональных стереотипов.

Как оградить общество от политической эксплуатации этноконфессиональных факторов? В решении этого вопроса особую роль играет формирование эффективного правового механизма для реализации права каждого индивида на свободу совести – юридического измерения свободы мировоззренческого выбора в качестве важнейшего средства защиты человека и общества от идеологического господства любых доктрин и структур. Исходя из того, что реализация человеком потребности в мировоззренческой ориентации (в том числе религиозной) является способом осознания себя в бесконечном мире, свобода совести является основой всех прав человека (системообразующим правом). Свобода совести охватывает все правовые уровни, и ее не следует подменять свободой вероисповедания. На уровне законодательства, к сожалению, нет единства в трактовке этого понятия. Формулировки означают и свободу мысли, и свободу убеждения, и свободу совести. При этом используются некорректные критерии. Имеет место системный кризис реализации свободы совести. основополагающие принципы и понятийный аппарат, применяемые сегодня в сфере свободы совести, не позволяют создать нормативно-правовую базу для полной реализации этого основного системообразующего права. Определение и сущностное содержание свободы совести как правовой категории фактически искажено, что создает непреодолимые препятствия на пути реализации декларируемых принципов. Нередко свобода совести подменяется свободой религии.

Принцип светскости государства в качестве важнейшей гарантии реализации свободы совести не получил должного развития в теории и на практике. В частно-

сти, он не закреплен в таком качестве в нормах международного права. Даже те государства, которые декларируют себя светскими, практикуют вмешательство в деятельность религиозных организаций и неправовой контроль мировоззренческой сферы вообще. В качестве решения проблемы необходим переход к новой парадигме: рассмотрения изменения соотношения между наукой и религией, признания многообразия соотношения знания и веры у различных людей в обществе; устранения юридически некорректного разделительного принципа на «верующих – неверующих» из системы права (именно его использование позволяет власти вторгаться под благовидными предложениями в мировоззренческую сферу и эксплуатировать ее – именно отсюда вырастают проблемы политической интеграции национальных государств).

По мнению докладчика, юридическая наука требует четких понятий, но правового определения понятия «религия» не существует. В религиоведении предлагаются более 200 определений данного понятия. В жизни каждый человек определяет ее по-своему. Необходим отказ от религиозного законодательства, но свобода совести зависит пока от политических и религиозных деятелей. Важной проблемой является противопоставление индивидуальных и коллективных прав. Светское государство понимается как нерелигиозное государство. Представляется, что светское государство следует определить как мировоззренчески нейтральное. Есть дилемма между научной и конфессиональной истиной. К сожалению, государство нередко отдает предпочтение последней, вступая в противоречие с Конституцией. Например, Конституция РФ провозглашает, что конфессиональное образование может осуществляться добровольно и за счет верующих. Однако «Основы православной культуры» преподаются принудительно и за счет государственных средств. Некоторые исследовательские церковные центры подаются как научные, хотя фактически являются конфессиональными. Вывод: интеграция невозможна без разграничения политики и религии.

Создание эффективного правового механизма реализации свободы совести и светскости государства как ее гарантии не является некоей панацеей, но есть необходимое условие позитивной политической интеграции и преодоления деструктивных тенденций глобализации современного мира. В конечном итоге это необходимое условие выживания цивилизации.

В обсуждении выступили:

Кандидат философских наук **А. В. Кацура**: Есть одна странность. Слово «совесть» за пределами этой аудитории редко употребляется. Общество его избегает. Все понимают, что это неработающее понятие. Доклад затрагивает за живое.

Кандидат юридических наук **С. А. Мозговой**: Я согласен с докладчиком, что нужно исходить из принципа необходимости разделения политики и религии. Это решит проблему светскости государства. Светскость не тождественна секуляризму. Секулярное – значит нерелигиозное. В основе светскости лежит свобода совести, которая не допускает гонений на религиозность. Проблемы человека в глобальном мире, как и многие аспекты глобализации, во многом связаны со свободой совести. Эта тема еще не получила должного осмысления и ждет своего решения.

ОТВЕТ НА ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Н. З. Ярошук

17–18 декабря 2007 г. в г. Чебоксары на базе Чувашского государственного университета прошла Международная научно-практическая конференция **«Вызовы современности в свете истории и философии мировой экономики»**.

Среди выступлений наибольший интерес вызвал доклад доктора экономических наук **С. Н. Сильвестрова** *«Глобализация и формирование нового миропорядка: реальные тенденции и перспективы»*. Глобализация не только открывает новые каналы трансграничного свободного перелива материальных, человеческих, интеллектуальных или финансовых ресурсов, но и одновременно пробуждает и катализирует глубинные изменения в основах жизни и деятельности отдельных государств и целых народов, отметил докладчик. Он также подчеркнул, что глобальный миропорядок – не свершившийся факт, но тенденция, все больше обуславливающая отказ от привычного евро- и американоцентристского взгляда на мир, равно как и от сугубого экономизма, на основе которого зачастую игнорируются цивилизационная специфика латиноамериканских, афро-азиатских и иных наций и государств. В основе транснационализации международных отношений лежат объективные тенденции мирового экономического развития. Значит, политическая и экономическая карты мира все менее совпадают, а принцип национального суверенитета все более размывается. Возникает несоответствие полномочий у традиционных государственных институтов принятия решений и международных институтов или надгосударственных органов, в руки которых быстро переходит контроль над основными ресурсами и экономическими процессами. Мировая экономика преобразуется в глобальную самовоспроизводящуюся систему, в которой основные планомерные и целенаправленные действия, определяющие воспроизводство, принимаются на международном уровне в группе наиболее развитых государств.

Глобальная проблематика была в центре внимания и другого доклада – *«Мировая энергетическая безопасность. Кризис или стабильность?»*, с которым выступил доктор экономических наук, профессор **М. В. Конотопов**. Он указал на то, что проблема энергообеспеченности есть и будет самой острополитической в планетарном масштабе. Стабилизация и наметившийся рост нашей экономики, потенциальная возможность использования «энергонакоплений» в качестве базы для ее инновационного развития вызывают тревогу даже у достаточно толерантных зарубежных правительств. Опираясь на выводы известного российского ученого Н. Д. Кондратьева, докладчик спрогнозировал спад макроэкономической активности в конце первой четверти XXI в. и подъем экономического развития

в середине XXI в. Далее последовал анализ причин ожидаемого спада макроэкономической активности и возможных путей выхода из кризиса. По данным British Petroleum, мировых доказанных запасов нефти остается примерно на 40 лет, газа – на 65 лет. В России уже выработана почти половина прогнозных ресурсов на суше, а разведанных запасов, пригодных для разработки существующими у нас технологиями, хватает лишь до 2015 г. Международное энергетическое агентство назначило новую дату коллапса мировой экономики – до 2025 г. (с открытием новых крупных месторождений дата может быть сдвинута). Не подлежит сомнению, что продолжение быстрого роста потребления энергетического продукта в сочетании с истощением мировых запасов природных энергетических ресурсов при отсутствии равноценной замены вполне может стать причиной очередного макроэкономического кризиса.

ГУМАНИЗМ VERSUS ГЛОБАЛИЗАЦИИ НАСИЛИЯ*

В. И. Красиков

Некоторое время после окончания холодной войны многие полагали, что прежняя насильственная история завершена и предстоит лишь определиться с тем, как может быть развита демократия в тех странах, где она находится еще в зачаточном состоянии. События в Югославии, в Афганистане, в сентябре 2001 г. в Ираке показали, насколько скоропалительными оказались оптимистичные прогнозы относительно возможного «конца истории», понимаемой как история взаимной ненависти, страданий и насилия. Оказалось иллюзией, что великие несчастья XX в., такие как мировые войны и тоталитаризм, смогут заставить людей оставить политику насилия. На деле начался новый настоящий ренессанс политического насилия как нормы существования. Это весьма опасно, так как люди вновь начинают привыкать к повседневности насилия, ведь хорошо известно, что мировые войны предуготовлялись локальными конфликтами и «опривычиванием» насилия. Подобные соображения актуализируют обсуждение проблем гуманизма и насилия.

Кузбасские философы и гуманитарии имеют уже устоявшиеся традиции анализа подобных проблем. С 2000 г. уже проведены четыре международных конференции на злободневные темы (социальная агрессивность, терроризм, толерантность) под respectable-академической эгидой «Кузбасских философских чтений». Очередная конференция в Кузбассе прошла 15 ноября и была посвящена междисциплинарным проблемам современных процессов глобализации и гуманизма. Здесь, в частности, отмечалось, что вся история человечества есть постепенный процесс его глобализации или же универсализации и гомогенизации его состава. Начало универсализации связано с переходом от исключительно природного существования к собственно цивилизационному – с так называемой «неолитической революцией», переходом к присваивающему хозяйству и городам (примерно десять тысяч лет назад). Люди начинают жить все более сходным образом и, что станет впоследствии основополагающим, начинают мыслить все более сходным образом. Сама универсализация долгое время имела локальный характер имперских «точек роста» – как в политико-хозяйственной, военной, так и в интеллектуальных областях.

Люди в равной мере существа разумно-конвенциальные и страстно-амбициозные и, как показывает история, не в состоянии рационально и толерантно решать вопросы властной и распределительной сфер хотя бы в отдельно взятой генно-родственной гомогенности – этноса, не говоря уже об общечеловеческой. Авторитаризм, насилие, диктат долгое время (ранее в открытом виде, сейчас – в скрытых, благовидных формах) мостили и мостят дороги глобализации челове-

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке и в рамках выполнения гранта РФФИ, проект № 07-06-00067-а.

чества, собирают рассеянные эволюцией и умноженные расселением-освоением планеты человеческие массы.

Первые вожества, империи универсализовывали пространства, относимые нами сегодня к «региональным»: Египет, вавилоно-ассирийские государства, Китай, Индия, Персия, Македония, Рим, арабы, Испания, наполеоновская Франция, Россия в освоении Сибири и Средней Азии, – создавали для того времени межрегиональные анклавные универсализации, где главным итогом была та или иная форма гомогенизации, реального жизненного освоения обширных пространств, наиболее яркие примеры которых – эллинизация, латинизация, исламизация и т. п. Существенно в меньшей степени это относится к империям (в основном захватническим) монголов, турок или же колониальным империям европейских стран, преследовавшим более цели фискальной эксплуатации. В XX в. региональные империи вступили в полосу войн за мировое господство.

Таким образом, идет глобализация – универсализация человечества через гомогенизацию его состава, в котором безжалостно перемалываются без числа социальные классы, слои, этносы, конфессии и т. п. Войны – имманентный спутник имперского развития, меняются лишь империи и противники. «Собирание» или глобализация не могут не быть имперскими, а если империя по-настоящему мировая, то проблемы и войны по-настоящему мировые. Столь суровые выводы относительно насильственной природы глобализации и ее раннего старта не отменяют необходимости ее гуманизации. Человек и стал человеком потому, что оказался способным противостоять насильственному формату существования, навязываемому природой (конкуренция, борьба за выживание) и прежней антагонистической историей.

Эти и другие идеи, прозвучавшие на конференции, отражают многоаспектность проблем глобализации (в истории, политике, экономике, праве, религии, этике) и объединяемы их гуманистическим содержанием. Можно надеяться, что полученные результаты будут способствовать созданию гуманитарной базы для разработки и принятия столь нужной России комплексной программы социально-экономического и духовного развития в контексте глобализации.

РЕЦЕНЗИИ, АННОТАЦИИ, РЕФЕРАТЫ

К ИТОГАМ ОБСУЖДЕНИЯ ЖУРНАЛА «ВЕК ГЛОБАЛИЗАЦИИ»

29 октября 2008 г. в Институте философии РАН состоялось обсуждение первого номера журнала «Век глобализации», которое затем было продолжено 14 ноября в РАО «Роснефтегазстрой». В обсуждении приняли участие члены редколлегии и редсовета журнала, а также приглашенные специалисты. Публикуя краткий стенографический отчет этого обсуждения, хотелось бы пригласить читателей продолжить начатый разговор и высказать свое мнение о журнале, его целях, задачах, исполнении (по форме и содержанию) и т. п.

Открывая первое заседание, главный редактор журнала, **доктор философских наук, профессор А. Н. Чумаков** проинформировал собравшихся о презентации русского и английского вариантов первого номера журнала на XXII Всемирном философском конгрессе (август 2008 г., Сеул). Затем он рассказал о культурно-просветительской акции «Философский поезд», организованной Президиумом РФО, в рамках которой 84 российских и зарубежных ученых по окончании конгресса проехали от Владивостока до Москвы в 4-х специально зарезервированных вагонах, делая остановки в крупнейших городах России, где также проходили презентации журнала «Век глобализации»¹. Обобщив итоги упомянутых презентаций, А. Н. Чумаков отметил, что такой специализированный междисциплинарный журнал по глобалистике является уникальным в мировой практике. Его актуальность и востребованность не вызывают сомнения. Теперь, после выхода первого номера, следует не только еще раз уточнить концепцию журнала, принципы работы редколлегии и редсовета, но и подумать над тем, какие приоритетные задачи должен решать журнал в первую очередь, как обеспечить в дальнейшем высокий научный уровень и в то же время доступный стиль изложения материалов, наконец, как выбирать темы публикаций, определять авторов, расширять круг читателей.

Профессор М. А. Чешков: Основное мое замечание – журнал лучше было бы назвать иначе: «Глобализация и глобалистика». Цель данного журнала – раскрыть знание о реальном процессе глобализации. Рубрику «Теория» я бы заменил на «Глобалистику». Это более конкретное название, так как выражает знание о глобализации. Подчеркну уязвимые черты нашей глобалистики, в том числе обсуждаемого журнала. Я не нашел в нем адекватного определения метода глобалистики, который бы соответствовал ее предмету. Слабым звеном является также вопрос о самом предмете глобалистики. Он сводится или к отождествлению с реальным процессом глобализации, или к человечеству как универсуму. Однако все это

¹ См.: Вестник РФО. – 2008. – № 3(47), а также сайты: www.globalistika.ru и www.dialog21.ru

не составляет предмет глобалистики, так как фактически он растворяется в человеческом универсуме или сводится ко всему конкретно осязаемому. Глобалистика превращается в знание обо всем, оказывается беспредметной, ее предмет исчезает. Третий вопрос – о статусе данного научного знания. Это теоретическое или практическое (прикладное) знание? На мой взгляд, оно скорее теоретическое знание, но имеющее прикладное значение. Глобалистика приспосабливается к реальной глобализации, поэтому выходом из данной ситуации является необходимость нахождения и осмысления обобщающего (базового) понятия. Это ключевая задача журнала по глобалистике. Иначе получается неопределенная ситуация: журнал не теоретический и не прикладной. Нам нужно ядро в качестве обобщающего понятия. Тогда журнал не будет представлять конгломерат, а приобретет комплексный характер. Для этого следует организовывать в журнале дискуссии по ключевым вопросам.

Профессор Э. В. Гирусов: Название журнала очень хорошее, так как подчеркивает главную проблему современности. Я бы даже усилил это название – «Эпоха глобализации». Именно эпоха глобализации фактически существует сейчас в реальности. Планета Земля для людей стала мала. Поэтому глобализация началась с экологической проблемы. Мне нравятся рубрики журнала и в частности «Глобальная персона». Я бы предложил в эту рубрику кандидатуру Альберта Гора, лауреата Нобелевской премии мира (2007 г.). Понравился мне теоретический раздел журнала, где указывается проблематика, породившая глобализацию, при этом раскрывается ее системность. Беда нашей экологической литературы в том, что в ней слабо раскрыты пределы экологического воздействия человека. Уже в первом номере журнала такие пределы показаны в статьях А. Б. Вебера – по потеплению климата, В. И. Данилова-Данильяна – по воде, И. И. Мазура – по энергетике. Удивительно, но встает вопрос: как могло человечество обходиться без такого междисциплинарного журнала? Мне представляется, что необходимо также исследовать такое понятие, как «глобология», которое раскрывает теорию глобализации. Глобалистика – это, по сути дела, перестраивание глобальных проблем. У данного журнала есть все шансы стать брендом нашей эпохи.

Профессор М. А. Чешков: Нельзя отождествлять глобальные проблемы и глобалистику. Второе гораздо шире по объему. Глобальные проблемы есть одна из составляющих предмета глобалистики. Такое отождествление прозвучало в выступлении Э. В. Гирусова.

Профессор Э. В. Гирусов: Глобалистика, на мой взгляд, – это то, что вытекает из важнейших глобальных проблем. Именно последние встали во весь рост перед человечеством.

Профессор А. Н. Чумаков: Я согласен с профессором М. А. Чешковым, что глобальные проблемы являются предметом глобалистики. Более того, ее предметом не в меньшей степени является и глобализация, в первую очередь обусловившая появление глобальных проблем. Мы должны быть более внимательными при употреблении основных понятий глобалистики, дабы не усложнять понимание и без того непростых тем. Вместе с тем необходимы дискуссии, если они носят принципиальный характер. Но наш журнал не должен стать узкопрофессиональным научным междусобойчиком. В известной мере он должен быть понятен и широкому кругу читателей, не теряя при этом высокого теоретического уровня.

Кандидат юридических наук С. А. Мозговой: 1) Журнал хороший и по форме, и по содержанию. Следует продолжать эту линию. 2) Перспективы журна-

ла требуют приглашать к участию в нем как представителей правого, например А. Илларионова, так и левого лагеря. Что касается глобальных персон, то, на мой взгляд, кандидатура А. Гора неудачная. Он занялся экологическими проблемами после того, как проиграл выборы на пост президента США, поэтому здесь очень сильна политическая линия. Нам надо быть осторожными в выборе кандидатур на «глобальную персону».

Член-корреспондент РАН В. И. Данилов-Данильян: Я не могу согласиться с инициативой С. А. Мозгового по поводу кандидатуры А. Гора. А. Гор еще в середине 90-х гг., будучи вице-президентом США, входил в состав комиссии «В. С. Черномырдин – А. Гор», в которой ставились и рассматривались мировые экологические проблемы. Я лично был участником этих событий. А. Гор задолго до выборов в США занимался этими проблемами. Нобелевская премия мира им была получена справедливо.

Профессор Х. А. Барлыбаев: Уважаемые коллеги! Журнал состоялся. Он держателен. Мое субъективное ощущение: материалы все интересные, но они неровные. Глобальные проблемы изучены лучше, поэтому эти статьи интереснее. Можно отметить статьи А. Б. Вебера, В. И. Данилова-Данильяна, И. И. Мазура. Мы зациклились на предмете глобалистики, а следует уже анализировать ее структуру и направления. В статье В. Л. Иноземцева рассматриваются проблемы мировой глобализации, но о России там ничего не сказано, видимо, она находится вне мира. В статье цитируются десятки иностранных авторов, а российские практически отсутствуют.

Профессор А. Н. Чумаков: Я поясню ситуацию с В. Л. Иноземцевым. Мы просили его написать статью исключительно по проблемам западной глобалистики, поэтому о России там и нет ничего.

Доктор философских наук Л. Е. Гринин: Я бы хотел высказать общие соображения по нашему журналу. Во-первых, относительно названия, которое мне представляется достаточно емким и точным. Прежде всего название подчеркивает, что мы говорим о широкой перспективе, о целой эпохе, «веке». Затем о соотношении глобалистики и глобализации в рамках направленности нашего журнала. Бесспорно, глобалистика составляет ядро глобализационных проблем, с другой стороны, она в ряде аспектов шире, чем глобализационная тематика. Но все же это термины несколько разного ряда: глобализация – это процесс, а глобалистика – область научного знания (можно сказать и по-другому – научное направление). Журнал посвящен именно исследованию современных глобальных процессов в самых разных измерениях и с точки зрения разных научных дисциплин и даже подходов. Поэтому он и позиционировался изначально как междисциплинарный, учитывающий аспекты и достижения большого количества научных дисциплин.

Во-вторых, по поводу статуса журнала. Разумеется, журнал научно-теоретический. Но хотелось бы видеть статьи разной направленности: от программных до дающих вполне практические рекомендации в тех или иных областях и проблемах. Мы стремимся к очень высокому научному уровню, но по возможности должны добиваться того, чтобы материалы, публикуемые в журнале, были бы интересны и доступны широкому кругу читателей, включая студентов. Первый номер, как мне кажется, в принципе вполне отвечает этим двум важнейшим критериям.

В-третьих, по поводу того, чтобы издавать не два, а четыре номера в год. Я пока считаю это нецелесообразным в ближайшей перспективе. Первый номер

получился, на мой взгляд, очень сильным. Над ним шла большая работа. Одновременно шла большая работа над самим оформлением журнала. Хотя еще есть много над чем работать (и мы знаем это лучше, чем кто-либо другой), в целом можно констатировать, что журнал состоялся. Он стал узнаваемым, приобретает популярность, редакционный портфель растет, его содержание и внешнее оформление нравятся. Это наша общая заслуга. Но требуется время, чтобы журнал не только состоялся, но и устоялся. Хотя бы два года. После этого (как мы и планировали изначально с А. Н. Чумаковым) можно обсуждать вопрос об увеличении числа номеров в год.

Профессор В. В. Попков (г. Екатеринбург): У меня две кандидатуры для рассмотрения в рубрике «Глобальная персона». 1) А. А. Богданов. Иногда говорят, что у него нет предмета анализа, но он начинал исследование с мельчайшей нити и заканчивал глобальной системой. Только сейчас мы начинаем понимать масштаб его фигуры. В китайской философии есть концепция «инь и ян». Китайцы очень серьезно относятся к этой концепции, используя ее в том числе и в процессе образования. Мы же считаем ее экзотикой. Необходимо соединить теорию организационной науки А. А. Богданова с концепцией «инь и ян», что позволит более конкретно осмыслить проблемы глобальные и внутрличовеческие в их единстве. 2) Второй кандидатурой является Эрнст Мах. Он разработал принцип «все зависит от всего». Глобализация направлена не только на изучение земной природы в целом, но и на вторую часть природы, на внутреннюю природу человека. Она формируется начиная с образования и заканчивается научным исследованием. Но наука раздробилась и стала фрагментарной. Поэтому ученые не могут понять друг друга. Существует много мифов, штампов. Все это является внутренней проблемой познавательных способностей человека. Несогласованность ведет нас прямым ходом к краху. Для космоса не имеет значения исчезновение нашей (земной) цивилизации – появилась и пропала. Мы подошли к краю нашего бытия.

Член-корреспондент РАН В. И. Данилов-Данильян: Номер журнала получился очень удачным. Надо держать эту планку. Недостатки журнала обусловлены тем, что это первый номер. Нельзя менять название журнала после первого номера. Слово «глобалистика» включать в название журнала также нельзя, так как до сих пор идут споры о содержании этого термина. Что касается персоны, то их очень много. Необходимо выработать признаки глобальной персоны, и первейшим признаком таковой является глобальная известность. Еще у меня просьба к А. Н. Чумакову: членов редсовета следует больше нагружать работой. Нам надо так же, как и членам редколлегии, высылать электронные тексты статей с целью их рецензирования.

Профессор Н. М. Мамедов: Название журнала удачное. Однако методология глобальных процессов разработана слабо. С этой целью можно ввести рубрики: «Культура и глобализация», «Наука и глобализация», «Технологии и глобализация» и другие. В качестве глобальных персон можно рассмотреть Чингиза Айтматова, Александра Яншина. Они через художественную литературу и науку анализировали глобальные проблемы. В. И. Данилов-Данильян прав: членам редсовета также следует присылать материалы для работы с ними.

Профессор А. В. Митрофанова: У меня реакция на вопрос о глобальных персонах. Следует рассматривать деятельность не живых современников, а покойных персон. Я предлагаю кандидатуру Г. С. Хозина включить в очередь на рассмотрение. Он человек глобального типа, занимался проблемами космоса, теорией гло-

бальных проблем, выступал со своими идеями в западных университетах, в частности в Страсбурге.

Доктор геолого-минералогических наук В. И. Морозов: Мы слишком увлеклись политиками и хорошо известными положительными персонами. Это напоминает мне серию «Жизнь замечательных людей» (ЖЗЛ). Если идти только по этому пути, то будет потеряна острота и дискуссионность, заявляемые в качестве главной идеи нового журнала.

Профессор А. Н. Чумаков: Я поддержал бы эту мысль, так как наш журнал научный теоретический. Поэтому следует говорить в первую очередь о теории и практике глобалистики, а не о персонах, которые на самом-то деле вторичны. Вот, например, нарастает глобальный кризис, а понимания его фундаментальных причин, которые кроются в глобализации, нет. Где, как не в нашем журнале, говорить, рассуждать, дискутировать об этом?!

Кандидат юридических наук Б. Ф. Калачёв: Меня лично название журнала полностью устраивает. К слову, напому: подробное коллегиальное обсуждение этого вопроса со всеми «за» и «против» проходило еще до издания первого номера «Века глобализации» (см.: О журнале «Век глобализации» // Вестник РФО. – 2007. – № 3). Что касается предмета глобалистики, то он имеет очевидное междисциплинарное содержание. К примеру, объект с точки зрения юридической науки – это общественные отношения, например в сфере незаконного оборота наркотиков. А с позиции биологии предмет в данном случае никак не общественные отношения, но какое-то, допустим, наркотикосодержащее растение. И когда такой объект начинают вместе обсуждать юрист, биолог, географ, философ, специалисты иного профиля, то в итоге их междисциплинарных усилий удается получить совсем иную, более цельную конфигурацию объекта, нежели это делал бы каждый из них в отдельности. То же самое происходит и с предметом глобалистики. Именно в связи с междисциплинарной сущностью нашего издания предлагается на его страницах рассказывать читателям о значимых персонах каждой из трех отраслей знания – естествознания, технических и гуманитарных наук. Я бы также рекомендовал ввести рубрику под названием «Философия глобального права» и в ней рассматривать в междисциплинарном контексте глобальные проблемы миграции, транснациональной организованной преступности, международного терроризма, торговли людьми и т. д.

Кандидат биологических наук Б. Г. Режабек: Для меня большая честь участвовать в работе такого журнала. В нем сочетаются воедино многие компоненты. Соединяются интересы «естественников», социальных ученых и философов. Статьи в журнале интересны. Подобного журнала пока в мире нет. На мой взгляд, должна быть специальная рубрика: «Социальные (ноосферные) технологии». В качестве глобальных персон можно назвать И. Канта, он разрабатывал идеи «вечного мира», и А. Эйнштейна, который проявил себя активно не только в области естествознания, но и в общественной жизни.

Профессор С. Ю. Кашкин: Важным является то, что журнал с самого начала заявил себя как междисциплинарное издание. Таким образом, он активизирует и стимулирует комплексные, междисциплинарные и одновременно системные исследования проблем глобалистики ведущими учеными из разных сфер деятельности. Это позволяет применить философские подходы к глобальным проблемам современности одновременно и шире – по многообразию областей науки, и глубже – более профессионально и детально в рамках каждой из них. Такой подход

обогащает и саму философию, и каждую сферу научной деятельности, создавая в конечном счете более полную и точную картину современного мира, проблем и перспектив его развития. Также важно шире привлекать к сотрудничеству в журнале иностранных авторов.

Профессор А. Н. Чумаков: Здесь затронута важная тема. На первых этапах обсуждения концепции журнала предлагалось сделать журнал целевым, то есть один номер посвятить, например, проблемам экономики, другой – политике и т. д. Мы же склоняемся к тому, чтобы он оставался междисциплинарным. Хотелось бы услышать и другие мнения на этот счет.

Главный редактор «Российской философской газеты» А. К. Казьмин: Это очень серьезный и важный проект. Название и направление журнала правильны. Идеология в философском исследовании приемлема. Но в научном исследовании она требует осмысления элементов каждой науки. Никто в отдельности не справится с глобальным управлением. Поэтому важно философское направление его анализа. Журнал, если он будет серьезно рецензироваться, может постепенно выйти на ответы по мировому управлению. На Байкальском форуме (август 2008 г.), который прошел в рамках уже упоминавшейся культурно-просветительской акции «Философский поезд», скрестились два мнения на мировое управление. Депутат Госдумы С. А. Марков говорил о необходимости такого управления и предлагал методы решения этой проблемы. Известный журналист В. Т. Третьяков утверждал, что такое мировое управление совершенно не нужно. Философия сейчас находится на конкретном рубеже, который требует исследования человеческого мышления, так как оно – «всему голова». Еще Пифагор и Платон говорили фактически о структурированности мирового управления. И сейчас особенно важно выяснить, каким будет это управление. Новый уровень системного мирового управления должен быть справедливым. При нем должно исчезнуть национальное ущемление. У журнала большое будущее. Он может способствовать написанию закона социального существования, обладающего справедливым содержанием.

Профессор В. В. Снакин: Наш журнал должен быть ВАКовским. Это, в частности, важно для его престижа. Но как его включить в список ВАКа? Требуется специализация направления исследования. Нам следует подумать об этом и провести консультации по данному вопросу. Также нужен сайт журнала и хорошо продуманная система его популяризации.

Профессор А. Б. Вебер: События, произошедшие в этом году, очень серьезные. Происходит мировой финансовый кризис. Этот кризис если не по глубине, то по масштабу превосходит то, что было в 1929–1933 гг. Действительно, он охватил весь мир. В мировом политическом сознании также произошли серьезные изменения. Этот сдвиг обусловлен событиями на Кавказе, которые вызвали огромный резонанс. Раньше в центре стояли проблемы рыночной глобализации. Сейчас акцент смещается в геополитическую глобализацию. Необходимо создавать новые точки мирового равновесия. В частности, об этом говорил глава МИД России С. Лавров. Все это должно найти отражение в журнале, так как данные проблемы задевают всех.

Доктор философских наук Л. Е. Гринин: Мне также кажется, что наш журнал должен обязательно откликнуться на проблему мирового кризиса. Необходим глубокий анализ причин, ближайших и отдаленных последствий кризиса, как он повлияет на те или иные процессы. Важно осознавать, что современный кризис во многом является порождением именно глобализации, в частности финансовых

аспектов глобализации, которые как бы вырвались вперед по сравнению с другими экономическими параметрами, не просто порождены ошибками руководства США. Я бы предложил в третьем номере, а если возможно, уже и во втором, сделать специальную рубрику, посвященную мировому кризису. Это было бы хорошо и с точки зрения оперативного отклика на события, и с точки зрения теории, прогнозтики, практических рекомендаций, и с других точек зрения. Любые осмысления его причин, последствий, возможности повторения, избегания и т. п. были бы очень ценны. Это также позволило бы привлечь видных специалистов, так как тема очень актуальна. Современный кризис выглядит как эпохальное и рубежное событие, по-видимому, скоро мы будем делить процессы: до кризиса и после кризиса. Можно не без основания считать, что экологические глобальные проблемы являются наиболее важными в современную эпоху. Однако большинство стран (как, впрочем, и людей) начинают осознавать важность совместных действий именно через экономику, через свой интерес. В этом плане именно кризис может заставить начать думать иначе, чем думали раньше, отказаться от эйфории бесконечного процветания, от идеологии постоянного расширения потребления. Именно экономический кризис может заставить активнее совместно искать решения глобальных проблем, немного уменьшить национальный эгоизм отдельных государств. Мне кажется, что кризис придаст новый импульс некоторым процессам, в частности трансформации национального суверенитета, в то же время может существенно изменить геополитический расклад в мире.

Профессор А. Д. Урсул: Журнал очень удачный. Непонятно, как жили без него раньше. Однако стало ясно, что два номера в год – это очень мало. Журнал разошелся, и спрос на него большой. Поэтому надо увеличивать количество номеров хотя бы до четырех в год. Междисциплинарная парадигма более свойственна ему и является позитивной. Как сделать его по одному профилю? Я думаю, это невозможно.

Член-корреспондент РАН В. И. Данилов-Данильян: В России есть ВАКовский междисциплинарный журнал «Вестник РАН». Поэтому есть основания для признания «Века глобализации» ВАКовским. Проблему глобализации следует решать через переход к устойчивому развитию. Данный крен должен быть усилен. Журналом заинтересовались многие учреждения, в частности федеральные (Ростов, Новосибирск), а также технологические университеты. Сейчас вводятся специализации по глобализации. Поэтому рубрика с образовательной проблематикой глобализации должна найти свое место в журнале. Что касается популяризации журнала, то было бы хорошо подготовить соответствующий информационный листок и распространить его по вузам и научным учреждениям.

Профессор А. Н. Чумаков: В наше время не только в ряде вузов вводятся специализации по проблемам глобализации, но и предпринимаются попытки создать соответствующие кафедры, факультеты. Так, например, в МГУ появился факультет глобальных процессов, где обучаются перспективные, серьезно интересующиеся глобалистикой студенты, а также молодой креативный преподавательский состав. Мы должны иметь в виду и проблемы образования, ибо вопросы подготовки специалистов по глобалистике непростые, однако они остро встают в реальной действительности и их надо решать.

Доцент И. В. Ивахнюк: Для меня большая честь быть членом редколлегии данного журнала. Я занимаюсь международной миграцией. Мне поручено отображать проблемы миграции в журнале. Представляется необходимым организовать собственный сайт. Журнал – это площадка для обмена мнениями. Наш жур-

нал теоретический, но он имеет прикладное значение. Планка взята высокая, но дальше необходимы конкретные шаги. Обычно после дискуссий о терминах приходят к выводу о необходимости о них договариваться. Например, термин «мигрант» до сих пор однозначно не определен, он по-разному понимается в различных странах. То же происходит и с терминами в глобалистике. Я прочла журнал, и меня смутило в статье А. Н. Чумакова то, что там акцент делается на глобальные вызовы. Это проявление определенного алармизма. В глобализации есть не только вызовы, но и новые позитивные возможности. Эта часть глобалистики должна быть усилена. Необходимо больше позитива. Конечно, есть проблемы, но существуют варианты их решения.

Доцент П. А. Калининченко: Журнал обстоятельно готовился. Неоднократно редколлегия собиралась и обсуждала название журнала, его структуру. По сути дела, мероприятия по исследованию процессов глобализации начались в 1999 г., когда стал действовать методологический семинар по проблемам глобализации. Затем была выпущена энциклопедия «Глобалистика», позднее – международный междисциплинарный словарь по глобалистике. Журнал «Век глобализации» – новый прорыв в исследовании данных проблем. Выпуск его есть очевидный успех деятельности в этом направлении.

Писатель, кандидат философских наук А. В. Кацура: Уважаемые коллеги! Я поздравляю вас с выходом замечательного журнала. В то же время хочу обратить ваше внимание на ряд стратегических проблем. С. Есенин говорил: «Большое видится на расстоянии». Западные глобалисты, как правило, не видят масштабной целостности процесса глобализации. Они часто сводят ее к финансовым и экономическим проблемам. Представим себе, что историк XXV в. будет изучать XXI в., если, конечно, XXV в. наступит. Он назовет нашу эпоху переходной точкой – цивилизация охватила всю планету, что дальше? Веер расходящихся возможностей, в том числе и сугубо негативных. Уже 50 лет человечество обладает возможностью себя уничтожить. Тейяр де Шарден писал, что «уход человека будет означать, что поражение потерпел весь Универсум». Глубоко верующий католик, Тейяр с надеждой смотрел в будущее, он верил, что в трудную минуту высшие силы поддержат человечество, самое ценное завоевание Вселенной. Нам в XXI в. необходимо широкое видение планетарных и экстрапланетарных проблем, что не отменяет скрупулезного изучения отдельных вопросов глобалистики, наиболее тревожных в первую очередь. Человек, обладающий «хитростью разума» (Гегель), может разорить Землю, а может сохранить планетарную цивилизацию и дать импульсы к дальнейшему развитию. Но при этом экологическая проблема не исчезнет. Она будет существовать всегда. Энергия, освоенная человеком, постоянно растет и будет достигать все больших величин. Умение осторожно пользоваться этой энергией потребует от человека немалых усилий и самодисциплины (на что нынешнее племя не очень-то способно). Вот почему видение должно быть не просто широким, но с сильной этической доминантой. Ныне мы видим ряд первоочередных проблем: 1) не до конца решенный вопрос мира и войны; 2) продолжают нарастать сложности в отношениях с природной средой; 3) уже реально ощутим кризис человека (отчуждение, потерянности, ослабление личностного начала, негативные эффекты толпы). Большие сомнения вызывает безоглядный вал массовой культуры. Не все просто с биосоциальной проблематикой (физическое и нравственное здоровье людей, аффекты генной инженерии и т. п.). Эти вопросы должны найти освещение на страницах журнала.

Доцент В. П. Веряскина: Мой взгляд со стороны: первый номер состоялся и он хороший. Но его делали известные люди. В будущем удержать этот уровень будет сложно. Я бы выделила статью С. П. Капицы, в которой он дает обстоятельный демографический прогноз. Хотелось бы выделить три момента: 1) теория глобализации – это трудный раздел, но его можно усилить за счет дискуссий; 2) следует шире привлекать количественный аналитический материал, который бы наводил на конструктив; 3) надо усилить антропологическое измерение глобализации. В этом отношении хорошая статья В. М. Лейбина. В качестве глобальной персоны я бы предложила кандидатуру А. Швейцера. В журнале следует отслеживать глобальные риски и вовремя реагировать на них. Журнал красочен, но в нем нет фото авторов и глобальных персон. В этом плане можно позаимствовать опыт журнала «Политический класс».

Профессор А. П. Назаретян: Предлагаю ввести в журнале рубрику по истории антропогенных кризисов, в том числе глобальных. В России есть хорошие специалисты в этой области, в частности географ, профессор А. А. Григорьев (С.-Петербург), который написал книгу «Экологические уроки прошлого и современности» (1991 г.).

Профессор И. И. Мазур: В журнале должно быть отражено международное общение, мы не можем замыкаться на себе, так как проблемы глобальные. Сейчас создаются глобальные корпорации. В частности, Россия, Катар, Иран объединяются в сотрудничестве по производству и сбыту газа. США восстали против такого объединения, но они бессильны что-либо сделать, так как 60 % мировых ресурсов газа сосредоточено в этих странах. В журнале необходима разнообразная информация о научных мероприятиях, проводимых в области глобалистики. Формат журнала определяется его бюджетом. Одно дело, когда бюджет минимальный, другое – когда миллионы рублей. Мы можем делать много предложений по улучшению журнала, но труд, например, переводчиков, надо оплачивать. Наши претензии должны быть профинансированы. Если нет таких возможностей, то следует ограничиться тем, что есть. Например, журнал «РБК» также начинал с минимума, но сейчас он приносит прибыль в 10 млн долларов. Там проведена большая работа, подтянуты через бизнес ресурсы. Поэтому следует поставить вопрос: какие у нас возможности, прежде всего финансовые, которые позволили бы в полной мере реализовать данный проект? Для издания солидного и массового журнала нужен штат сотрудников, который бы выполнял всю техническую работу, а наша роль состоит в определении содержания журнала и координации этой работы. На это уйдет 3–4 года. Тематика очень актуальна, люди ждут оценки глобальных процессов. Материал для такой тематики всегда можно набрать, так как проблема животрепещущая. Я являюсь главным редактором журналов «Нефтегазовое строительство» и «Энергия будущего», и мой опыт показывает, что и данному журналу предстоит пройти, в сущности, тот же путь.

Кандидат биологических наук Б. Г. Режабек: Линдон Ларуш (США), опираясь на математические выкладки, предсказал в 1994 г., что кризис, который разразился сейчас, случится в 2007 г. В журнале необходима рубрика по прогностике глобальных процессов, вызываемых ноосферными технологиями.

Писатель А. В. Кацура: В моей книге «Наброски к теории чудес» (2007 г.) один из героев предсказывает еще в 90-е гг.: «...бумажные горы рухнут и Америка покатится вниз». Журнал получился, но чего не хватает в нем? Не отражено большое противоречие эпохи. Раньше глобалистика понималась со знаком плюс, то

есть говорили о движении человечества вперед. Сейчас обнаружили в этом движении минусы. В журнале не затронуты пока проблемы космоса, хотя уже ставится на практическую основу доставка с Луны гелия-3. Может быть, включить в редколлегию космонавта Г. Гречко? Русский космизм – ноу-хау. Это направление может придать журналу больший позитив. Куда «бегут» финансы, все сейчас смотрят, а куда мир катится – не видят.

Кандидат юридических наук Б. Ф. Калачёв: Новый президент США Б. Обама основное внимание будет обращать на страны СНГ и Прибалтики с целью вытеснения оттуда России. Поэтому нам необходимо также в определенной мере ориентироваться на географическое пространство. Многообразные геополитические интересы России, в том числе и военные, следует отображать в журнале. Материалы, публикуемые в журнале, могут быть представлены в Госдуме, Совете Федерации, как на слушаниях в комитетах, так и на круглых столах.

Кандидат геолого-минералогических наук И. В. Ильин: У журнала хороший подзаголовок: «Исследования современных глобальных процессов». На факультете глобальных процессов МГУ 50 преподавателей и 250 студентов. Из 40 факультетов МГУ наш занял 2-е место в конкурсе абитуриентов – 13 человек на одно место. Мы говорим студентам: от вас зависят в будущем предсказание и решение глобальных кризисов. Для нашего факультета журнал является ценным учебным и научным изданием. Мы готовы предложить свои услуги и использовать возможности журнала в плане активного включения его в учебный процесс. Я поддерживаю идею усиления прогностической и культурологической функций журнала. Недостатком журнала является его малый тираж. Преподаватели Юга России и Приморского края спрашивают нас, где можно его купить. Не следует забывать, что мы не только говорим о веке глобализации, но и живем в нем.

Доктор философских наук Л. Е. Гринин: Звучали предложения по поводу введения рубрики, посвященной глобализации в учебном процессе, что-то вроде «в помощь» преподавателям, которые преподают этот курс. Это очень правильно. Это существенно расширит аудиторию и сделает журнал более востребованным. Это хороший способ сделать проблемы глобализации и глобалистики более понятными аудитории.

Профессор А. Д. Урсул: Прогностический аспект должен занимать существенное место в журнале. Глобалистика должна исследовать не только альтернативные подходы, но и выражать нормативные прогнозы, позволяющие осуществлять переход к устойчивому развитию. Будущее глобализации возможно реализовать только через устойчивое развитие. Образовательный аспект следует усилить, так как не только в МГУ, но и в Сибирском федеральном университете пытаются сейчас организовать подобный факультет. В журнале надо отображать и космоглобалистику. Глобальные процессы все более приобретают космический масштаб. Хочу поддержать Б. Г. Режабека о введении новой рубрики. Я бы назвал ее «Глобализация и ноогенез».

Профессор И. И. Мазур: Я хотел бы обратить внимание еще на одну проблему – Арктику, которая стала сегодня стыком глобальных интересов России, Америки, Канады, Дании, Исландии и других стран. 2009 г. провозглашен годом Арктики. Климат планеты Земля «завязан» на Арктику. Природные ресурсы Арктики составляют 20 % от всей планеты. Вопрос о природных ресурсах сложен. На освоение Арктики нужны колоссальные средства. Так, на освоение Ямала в 1970-е гг. планировалось затратить 20 млрд долларов, а уже освоено 120 млрд,

и это не предел. Проблема Арктики глобальная, и ее необходимо продолжать анализировать и дать свои идеи в нашем журнале.

Профессор А. Б. Вебер: Важна тема привлечения зарубежных исследователей. Причем речь не только об отдельных авторах, но и о целом ряде международных центров по проблемам глобализации. Прежде всего надо установить контакт с авторитетным «Международным форумом по глобализации» (Сан-Франциско), который объединяет 60 организаций из 25 стран. В журнале необходима рубрика по библиографии, где бы отражались статьи, книги, рецензии и т. д. по нашей теме.

Член-корреспондент РАН В. И. Данилов-Данильян: 1) Высказана мысль о более широком использовании количественных факторов, фактических данных, касающихся глобализации. Но они присутствуют в журнале в целом ряде статей. 2) Некоторые предложения, прозвучавшие в этом зале, предназначены для целых институтов, а не для журнала, который публикует то, что уже существует.

Профессор А. Н. Чумаков: В заключение я хотел бы поблагодарить всех выступивших за конструктивное обсуждение нашего проекта и кратко отреагировать на некоторые вопросы и замечания, прозвучавшие во время обсуждения.

1) Введение новых рубрик, в особенности касающихся мирового кризиса, образования и подготовки кадров в области глобалистики, библиографии и др., мне кажется весьма актуальным.

2) Международные связи журнал поддерживает и придает этому большое значение. Так, помимо того, что имеется международный редсовет, планируется приглашать к творческому сотрудничеству и других иностранных авторов. Видимо, эту работу следует расширить. В частности, во втором и последующих номерах уже запланированы публикации ряда статей авторитетных зарубежных авторов.

3) Нам действительно надо ориентироваться на перспективу и выходить на прогнозы везде, где это уместно и возможно. В этой связи мы планируем поместить уже во втором номере ряд публикаций такого плана.

4) Относительно увеличения числа номеров журнала. Здесь дело не только и не столько в материальной стороне дела, сколько в обеспечении высокого качества нового издания, в формировании его направленности и содержания. Мы полагаем, что пока не время переходить на издание четырех номеров в год, так как сейчас следует выдержать высокий теоретический уровень журнала, для чего нужны не только слаженная работа редколлегии и редсовета, но и хороший авторский коллектив, а также стабильная и желательна широкая читательская аудитория.

5) Наконец, правильно отмечалось, что не все читатели имеют постоянный и свободный доступ к Интернету, поэтому следует поддержать предложение о распечатке листов с информацией о журнале и их распространении по вузам и научным учреждениям. А свой сайт журналу, конечно, нужен, но это задача на перспективу. Пока же такую роль выполняет уже известный сайт www.globalistika.ru

*Записал доктор философских наук,
профессор МГЮА А. Г. Пырин*

НАШИ АВТОРЫ

АБЫЛГАЗИЕВ Игорь Ишеналиевич – доктор исторических наук, профессор, научный руководитель факультета глобальных процессов МГУ им. М. В. Ломоносова, Главный федеральный инспектор по г. Москве Аппарата Полномочного представителя Президента РФ в Центральном федеральном округе.

АЛЕШКОВСКИЙ Иван Андреевич – кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры народонаселения экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.

БАРЛЫБАЕВ Халиль Абубакирович – доктор экономических наук, профессор кафедры управления социальными и экологическими системами РАГС при Президенте РФ.

ВАСИЛЕНКО Василий Николаевич – доктор философских наук, профессор кафедры философии и психологии ВГИ ВолГУ (Волгоград).

ГИРУСОВ Эдуард Владимирович – доктор философских наук, профессор кафедры экологии и управления природопользованием РАГС при Президенте РФ.

ГРИНИН Леонид Ефимович – доктор философских наук, главный научный сотрудник Волгоградского центра социальных исследований.

ДЁЖКИН Вадим Васильевич – доктор биологических наук, профессор экологического факультета МНЭПУ.

ДОБРОВОЛЬСКИЙ Глеб Всеволодович – академик РАН, доктор биологических наук, профессор МГУ.

ИЛЬИН Илья Вячеславович – кандидат геолого-минералогических наук, доцент, член-корреспондент РАЕН, декан факультета глобальных процессов МГУ им. М. В. Ломоносова.

ИОНЦЕВ Владимир Алексеевич – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой народонаселения экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.

КАЛАЧЁВ Борис Федорович – кандидат юридических наук, профессор Московского государственного лингвистического университета, заслуженный сотрудник органов внутренних дел РФ.

КАНТОР Карл Моисеевич – кандидат философских наук, специалист в области эстетики и философии истории.

КАЦУРА Александр Васильевич – кандидат философских наук, член Союза российских писателей.

КРАСИКОВ Владимир Иванович – доктор философских наук, профессор, Председатель Кузбасского отделения РФО.

КУЧУРАДИ Иоанна – доктор философии, профессор, экс-президент Международной федерации философских обществ (Анкара, Турция)

МАЛЮКОВА Ольга Владимировна – кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии Московского государственного университета инженерной экологии.

МАРКОВИЧ Данило Ж. – доктор философии, профессор, Генеральный секретарь Сербской академии образования, член Международной академии наук в Мюнхене (Белград, Сербия).

ПОПОВА Людмила Владимировна – кандидат биологических наук, доцент, Музей земледения МГУ.

ПЫРИН Александр Григорьевич – доктор философских наук, профессор кафедры философии МГУА.

СНАКИН Валерий Викторович – доктор биологических наук, профессор Института фундаментальных проблем биологии РАН, Музей земледения МГУ им. М. В. Ломоносова.

ХАСБУЛАТОВ Руслан Имранович – член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой мировой экономики РЭА им. Г. В. Плеханова.

ЧЕШКОВ Марат Александрович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института международных отношений РАН.

ЧУМАКОВ Александр Николаевич – доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник ИФ РАН, Первый вице-президент Российского философского общества.

ЮДИН Борис Григорьевич – член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, заведующий отделом комплексных проблем изучения человека ИФ РАН.

ЯРОЩУК Наум Зосимович – кандидат философских наук, профессор, член Президиума Российского философского общества.

AGE OF GLOBALIZATION

Journal of Global Studies

Contents

Theory

- Cheshkov M. A.* Globality as the Basic Concept of Global Studies (pp. 3–11).
Barlybaev Kh. A. Globalization: Problems of Theory and Practice (pp. 12–20).
Kuçuradi I. Globalization of the Free Market from a Philosophical-ethnic Viewpoint (pp. 21–29).

World Crisis

- Khasbulatov R. I.* Global Financial Crisis: Causes and Consequences (pp. 30–45).
Grinin L. E. Undesired Child of Globalization. Notes on the Crisis (pp. 46–53).

Global Problems

- Dobrovolsky G. V.* Soil Degeneration – a Danger of Global Ecological Crisis (pp. 54–65).
Girusov E. V. The Energy of Mankind in Global Dimension (pp. 66–76).
Aleshkovsky I. A., Iontsev V. A. Trends of World Migration in the Globalized World (pp. 77–87).

Processes of Globalisation

- Chumakov A. N.* The Modern World: on the Threshold of Fundamental Transformations (pp. 88–94).
Djozhkin V. V., Snakin V. V., Popova L. V. Regenerative Natural Management – the Basis of Sustainable Development (pp. 95–113).
Kalachjov B. F. Movement of Narcogenes: from Space to Earth and to the Universe again (pp. 114–128).

Russia in Global World

- Katsura A. V.* World Outgoingness or Russian Path to Globalism (pp. 129–141).
Vasilenko V. N. Trialogue on Noosphere Nature and the Destiny of Mankind (pp. 142–145).

Man and Modernity

- Yudin B. G.* Technoscience, Man, Society: Actuality of Humanitarian Expertise (pp. 146–154).
Markovich D. Zh. Culture of Peace, Tolerance, and Interethnic Relationships (pp. 155–163).

A Global Personality

- Kantor K. M.* Marx' Doctrine: Universalism and Globalism (pp. 164–171).

Scientific Life, Education

- The Faculty of Global Processes in Lomonosov Moscow State University (pp. 172–181).
Malyukova O. V., Pysin A. G. Philosophical Methodological Researches in Global Studies (pp. 182–190).
Yaroschuk N. Z. Responses to the Challenges of Modernity (pp. 191–192).
Krasikov V. I. Humanism versus Globalization of Violation (pp. 193–194).

Reviews, Annotations, Reports

- The Results of the Discussion of the Journal ‘Age of Globalization’ (pp. 195–205).

The Authors of the Issue (p. 206).

К сведению авторов

Направляемые в журнал статьи и материалы следует оформлять в соответствии с правилами, принятыми в журнале:

Объем рукописи статьи не должен превышать 1 а. л. вместе со сносками (или 40 тыс. знаков, включая пробелы), для раздела «Рецензии» – не более 0,4 п. л. (или 16 тыс. знаков, включая пробелы).

Материалы должны передаваться в редакцию в электронном виде (на дискете или по электронной почте). Рукопись должна быть напечатана через 1,5 интервала (кегль 14) на одной стороне листа; сноски подстрочные (кегль 8);

все знаки, которые не могут быть напечатаны, должны быть вписаны в текст от руки крупно черными чернилами;

таблицы, схемы, графики, рисунки и др. иллюстрации должны быть даны отдельно, пронумерованы и озаглавлены. Следует учитывать, что графики и рисунки могут быть напечатаны только в черно-белом варианте;

библиографические ссылки оформляются в соответствии со следующими образцами:

Савельева, И. М., Полетаев, А. В. История и время. В поисках утраченного. – М., 1997. – С. 73.
Соловьев, С. М. Соч.: в 18 т. – Т. 7. – М.: Мысль, 1993. – С. 205.

Хаусхофер, К. Границы в их географическом и политическом значении / К. Хаусхофер // О геополитике. Работы разных лет. – М., 2001. – С. 28.

Шилов, В. Н. Труд как призвание: история и современность // Философские науки. – 1987. – № 1. – С. 34–42.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Публикуемые материалы могут не отражать точку зрения учредителя и редакции.

К рукописи прилагаются:

авторская справка, а также резюме статьи (желательный объем 6–12 строк) и данные для связи с автором: адрес, номера телефонов (служебный и домашний), электронный адрес.

«Век глобализации».

2(2), 2008. – 208 с.

Ответственная за выпуск *Е. А. Никифорова*
Технический редактор *Е. А. Никифорова*
Корректоры *И. Г. Гергель, Н. В. Самсонова*
Верстка *Е. Ф. Прыгуновой*

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77–27365 от 05 марта 2007 г.

© Издательство «Учитель»
400059, г. Волгоград, а/я 114.
Тел.: (8442) 44-85-53, 44-74-56
E-mail: uchitel@avtlg.ru

Подписано в печать 27.12.2008. Формат 70 × 100/16.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,77.

Тираж 1500 экз. Заказ № 2632.

Диапозитивы предоставлены издательством.

Отпечатано ОАО «Альянс «Югполиграфиздат»
Полиграфкомбинат «Офсет»
400001, г. Волгоград, ул. КИМ, 6.
Тел./факс: (8442) 97-49-40, 97-48-21, 26-60-10